ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ. ВЕРНЕТСЯ ЛИ СМАЙЛИ?

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

ШПИОНСКОЕ НАСЛЕДИЕ

MASTER DETECTIVE

CORPUS

Великолепный роман о любви, доверии и обмане.
Встанет на полку рядом с главными шедеврами Ле Карре.
EVENING STANDARD

Шпионское наследие
Джон Ле Карре

Аннотация
Джон Ле Карре. Шпионское наследие
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Благодарности

Аннотация

Новый роман мэтра шпионской интриги Джона Ле Карре — это одновременно сиквел и приквел к самым знаменитым его книгам, «Шпион, пришедший с холода» и «Шпион, выйди вон!». Постаревший Питер Гиллем, верный помощник Джорджа Смайли, под давлением обстоятельств вынужден рассказать правду о своей роли в трагических событиях тех лет. Точнее, часть правды. Собственных тайн у него немало, как у всякого бывшего разведчика. Даже от Смайли. И кстати: где же сам Смайли, когда у любимого ученика земля горит под ногами? От кого он скрывается? И жив ли вообще?..

Джон Ле Карре
Шпионское наследие

© David Cornwell, 2017
© С. Таск, перевод на русский язык, 2019
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Люди рождаются как под копирку,
а умирают каждый по-своему.
Приписывается Мартину Хайдеггеру

Глава 1

Я собираюсь правдиво, насколько возможно, изложить свою роль в спецоперации британской контрразведки по введению противника в заблуждение, под кодовым названием «Паданец», в отношении министерства госбезопасности Восточной Германии (Штази) в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов прошлого века, в результате чего погиб лучший британский секретный агент из всех, с кем мне приходилось иметь дело, и невинная женщина, ради которой он пожертвовал собой.

Профессиональный агент подвержен человеческим чувствам, как и все люди. Вопрос лишь в том, как долго он способен их в себе подавлять — в режиме реального времени или, как в моем случае, пятьдесят лет. Всего каких-то пару месяцев назад, мучаясь бессонницей в своем доме на заброшенной ферме в Бретани, под звяканье коровьих колокольчиков и недовольное квохтанье кур, я старательно отгонял от себя осуждающие голоса, периодически врывавшиеся в мой сон. Я был слишком молод, возражал

я голосам, слишком невинен, слишком наивен, слишком мелок в табели о рангах. Если вам нужны скальпы, говорил я им, направьте ваши поиски на гроссмейстеров обмана — Джорджа Смайли и его начальника по кличке Хозяин. Это их изощренное хитроумие и высший интеллект привели к триумфу и последующему провалу операции «Паданец». Только сейчас, когда меня призвала к ответу служба, которой я отдал лучшие годы своей жизни, преклонный возраст и замешательство подтолкнули меня обозначить, чего бы мне это ни стоило, светлые и темные стороны моего участия в этом деле.

Сам факт моей вербовки Секретной службой — Цирком, как мы, младотурки, ее называли в те дни (их принято считать славными), когда она еще располагалась не в гротескной крепости на берегу Темзы, а в претенциозном викторианском особняке из красного кирпича, на изгибе Кембридж-сёркус, — по сей день остается для меня такой же загадкой, как и обстоятельства моего рождения, тем более что эти два события неразрывно связаны.

Мой отец, которого я почти не помню, был, по словам матери, гулякой родом из богатой англофранцузской семьи, жившей в одном из цен-

тральных графств Великобритании, обладателем неумеренных аппетитов и быстро тающего наследства, но при этом влюбленным во Францию, что многое искупало. В тридцатых он проводил лето в курортном городке Сен-Мало на северном побережье Бретани, где посещал казино и *maisons closes*[1] и при всяком удобном случае пускал пыль в глаза. Моя мать, единственный ребенок в потомственной семье бретонских фермеров, на тот момент двадцатилетняя, оказалась в этом городке на свадьбе в качестве подружки невесты, дочери преуспевающего торговца скотом. Если верить ее словам. А так как она была единственным источником информации и любила приукрасить факты, выставлявшие ее не в самом благовидном свете, я бы не удивился, узнав, что ее туда привел не столь возвышенный повод.

После бракосочетания, гласит ее история, она со второй подружкой невесты, пожертвовав бокалом, а то и двумя бокалами шампанского, сбежала с банкета в свадебных нарядах и отправилась прогуляться по оживленному променаду, куда целенаправленно вышел мой будущий отец. Моя мать, в отличие от второй подружки, была

---

[1] Сноски: 1
Публичные дома *(фр.).*

хорошенькая и ветреная. Закрутился бурный роман, о чем мать стыдливо умалчивала. Но вторая свадьба не заставила себя долго ждать. В результате появился я. Мой отец, как выяснилось, не был предрасположен к брачным узам и даже в первые годы супружества чаще отсутствовал, чем присутствовал.

Но дальше история делает героический разворот. Война, как мы знаем, меняет жизнь, и моего отца она изменила в мгновение ока. Не успели ее объявить, как он уже стучался в двери британского военного ведомства и предлагал свои услуги всем подряд. По словам матери, он задался целью в одиночку спасти Францию. А может, то была попытка сбежать из семьи, но мать ни разу не позволила мне высказать при ней столь еретическое предположение. Британцы недавно организовали спецподразделение, получившее лично от Уинстона Черчилля славное задание «сделать все, чтобы Европа заполыхала». В прибрежных городках Юго-Западной Бретани вовсю орудовали немецкие субмарины, причем активнее всего — в нашем родном Лорьяне, где раньше находилась французская морская база. Мой отец пять раз парашютировался на бретонской равнине, вступал в контакт

с разрозненными группами Сопротивления, вносил свой вклад в общее побоище и встретил жестокую смерть в тюрьме Ренна от рук гестапо, навсегда оставшись недостижимым для его сына идеалом беззаветного служения родине. Другим его наследием стала неуместная вера в британское публичное школьное образование: мало того что он сам проучился кое-как, так еще и меня обрек на ту же участь.

Мои ранние годы прошли как в раю. Мать кашеварила и лепетала со мной, дед был строгим, но добрым, ферма процветала. Дома мы говорили по-бретонски. В католической начальной школе в нашей деревне красивая молодая монашенка, прожившая шесть месяцев в Хаддерсфилде в качестве *au-pair,* учила меня азам английского и, в соответствии с общегосударственным законом, французскому. Во время школьных каникул я бегал босиком по окрестным полям и скалам, собирал гречиху для материнских блинчиков, ухаживал за старой свиноматкой Фадеттой и принимал участие в озорных деревенских играх.

Будущее не означало для меня ничего, пока оно вдруг не нарисовалось.

В Дувре пышнотелая Мерфи, кузина моего покойного отца, приняла меня из рук матери

и привезла в свой дом в Илинге. Мне было восемь лет. В окно поезда я впервые увидел аэростаты заграждения. За ужином мистер Мерфи сказал, что через несколько месяцев все закончится, а миссис Мерфи утверждала обратное, и оба говорили по-английски медленно и повторяли фразы, чтобы я их понял. На следующий день миссис Мерфи повезла меня в Селфридж, где купила мне школьную форму, не забыв при этом сохранить чеки. А через день она меня провожала на платформе вокзала Паддингтон, а я махал ей на прощание новенькой школьной фуражкой.

Англизация, навязанная мне отцом, не требует особых пояснений. Шла война. Школам приходилось как-то справляться в этих условиях. Из Пьера я превратился в Питера. Над моим жалким английским потешались сверстники, а над моим бретонским акцентом — обеспокоенные преподаватели французского языка. Нашу деревеньку Ле-Дёз-Эглиз[2], как я случайно узнал, захватили немцы. Редкие письма от матери приходили в коричневых конвертах с английскими почтовыми марками и лондонским штемпелем. Лишь спустя много лет я осознал, через сколько отважных рук

---

[2] Сноски: 2
Les Deux Eglises — две церкви *(фр.).*

они должны были пройти. Праздники проходили то в лагерях для мальчиков, то у приемных родителей. Из начальной школы в краснокирпичном здании я перекочевал в гранитно-серую публичную школу, но ничего не поменялось: тот же маргарин, те же наставительные беседы о патриотизме и британской империи, то же спорадическое насилие, беззаботная жестокость и неудовлетворенное, безадресное сексуальное желание. Однажды вечером, весной сорок четвертого, незадолго до высадки морского десанта в Нормандии, меня вызвал в кабинет директор школы и сообщил, что мой отец погиб смертью храбрых и что я должен им гордиться. Из соображений безопасности никаких подробностей.

Мне было шестнадцать, когда после особенно нудного летнего семестра я, недоделанный английский недоросль, вернулся в Бретань. Мой дед умер. Мать делила ложе с новым спутником, которого звали месье Эмиль. Мне он не нравился. Одна половина тушки Фадетты досталась немцам, другая участникам Сопротивления. Не зная, куда деваться от подросткового раздрая, и подогреваемый сыновьим долгом, я сбежал на поезде в Марсель и, прибавив себе год, попытался записаться во французский Иностранный

легион. Моя эскапада закончилась тем, что офицер в ответ на просьбы матери, объяснявшей, что я француз, а никакой не иностранец, отправил меня обратно в плен, на этот раз в лондонский пригород Шордич, где якобы сводный брат моего покойного отца по имени Маркус возглавлял торговую компанию, занимавшуюся импортом драгоценных мехов и ковров из Советского Союза, который он называл Россией, — и этот человек взялся обучить меня новому ремеслу.

Дядя Маркус на всю жизнь остался для меня загадкой. Я по сей день не знаю, последовало ли это предложение от моих будущих начальников. Вопросы о том, как погиб мой отец, он встречал неодобрительным покачиванием головы — это относилось не к отцу, а к неуместности подобных вопросов. Порой я спрашиваю себя, можно ли родиться скрытным, как кто-то рождается богатым, или рослым, или музыкальным. Маркус не был подлым, прижимистым или недобрым. Просто скрытным. Родом из Центральной Европы, по фамилии Коллинз, он быстро шпарил по-английски, но с акцентом, а на каком языке говорила его мать, я так и не узнал. Меня он называл Пьером. У него была подружка Долли, хозяйка шляпного магазина в Уоппинге, которая

увозила его со склада по пятницам в конце рабочего дня. Мне не было известно, ни куда они уезжают на выходные, ни женаты ли они или, может быть, у каждого своя семья. Я знал, что у Долли есть какой-то Берни, но кто он — муж, сын или брат, — оставалось только гадать. Долли тоже родилась скрытной.

И я даже задним числом не могу сказать, были ли «Транссибирские меха и роскошные ковры Коллинза» настоящей торговой компанией или прикрытием для встреч разведки. Все попытки это выяснить утыкались в глухую стену. Каждый раз, когда Маркусу предстояла поездка на торговую ярмарку в Киеве, Перми или Иркутске, его все время трясло, а по возвращении он уходил в запой. А еще незадолго до ярмарки появлялся разговорчивый англичанин по имени Джек, который обвораживал секретарш, заглядывал в сортировочную со словами «Привет, Питер! У тебя все хорошо?» (ни разу не назвал меня Пьером), а затем уводил Маркуса куда-то на ланч, вернувшись с которого тот запирался у себя в кабинете.

Джек называл себя посредником в торговле пушниной, но теперь-то я знаю, что в действительности он занимался разведкой. Когда Маркус

объявил, что врач больше не разрешает ему ездить по ярмаркам, Джек пригласил меня на ланч вместо него в Клуб путешественников на Пэлл-Мэлл, где задавал разные вопросы: предпочел ли бы я своей нынешней работе службу в Почетном легионе, насколько серьезны мои отношения с девушками, почему я недоучился в публичной школе, где был капитаном команды боксеров, и не подумываю ли я сделать что-то полезное для своей страны, под каковой он подразумевал Англию, и если я по малолетству не успел поучаствовать в войне, то вот он мой шанс. За весь ланч он лишь раз упомянул моего отца, причем настолько вскользь, как будто вспомнил о нем совершенно случайно:

— Кстати, о твоем покойном папе. Только это сугубо между нами, договорились?

— Да.

— Он был очень отважным парнем и чертовски здорово послужил своей стране. Обеим странам. На этом остановимся?

— Как скажете.

— Давай выпьем за него.

— Давайте.

И мы молча выпили.

В элегантном загородном особнячке в графстве

Гэмпшир Джек, его коллега Сэнди и на удивление расторопная девушка Эмили, в которую я сразу влюбился, прочли мне краткий курс, как забирать корреспонденцию из секретного почтового ящика в Киеве, устроенного между расшатанных кирпичей в стене старого табачного киоска, копия которого стояла у них в оранжерее. Как выглядит условный знак, что к нему можно безопасно подойти, — в данном случае потрепанная зеленая ленточка, привязанная к перилам. Как дать понять, что я забрал корреспонденцию, — надо бросить пустую пачку от русских сигарет в урну рядом с крытой автобусной остановкой.

— Когда будешь подавать на советскую визу, Питер, лучше предъяви свой французский паспорт, а не британский, — беззаботно бросил Джек и напомнил мне, что у дяди Маркуса есть филиал в Париже. — И, кстати, к Эмили не подкатываться, — добавил он, на случай если у меня вдруг возникнут такие мысли, а они уже возникли.

* * *

Это стало моей первой ходкой, моим первым заданием от Цирка, как выяснилось позже, и тогда я впервые увидел себя бойцом секретного фронта по образу и подобию покойного отца. Другие

ходки в следующие два года уже не перечислю, а их было полдюжины, не меньше — Ленинград, Гданьск, София, позже Лейпциг и Дрезден, — и все небогатые на события, если не считать загрузку и разгрузку корреспонденции.

Уикенды в другом загородном доме с таким же красивым садом добавили трюков в мой репертуар: например, скрытое наблюдение за противником или «случайное» столкновение в толпе с незнакомцем и незаметная передача важного материала. В какой-то паузе между этими шалостями, на конспиративной квартире в южной части Одли-стрит, прошла тихая церемония: мне вернули отцовские боевые медали, французскую и английскую, с приложенными указами о награждении. Почему только сейчас? Я мог поинтересоваться, но к тому времени научился не задавать лишних вопросов.

И когда начались мои посещения Восточной Германии, однажды воскресным утром, в Западном Сассексе, в мою жизнь вошел полноватый, очкастый, вечно озабоченный Джордж Смайли, а все началось с моего отчета о выполненном задании, который принимал уже не Джек, а суровый тип чешского происхождения и примерно моего возраста, назвавшийся Джимом; фами-

лия же его (когда ему было разрешено таковую иметь) оказалась Придо. Упоминаю я о нем потому, что в моей дальнейшей карьере он сыграл немаловажную роль.

Во время моего отчета Смайли помалкивал, только сидел и слушал да изредка поглядывал на меня, как сова, сквозь очки в толстой оправе. Но когда все закончилось, он мне предложил пройтись по саду, который казался нескончаемым и переходил в парк. Мы разговаривали, присаживались на скамейку, снова куда-то шли и опять садились, продолжая беседу. Ваша матушка жива-здорова? Спасибо, Джордж. Ноги не слушаются, а так в порядке. А медали отца вы храните? Моя мать, ответил я, протирает их каждое воскресенье, что было правдой. Я умолчал о том, что она иногда вешает их на меня и плачет. А вот о моих девушках он, в отличие от Джека, не спрашивал. Видимо, из соображений безопасности не задавал лишних вопросов.

Вспоминая сегодня этот разговор, я не могу отделаться от ощущения, что он мне себя предлагал в качестве приемного отца, каковым и стал со временем. Хотя, возможно, он это так не воспринимал. Однако факт остается фактом: когда он задал мне решающий вопрос, я почувствовал

себя дома, хотя мой дом находился в Бретани, по ту сторону Ла-Манша.

— Мы тут подумали, — сказал он отрешенно, — не захотите ли вы перевести наши отношения на регулярную основу? Люди, работавшие на нас на стороне, не всегда одинаково комфортно ощущают себя внутри коллектива. Но вы, как нам кажется, впишетесь. Платим мы не очень много, и карьеры, бывает, прерываются. Зато мы считаем это по-настоящему важным делом. Главное, чтобы человека больше волновала цель, а не средства.

Глава 2

Мое фермерское хозяйство в Ле-Дёз-Эглиз состоит из прямостоящего, ничем не примечательного гранитного *manoir*[3] XIX века, обветшалого коровника с каменным крестом на коньке крыши, развалин фортификационных сооружений забытых войн, старого каменного колодца, ныне не используемого (а когда-то бойцы Сопротивления прятали там от нацистских оккупантов оружие), такой же старой выносной печи, допотопного пресса для изготовления сидра и пятидесяти гектаров равнодушного пастбища, спускающегося к морским скалам и побережью. Эта ферма принадлежала семье на протяжении четырех поколений. Я — пятое. Ни достойным, ни выгодным приобретением ее не назовешь. Из окна гостиной я вижу справа узловатый шпиль церкви XIX века, а слева — белую одинокую часовню, крытую соломой. Между ними расположилась деревня с соответствующим названием. В Ле-Дёз-Эглиз, как и во всей Бретани, ты или католик, или неверующий. Я — неверующий.

---

[3] Сноски: 3
Особняк *(фр.)*.

Чтобы добраться до нашей фермы из Лорьяна, надо проехать около получаса вдоль южного побережья по дороге, которую зимой обступают худосочные тополя, мимо останков выстроенной Гитлером «Атлантической стены»; разобрать ее не представляется возможным, поэтому она быстро приобретает статус современного Стоунхенджа. Через тридцать километров ты начинаешь выглядывать слева пиццерию с гордым названием «Одиссей», а вскоре, уже справа, появится зловонное кладбище старых автомобилей, где пьяный бродяга, по ошибке получивший при рождении имя Оноре[4] (мать рекомендовала мне всячески его избегать), но больше известный среди местных как Вонючий Карлик, приторговывает антикварными вещицами, использованными покрышками и навозом. После облезлого знака с надписью «Делассю» (семейная фамилия моей матери) ты сворачиваешь на разбитую колею и, попадая в выбоины, бьешь по тормозам либо на полной скорости ловко лавируешь между ними, как это делал почтальон месье Дени. Так он и поступил в то солнечное утро ранней осени — к негодованию кур во дворе и величайшему

[4] Сноски: 4
Уважаемый, досточтимый *(фр.)*.

безразличию Возлюбленной, моей любимой ирландской сеттерши, слишком занятой своим недавним пометом, чтобы обращать внимание на мелкие человеческие слабости.

А что до меня, то когда месье Дени, он же Генерал по причине высокого роста и некоторого сходства с президентом де Голлем, вышел из желтого фургона и стал подниматься на наше крыльцо, мне хватило одного взгляда, чтобы понять: письмо, которое он сжимает в своей узловатой руке, — это весточка мне из Цирка.

* * *

Поначалу это меня не встревожило, скорее позабавило. Есть в британской секретной службе вещи неизменные. Например, крайняя озабоченность внешним видом почтовой корреспонденции. Чтобы она выглядела не слишком официально или формально — для прикрытия это не годится. Конверт не должен быть прозрачным, предпочтительно линованный. Белый цвет бросается в глаза, поэтому лучше цветной, но без игривых оттенков. Тусклый синий либо серый — вот это приемлемо. В данном случае конверт был светло-серого цвета.

Второй вопрос: адрес мы печатаем или пишем

от руки? В поисках ответа сосредоточьтесь, как полагается, на адресате, в данном случае на мне: Питер Гиллем, бывший сотрудник, отпущенный на волю и испытывающий за это благодарность. Давно живет во французской глубинке. Встречи ветеранов не посещает. Официально не женат. Получает полную пенсию, а значит, уязвим. Вывод: в далекой бретонской деревне, где иностранец большая редкость, отпечатанный полуофициальный адрес на сером конверте с британской маркой может вызвать у местных жителей ненужный интерес, а посему пишем адрес от руки. Теперь задачка потруднее. Контора, или как там сейчас Цирк себя называет, не может пройти мимо вопросов безопасности, даже если речь идет о частной переписке. Добавить, для дополнительного веса, «персонально»? Или так: «Персонально. Вручить непосредственно адресату»? Нет, слишком тяжеловесно. Останемся в границах частной переписки. Тогда так: «Лично».

Артиллерийский квартал, 1
Лондон SE14
Дорогой Гиллем,
Мы незнакомы, поэтому позвольте

представиться. Я менеджер по деловым связям в фирме, где Вы когда-то работали, и отвечаю за текущие и за прошлые события. Дело, в котором Вы когда-то сыграли существенную роль, неожиданно всплыло, и у меня нет иного выбора, кроме как попросить Вас приехать в Лондон как можно скорее, чтобы помочь нам подготовить ответ.

Я уполномочен предложить Вам покрытие дорожных расходов (эконом-классом) и проживания в Лондоне из расчета 130 фунтов в день на весь необходимый период.

Телефона для связи мы Вам предложить не можем, но Вы имеете полное право позвонить Тане по номеру, указанному выше, за счет вызываемого или, если у Вас есть имейл, написать на электронный адрес, приведенный ниже. Не желая причинить Вам какие-либо неудобства, должен тем не менее подчеркнуть, что дело весьма срочное. В заключение позвольте мне Вам напомнить параграф 14 договора о расторжении взаимного сотрудничества.

Искренне Ваш,
А. Баттерфилд
(ЮС ГС)
P. S. Пожалуйста, не забудьте взять паспорт для предъявления в приемной. А. Б.

Аббревиатура расшифровывалась следующим образом: юридический советник главы службы. Параграф 14 звучал так: «Пожизненная обязанность явки по требованию Цирка». А сам оборот «позвольте мне Вам напомнить» как бы говорил: *не забывай, кто выплачивает тебе пенсию*. Имейла у меня нет. И почему письмо без даты: ради пущей безопасности?

Катрин в саду, вместе со своей девятилетней дочкой Изабель, играет с парой задиристых козлят, недавно пополнивших наше хозяйство. Хрупкая женщина с широким бретонским лицом и спокойными карими глазами, которые бесстрастно тебя изучают. Стоит ей протянуть руки, как козленок прыгает в ее объятия, а маленькая Изабель, по-своему выражая радость, складывает ладошки и кружится на месте. Катрин, при всей ее мускулистости, следует быть поосторожнее: если на нее прыгнут оба козленка сразу, они просто опрокинут ее на землю. Изабель меня

игнорирует. Зрительный контакт ее смущает.

В поле за ними глухой Ив, наемный рабочий, согнувшись пополам, срезает кочанную капусту. Правая рука взмахивает ножом, левая швыряет кочан в телегу, а согбенная спина при этом не меняет наклона. За ним наблюдает старая серая кобыла по кличке Артемида, когда-то подобранная Катрин. Пару лет назад мы с ней приняли гуляку страуса, сбежавшего с соседней фермы. Когда она сообщила об этом хозяину, тот сказал: он уже старый, можете оставить его у себя. Страус мирно почил в бозе, и мы ему устроили торжественные похороны.

— Ты чего-то хочешь, Пьер? — спросила меня Катрин.

— Боюсь, что мне придется уехать на несколько дней, — ответил я.

— В Париж? — Подобную перспективу она явно не одобряет.

— В Лондон, — говорю я. И поскольку даже пенсионеру необходимо прикрытие, добавляю: — Умер один человек.

— Которого ты любил?

— Уже нет, — ответил я с твердостью, которая меня самого удивила.

— Тогда не так важно. Сегодня уезжаешь?

— Завтра. Улетаю ранним рейсом из Ренна.

Когда-то, стоило бы Цирку только свистнуть, и я бы уже мчался в Ренн. Но времена изменились.

* * *

Если бы вы прожили с мое в шпионском поместье старого Цирка, вам было бы понятно отвращение, которое я испытал, когда в четыре пополудни следующего дня, расплатившись с таксистом, зашагал по бетонной дорожке к новому, шокирующему своим показным величием зданию Службы. Представьте меня на пике моей шпионской деятельности: усталый как собака, я возвращался из какого-то богом забытого провинциального городка империи — советской империи или ее сателлита. Из лондонского аэропорта ты сначала ехал автобусом, а потом подземкой до Кембридж-сёркус, где тебя уже поджидала производственная бригада, чтобы вытянуть все подробности. Ты преодолевал пять грязных ступенек перед викторианским уродцем, который мы называли ГО (Головным офисом), или Конторой, или просто Цирком. И вот ты уже дома.

Забудь о пикировках с бригадой, или отделом проверки, или администрацией. Обычные семей-

ные разборки между полевиками и центровыми. Сидящий в своем закутке вахтер со знанием дела говорит тебе «С возвращением, мистер Гиллем», спрашивает, собираешься ли ты сдавать чемодан, и желает тебе хорошего дня. Ты отвечаешь «Спасибо, Мак» или «Спасибо, Билл», в зависимости от того, кто сегодня дежурит, и показываешь ему свой пропуск. Улыбаешься, сам не зная почему. Перед тобой три старых расшатанных лифта, которые ты ненавидишь с первого дня, — причем два из них застряли наверху, а третий принадлежит лично Хозяину, так что даже не думай на него покушаться. Поскорей бы затеряться в лабиринте из коридоров и тупичков, этом физическом воплощении мира, в котором ты решил обосноваться, с его изъеденными древоточцем лестницами, щербатыми огнетушителями, подозрительными зеркалами и букетом запахов — затхлый сигаретный дым, «Нескафе» и дезодорант.

И вот теперь этот кошмар. Добро пожаловать в Шпионленд на Темзе!

Под присмотром суровых мужчин и женщин в спортивных костюмах я подхожу к пуленепробиваемому стеклу, отделяющему меня от стола на ресепшен, и мой британский паспорт ускольз-

зает от меня в металлическом лотке. За стеклом женщина. В мужском электронном голосе, доводящем выделение слов до абсурда, звучит эссекский акцент:

— Положите *все* ключи, мобильные телефоны, мелочь, *наручные* часы, ручки и *другие* металлические предметы *в* коробку *на* столе слева от вас, сохраните *белую* бирку от вашей коробки, а затем, с *обувью* в руках, пройдите *через* дверь с табличкой «Посетители».

Мне возвращают паспорт. Сначала меня досматривает веселая девочка на вид лет четырнадцати, которая обстукивает все тело этакой ракеткой для пинг-понга, потом меня просвечивают в своего рода стеклянном гробе, поставленном на попа. Провожая меня к непомеченному лифту, после того как я снова надел и зашнуровал ботинки — почему-то эта процедура показалась мне гораздо унизительнее, чем требование их снимать, — веселая девушка спрашивает, хорошо ли я провел день. Плохо. И ночь тоже, если ей это интересно, хотя, похоже, нет. По милости А. Баттерфилда я провел бессонную ночь, какой у меня не было уже лет десять, но ей этого не скажешь. Я полевой специалист, или, по крайней мере, был таковым. Моя естественная среда обитания —

открытые пространства для ведения слежки. И вот сейчас, так сказать, в зрелом возрасте, я выяснил, что письмо из новоявленного Цирка («Дорогой Джон»), свалившееся как снег на голову и потребовавшее немедленного приезда в Лондон, обрекает душу на беспокойные ночные скитания.

Кажется, мы поднялись на верхний этаж, но нигде этому нет подтверждения. В мире, где я когда-то жил, самые большие секреты прятали на верхнем этаже. У моей юной сопровождающей на шее висит целый арсенал ленточек с пластиковыми карточками. Она открывает дверь без опознавательных знаков, я вхожу, и она ее за мной закрывает. Я пробую ручку — не поддается. В жизни меня несколько раз запирали, но это всегда были противники. Окон нет, а на стенах наивные рисунки цветов и домов. Постарались дети А. Баттерфилда? Или это граффити бывших заключенных?

И куда пропали все звуки? Чем дольше я вслушиваюсь, тем безнадежнее тишина. Ни веселого перестука пишущих машинок, ни звонящих телефонов, ни дребезга колес изношенной передвижной картотеки, едущей по деревянным половицам наподобие тележки молочника, ни зыч-

ного мужского рыка «Кончай там насвистывать, черт побери!». Где-то между Кембридж-сёркус и набережной перекрыли звук как таковой.

Присаживаюсь на стул из стали и кожи. Листаю потрепанный экземпляр «Частного сыщика» и пытаюсь понять, кто из нас потерял чувство юмора. Встаю, снова пробую дверную ручку и сажусь уже на другой стул. Я уже пришел к выводу, что А. Баттерфилд пристально изучает язык моих телодвижений. Что ж, в добрый час, потому что к моменту, когда распахивается дверь и короткостриженая проворная женщина сорока с лишним лет, в деловом костюме, переступив порог, бесстрастным голосом горничной, проводящей санобработку в номере, обращается ко мне: «Здравствуйте, Питер. Я Лора. Пройдемте со мной?», — я успел провернуть в голове все проколы и провалы, со мной так или иначе связанные на протяжении всей моей карьеры лицензированного мошенничества.

Мы печатаем шаг по пустому коридору и заходим в стерильный белый кабинет с герметичными окнами. Свеженький очкастенький выпускник английской публичной школы неопределенного возраста, в рубашке и подтяжках, вскакивает из-за стола и хватает мою руку.

— Питер! Господи! Как же молодо вы выглядите! Тридцать пять от силы! Добрались нормально? Кофе? Чай? *Точно* не хотите? Как же здорово, что вы приехали. Для нас это *такая* поддержка. С Лорой вы знакомы? Ну конечно. Простите, что заставил вас ждать. Звонило начальство. Разобрались. Да вы садитесь.

Доверительно заглядывая в глаза, будто бы желая сойтись поближе, он подводит меня к неудобному стулу с высокой спинкой и подлокотниками, рассчитанными на долгие беседы. Сам снова садится за стол, заваленный старыми на вид делами, — тут тебе все национальные флаги. Поставив локти, обтянутые рукавами рубашки, куда-то между папок, он подпирает подбородок сжатыми кулачками.

— Кстати, меня зовут Кролик, — объявляет он. — Это глупое имя преследует меня с детства, никак не могу от него избавиться. Может, я и здесь-то из-за него оказался. Попробуй распустить хвост в Высоком суде, когда тебя все окликают «Эй, Кролик!».

Это его обычный треп? Так тридцатилетний юрисконсульт секретной службы теперь разговаривает? То забегая вперед, то одной ногой залезая в прошлое. Я не очень-то разбираюсь

в разговорном английском сегодняшнего дня, но, судя по реакции Лоры, занимающей место рядом со мной, похоже, что так. Вид у нее свирепый, она словно готова нанести удар. На среднем пальце правой руки кольцо с печаткой. Отцовское? Или кодовый сигнал о сексуальных предпочтениях? Давненько я не был в Англии.

Кролик поддерживает светский разговор. Его дети без ума от Бретани. Обе девочки. Лора пока была только в Нормандии. С кем ездила, не признается.

— Ой, вы же, Питер, у нас бретонец! — вскрикивает он ни с того ни с сего. — Мы должны вас называть Пьер!

Можно Питер, говорю я.

— Короче, Питер, если без обиняков, нам предстоит разобрать серьезную *юридическую заваруху*, — продолжает Кролик уже медленнее и громче, заметив среди седых завитков мое новое слуховое устройство. — Пока это еще *не кризис*, но фаза активная и, я бы сказал, *тревожная*. И нам очень нужна ваша помощь.

В ответ я говорю, что буду рад помочь чем могу, Кролик, и как приятно сознавать, что ты еще можешь быть чем-то полезен после стольких лет не у дел.

— Я здесь защищаю интересы *службы*, — продолжает он, проигнорировав мои слова. — А вы здесь присутствуете в качестве частного лица, так сказать, бывшего члена, уже давно наслаждающегося, не сомневаюсь, счастливой пенсией, но вот чего я *не могу* гарантировать, так это что *ваши* интересы и *наши* интересы будут во всем совпадать. — Глаза превратились в щелки. На лице ухмылочка. — Короче, Питер: при нашем огромном уважении к тому, что вы сделали для Конторы во время оно, есть *Контора*, есть *вы* и есть *я*, юрист-убийца. Как Катрин?

— Хорошо, спасибо. А почему вы спрашиваете?

Она ведь нигде не упоминается. Решил меня пугануть. Дал понять: гонг прозвучал. Контора все видит.

— Мы подумали, что ее, наверно, следовало бы включить в длинный список ваших подруг, — поясняет Кролик. — Такие у нас правила, сами знаете.

— Катрин снимает у меня жилье. Она дочь и внучка предыдущих жильцов. Мы живем под одной крышей. А что касается ваших правил, то я с ней не спал и спать не собираюсь. Я ответил на ваш вопрос?

— Отлично, спасибо.

Моя первая ложь, умело поданная. А теперь быстро поменять тему.

— Кажется, мне понадобится адвокат.

— Это преждевременно, к тому же вы не можете его себе позволить. С учетом нынешних цен. В вашем досье сказано: «Женился, потом развелся». И то и другое верно?

— Да.

— И все в течение года. Впечатляет.

— Я рад.

Это шутка? Или провокация? Я подозреваю второе.

— Юношеское недомыслие? — Он высказывает свое предположение все тем же участливым тоном.

— Недопонимание, — отвечаю я. — Еще есть вопросы?

Но Кролик так легко не сдается и сразу дает мне это понять.

— А чей ребенок? В смысле кто отец? — все тем же бархатным голосом.

Я делаю вид, что задумался.

— Знаете, я никогда ее не спрашивал, — отвечаю. И пока он это переваривает, сам перехожу в наступление: — Раз уж мы обсуждаем, кто чем занимается, может, вы мне скажете, что здесь

делает Лора?

— Лора занимается *историей* вопроса, — звучно произносит Кролик.

История в образе бесстрастной короткостриженой кареглазой женщины без косметики. Из нас троих улыбаюсь уже только я.

— И что же, Кролик, включает в себя обвинительный список? — бодро спрашиваю я, раз уж мы вступили в рукопашную. — Поджог королевских доков?

— Ну-ну, Питер, «обвинительный список» — это вы уже загнули! — так же бодро отбивается он. — Решение проблем — вот, собственно, и всё. Позвольте вам задать *один* вопрос, пока мы не перешли к остальной повестке, не возражаете? — И снова глаза-щелки. — Операция «Паданец». Как она готовилась, кто руководил, с чего все пошло не так и каково было ваше участие?

Становится ли легче на душе, когда оправдываются твои худшие ожидания? Только не в моем случае.

— Вы сказали «паданец», я не ослышался?

— «Паданец», — повторяет он громче на случай, если моя слуховая гарнитура чего-то не уловила.

Не торопись. Помни, ты уже в возрасте. Память нынче уже не та. Держи паузу.

— Паданец… вы не могли бы уточнить, Кролик? Дайте мне подсказку. Когда это было?

— Начало шестидесятых. И наши дни.

— Вы сказали «операция»?

— Секретная. Кодовое название «Паданец».

— Направленная против кого?

Сбоку следует подсказка от Лоры:

— Советы и их союзники. Против восточногерманской разведки, известной как *Штази*. — Последнее слово она выкрикивает, чтобы я наверняка расслышал.

Штази… Штази… минутку… Ах да, Штази.

— С какой целью, Лора? — спрашиваю я, собрав осколки в одно целое.

— Ввести в заблуждение, обмануть противника, прикрыть главный источник информации. Проникнуть в московский Центр с целью выявить возможного предателя или предателей внутри Цирка. — И тут же, с жалобной интонацией: — У нас не сохранилось *ни одного* досье. Лишь несколько отсылок к делам, которые словно испарились в воздухе. Вроде как отсутствуют. Предположительно украдены.

— «Паданец», «Паданец», — повторяю я, качая головой и улыбаясь, как это делают старики, даже когда они не такие старые, как кому-то

кажется. — Простите, Лора. Не слышу звона.

— Даже отдаленного? — Это уже Кролик.

— Увы. Чистый лист. — А сам мысленно отгоняю картины, как я, еще совсем молоденький, в костюме доставщика пиццы, перегнувшись через руль недавно освоенного мотоцикла, везу спецрейсом ночные досье Цирка «некоему» лондонскому получателю.

— На случай если я об этом забыл упомянуть или вы вдруг не расслышали, — говорит Кролик медоточивым голосом. — Насколько мы понимаем, в операции «Паданец» участвовал ваш друг и коллега Алек Лимас, которого, если помните, застрелили у Берлинской стены, когда он пытался спасти свою подругу Элизабет Голд, которую к тому моменту тоже уже застрелили. Или этого вы тоже не помните?

— Еще как помню, — огрызаюсь я. И только потом поясняю: — Вы меня спрашивали про «Паданец», а не про Алека. И я вам ответил: нет, не помню. Никогда не слышал. Извините.

* * *

В любом допросе отрицание вины становится отправной точкой. О предыдущем обмене любезностями можно забыть. После отрицания

расклад кардинально меняется. На уровне агента тайной полиции отрицание человеком своей вины почти всегда оборачивается немедленным возмездием — не в последнюю очередь потому, что рядовой агент глупее своего подопечного. Умный следователь, напротив, когда дверь перед его носом захлопывают, не пытается сразу в нее ломиться. Он перегруппируется и зайдет к жертве с другого боку. И, судя по довольной улыбке Кролика, именно это он сейчас обдумывает.

— Что ж, Питер. — Голос его стал тверже, несмотря на все мои заверения. — Отставим пока тему операции «Паданец», и, если не возражаете, мы с Лорой зададим вам несколько *фоновых вопросов*, касающихся более общего предмета.

— Например?

— Персональная подотчетность. Вечная проблема: где заканчивается подчинение приказам старших и начинается ответственность за индивидуальные действия. Улавливаете?

— Не очень.

— Вы полевой игрок. Контора дала вам зеленый свет, но что-то пошло не по плану. Пролилась невинная кровь. Вас или вашего коллегу подозревают в превышении полномочий. Такой сценарий вы никогда не рассматривали?

— Нет.

То ли он забыл, что я плохо слышу, то ли решил, что у меня со слухом нет проблем.

— И вы себе не можете представить, чисто абстрактно, как возникает подобная напряженная ситуация? Оглядываясь на все передряги, в которые вы попадали на протяжении своей долгой оперативной карьеры?

— Нет. Не могу. Уж извините.

— Ни одного случая, когда вам показалась, что вы превысили полномочия и затеяли то, что потом уже не могли остановить? Поставили свои чувства, потребности — или даже *аппетиты* — выше долга? И тем самым спровоцировали ужасные последствия, которые вовсе не имели в виду или не предвидели?

— В этом случае я бы получил выговор от начальства, не так ли? Или отзыв в Лондон. А при худшем раскладе мне указали бы на дверь, — говорю я с озабоченным лицом дисциплинированного школьника.

— Посмотрите на это несколько шире, Питер. Я имею в виду третьих лиц, которые могут считать себя пострадавшими. Простые люди, посторонние, которым — вследствие ваших действий, по ошибке, сгоряча или просто по причине

слабости — был нанесен побочный ущерб. Люди, которые могли решить — спустя годы, даже *десятилетия,* — что у них есть все основания начать судебную тяжбу против Службы. За причинение материального ущерба или, если это не прокатит, за необдуманное убийство, а то и хуже. Против Службы в целом или, — его бровки лезут вверх в притворном изумлении, — или, конкретно, против одного из ее бывших членов. Такая вероятность вам в голову не приходила? — Он уже разговаривает со мной не как юрист, а скорее как врач, готовящий пациента к плохим новостям.

Не торопись с ответом. Почеши старую голову. Результат нулевой.

— Пожалуй, я был слишком занят созданием проблем для противника, — отвечаю с усталой улыбкой ветерана. — Перед тобой враг, у тебя на хвосте сидит Контора, тут не до философствований.

— Самая простая стратегия с их стороны: начать с *парламентской процедуры* и подготовить почву для *судебного расследования* с помощью письма, *предшествующего* подаче иска. Вместо того чтобы действовать сразу на всю катушку.

Кролик, не мешай мне думать.

— А когда уже начнется судебное расследова-

ние, парламентский запрос, само собой, *будет отозван*. И суд получает карт-бланш. — Он ждет, я молчу, тогда он нажимает на меня сильнее: — По поводу «Паданца» так и не слышно звона? Секретная операция, растянувшаяся на два года, в которой вы сыграли значительную — кое-кто сказал бы героическую — роль. Ни одного колокольчика?

Тот же вопрос задает мне Лора, глядя на меня своими немигающими карими глазами монашки. А я снова пытаюсь порыться в своей старческой памяти и — вот же напасть! так ничего и не найдя, — какое у нас тысячелетие на дворе? — печально мотаю седой головой.

— Это был какой-то тренировочный курс? — храбро спрашиваю я.

— Лора только что вам рассказала, что это было, — следует отповедь.

— Ах да, разумеется, — говорю я, пытаясь изобразить смущение.

* * *

Мы пока отставили тему «Паданца» и вновь вернулись к простому постороннему человеку, который сначала вцепляется в некоего поименованного бывшего члена Службы через Парламент,

а затем вторично кусает его уже в суде. Но пока не прозвучало *имя… о каком* бывшем члене мы ведем речь. Я говорю «мы», поскольку если тебе доводилось как участвовать в допросах, так и сидеть в качестве подозреваемого, то ты знаешь: речь идет о соучастии, когда ты и твои следователи составляете одно целое и обе стороны обмениваются выпадами.

— Взять хотя бы ваше персональное досье, Питер. А точнее то, что от него осталось, — жалуется Лора. — Речь даже не о том, что его почистили. Из него сделали отбивную. Предположим, там были секретные приложения, содержащие слишком деликатный материал для общего архива. Никаких претензий. На то они и секретные. Но что мы находим в спецархиве? Ноль без палочки.

— Мать вашу так, — уточняет Кролик. — Вся ваша служебная карьера, согласно персональному досье, сводится к ох…ительному акту об уничтожении документации.

— В лучшем случае, — добавляет Лора, нисколько не смущенная непарламентскими выражениями в устах юрисконсульта.

— Но будем справедливы, Лора. — Кролик изображает человека, искренне сочувствующего осужденному. — А если это дело рук недоброй па-

мяти Билла Хейдона? — Тут он снова обращается ко мне: — Кто такой Хейдон, вы, наверное, тоже не помните.

Хейдон! *Билл* Хейдон. Еще бы не помнить. Советский двойной агент, который в качестве главы всемогущего Комитета общего управления, или, проще, Лондонского управления, на протяжении трех десятилетий исправно передавал все секреты московскому Центру. Имя этого человека я постоянно прокручиваю в голове, но зря они ждут, что я сейчас подпрыгну и закричу: «Сукин сын! Вот кому бы я свернул шею». Что, кстати, сделал кое-кто другой из моих знакомых, к полному удовлетворению британской стороны.

А тем временем Лора откликается на слова коллеги:

— Кто бы сомневался, Кролик. В спецархиве отпечатки пальцев Билла Хейдона, считай, повсюду. А наш Питер выследил его одним из первых, да, Пит? Будучи персональным помощником Джорджа Смайли. Вы ведь были его ангелом-хранителем и доверенным учеником, не так ли?

Кролик покачивает головой, на его лице написано благоговение.

— Джордж Смайли. Наш оперативник номер один. Совесть Цирка. Гамлет, как некоторые его

называли — возможно, не совсем справедливо. Какой человек! Однако не кажется ли вам, что в случае операции «Паданец», — он по-прежнему обращается к Лоре, словно меня здесь нет, — разграблением спецархива занимался не Билл Хейдон, а Джордж Смайли, по какой-то причине? В актах об уничтожении документации остались довольно странные автографы. Имена, которые мы с вами никогда не слышали. Имя Смайли там, *разумеется*, отсутствует. Он бы воспользовался услугами на все готового доверенного лица. Человека, который бы слепо выполнял его приказы, при всей их сомнительной законности. Наш Джордж, небожитель, никогда не стал бы марать руки.

— У вас есть какие-то соображения по этому поводу, Пит? — обращается ко мне Лора.

Да, у меня есть кое-какие соображения, и я их выскажу со всей решительностью. Она выводит меня из себя этим «Питом», и вообще, наш разговор слишком далеко зашел.

— Послушайте, Лора, зачем Джорджу Смайли нужно было красть досье из спецархива? Это дело рук Билла Хейдона, уверяю вас. Билл украл бы последние деньги у вдовы и не поморщился бы.

Я хмыкнул и потряс седой головой: дескать, что

вы, нынешняя молодежь, понимаете в том, как все это когда-то работало!

— Ну, я-то полагаю, что у Джорджа были основания их изъять, — отвечает Кролик за Лору. — Он был главой Секретки в течение десяти самых холодных лет за всю холодную войну. Отчаянно сражался за влияние с Лондонским управлением. Никаких запретов — похищали чужих агентов, залезали друг к другу в сейфы. Разруливал самые темные операции. Шел на сделку с совестью во имя высшей цели. Что бывало нередко. Я лично вполне могу себе представить, как Джордж прячет под ковер папочку-другую. — И уже мне в лицо: — А также легко могу себе представить, как вы ему в этом помогаете без тени сомнений. Некоторые из этих странных автографов, очень похоже, выведены вашей рукой. Даже не нужно ничего воровать. Просто оформил к списанию под вымышленным именем — и готово. А что касается злополучного Алека Лимаса, трагически погибшего у Берлинской стены, то из его досье даже не стали делать отбивную. Оно просто ушло в самоволку. Не осталось даже карточки с загнутым уголком в общей картотеке. Странно, но вы, кажется, не испытываете никаких чувств.

— На самом деле я в шоке. И испытываю силь-

ные чувства.

— Да? Из-за моих предположений, что это вы стибрили досье Лимаса из секретного архива и спрятали его в дупле дерева? Вы же в свое время похитили несколько файлов для дядюшки Джорджа. Почему бы не досье Лимаса? Будет о чем вспомнить, после того как от него избавились. Как, кстати, звали его девушку?

— Голд. Элизабет Голд.

— А, стало быть, помните. Если коротко, Лиз. Ее досье тоже исчезло. Напрашивается романтическая фантазия, как их папки улетают на небеса в обнимку. А кстати, как случилось, что вы с Лимасом закорешились? Братья по оружию, если верить слухам.

— У нас были общие задания.

— Задания?

— Алек был старше меня. И мудрее. Когда он получал оперативное задание и ему нужен был напарник, он предлагал меня. И, если кадровый отдел и Джордж давали добро, мы шли в связке.

Тут снова Лора:

— Не приведете парочку примеров такой *связки?* — По ее интонации можно понять, что она ни парочек, ни связок не одобряет, но я только рад поводу уйти в сторону.

— Мы с Алеком познакомились, если не ошибаюсь, в Афганистане в середине пятидесятых. Нашим первым совместным заданием было внедрение небольших групп на Кавказе, а потом в России. Вам это может показаться позапрошлым веком. — Я в очередной раз хмыкнул и покачал головой. — Это не обернулось оглушительным успехом, должен признаться. Через девять месяцев его перебросили в Прибалтику, где он занимался забросами и выводом пехотинцев в Эстонии, Латвии и Литве. Он снова затребовал меня, и я отправился ему помогать. — Тут я решил ее просветить. — В те времена балтийские страны входили в состав советского блока, как вы наверняка знаете, Лора.

— «Пехотинцами» вы называете агентов. Сегодня говорят «активы». Лимас официально базировался в Травемюнде, правильно? Северная Германия?

— Именно так, Лора. По легенде — как член Международной группы морских наблюдателей. Днем защита рыбных ресурсов, ночью высадка десанта с быстроходных катеров.

Наш тет-а-тет прерывает Кролик:

— А кодовое название ночной высадки десанта?

— «Складной нож», насколько я помню.

— Не «Паданец»?

Этот выпад я игнорирую.

— «Складной нож». Операция проводилась пару лет, а затем была свернута.

— И как она проводилась?

— Сначала находили волонтеров. Тренировали их в Шотландии, в Шварцвальде и других местах. Эстонцы, латыши. Потом готовили их заброску в родные места. Безлунная ночь. Резиновая лодка. Медленное продвижение. Приборы ночного видения. Условный сигнал на берегу, что все чисто. И ты высаживаешься. Или твои пехотинцы.

— И что вы делали после высадки ваших *пехотинцев?* Не считая открытия бутылки, что для Лимаса, кажется, было в порядке вещей.

— Уж точно не рассиживались, — отвечаю я, держа себя в руках. — Поскорее слинять. Предоставить их самим себе. А почему, собственно, вы меня об этом спрашиваете?

— Хочу понять, что вы за фрукт. А еще пытаюсь уразуметь, почему вы так хорошо все помните про «Складной нож» и ни черта про «Паданец».

Снова Лора:

— *Предоставить их самим себе* — то есть оставить агентов на произвол судьбы, я правильно

понимаю?

— Если вам угодно так это формулировать, Лора.

— И какова же была их дальнейшая судьба? Или вы уже не помните?

— Их ждала смерть.

— Буквально?

— Кого-то схватили сразу после высадки. Других через пару дней. Кто-то, будучи перевербован, выступил против нас и погиб позже. — Я чувствую, как начинаю срываться, и даже не пытаюсь себя сдерживать.

— И на ком лежит вина, Пит?

— За что?

— За их смерть.

Небольшой взрыв сейчас не помешает.

— На Билле Хейдоне, черве, который завелся в нашем доме, на ком же еще, черт возьми! Бедняги были приговорены еще до того, как они отправлялись по морю из Германии. А отправлял их наш дорогой глава Лондонского управления, того же подразделения, которое планировало всю операцию!

Кролик опускает голову и сверяется со шпаргалкой, скрытой за пюпитром. Лора, посмотрев на меня, переводит взгляд на свои руки, которые

ей больше нравятся. Короткие, как у мальчика, чистенькие ноготки.

— Питер… — Пришел черед Кролика. Теперь они выстреливают не одиночными попеременно, а очередями. — Меня как главного адвоката Службы — а не *вашего*, подчеркиваю — беспокоят некоторые моменты вашего прошлого. Опытный юрист — если в какой-то момент Парламент отойдет в сторону и освободит пространство для суда, открытого или закрытого, не дай бог, — может создать у судьи впечатление, что на протяжении вашей карьеры вы имели отношение к довольно большому количеству смертей и смотрели на это сквозь пальцы. Он подаст это так, что вам поручали секретные операции — скажем, все тот же непогрешимый Джордж Смайли, — где смерть невинных людей считалась приемлемым, даже логичным результатом. А то и желаемым, как знать.

— Желаемый результат? Смерть невинных людей? Вы о чем?

— Об операции «Паданец», — терпеливо уточняет Кролик.

Глава 3

— Питер?

— Да, Кролик.

Лора неодобрительно молчит.

— Давайте на минутку вернемся в пятьдесят девятый год, когда, насколько я помню, операцию «Складной нож» положили на полку.

— Боюсь, я не силен в датах, Кролик.

— Контора положила эту операцию на полку по причине того, что она непродуктивна и дорого обходится, имея в виду человеческие жизни. Вы же с Алеком Лимасом заподозрили, что не все чисто в собственном доме.

— Лондонское управление говорило о неразберихе. Алек настаивал на «кроте». В каком бы месте ни высаживался наш десант, противник постоянно нас опережал. Радиоперехваты. Все выходило наружу. Значит, кто-то действовал изнутри. Так считал Алек, и я как мелкая сошка разделял его точку зрения.

— И вы вдвоем пришли к Смайли с *демаршем*. Видимо, его вы не рассматривали как потенциального предателя.

— Операцией «Складной нож» занималось Лондонское управление. Всем командовал Билл Хейдон и его подчиненные: Аллелайн, Бланд, Эстерхейзи. «Ребята Билла», как мы их называли. Джорджа там близко не было.

— А Лондон и Секретка были на ножах?

— Лондон делал все, чтобы подмять под себя Секретку. Джордж сопротивлялся этому силовому варианту. Как мог.

— А какова во всем этом была роль нашего великолепного шефа? Так называемого *Хозяина*.

— Он сталкивал нас лбами. Обычная история — разделяй и властвуй.

— Я правильно мыслю, что между Смайли и Хейдоном существовала личная неприязнь?

— Не исключено. Поговаривали, что у Билла была связь с Энн, женой Джорджа. Это застилало глаза Джорджу. А Билл сделал такой ход неслучайно. Он был хитрый лис.

— Смайли обсуждал с вами свою личную жизнь?

— Никогда. С подчиненным о таком не говорят.

Кролик обдумывает мои слова — похоже, не поверил, уже собирается копнуть дальше, но потом передумывает.

— Итак, операция «Складной нож» сдулась, и вы пришли со своими проблемами к Смайли. Лицом к лицу. Втроем. Лимас и вы при нем. Невзирая на низший статус.

— Меня попросил Алек. Он себе не доверял.

— Это почему?

— Горячий был.

— Где происходила эта встреча *à trois?*[5]

— Какое, черт побери, это имеет значение?

— Я пытаюсь себе представить надежное убежище. О котором вы мне еще не говорили, но скажете. Я подумал, что сейчас самое время.

А я-то убаюкал себя мыслью, что эти сплетни уведут нас подальше от гибельной пучины.

— В принципе мы могли воспользоваться конспиративной квартирой, но во всех квартирах Лондонское управление установило прослушку. Еще был дом Джорджа на Байуотер-стрит, но там находилась Энн, и было общее понимание, что ее не стоит посвящать в тайну, которую она не в состоянии сохранить.

— Она бы побежала к Хейдону?

— Я этого не говорил. Просто было такое ощущение. Вот и всё. Мне продолжать?

---

[5] Сноски: 5
Втроем *(фр.).*

— Всенепременно. Если не возражаете.

— Мы зашли за Джорджем на Байуотер-стрит и совершили моцион по Саут-бэнк. Был теплый летний вечер. Он часто жаловался на недостаток физических упражнений.

— И в результате этого вечернего моциона вдоль реки родилась операция «Паданец»?

— О господи! Когда вы уже повзрослеете!

— Уже повзрослел, не переживайте. А вот вы молодеете на глазах. И как прошел разговор? Я весь внимание.

— Мы говорили об измене. В целом, без подробностей. Любой член Лондонского управления, нынешний или вчерашний, подозревался по определению. Пятьдесят — шестьдесят потенциальных предателей. Мы говорили о том, кто, имея доступ к информации, мог раз за разом проваливать операцию. Но мы понимали: при том что руководит Билл, Перси Аллелайн ест из его рук, а Бланд и Эстерхейзи подключаются в любой момент, все, что нужно предателю, — это появиться на открытой планерке или посидеть в баре с начальством и послушать разглагольствования Аллелайна. Билл всегда считал закрытость предрассудком. «Все должны быть в курсе». Это давало ему идеальное прикрытие.

— И как Смайли отреагировал на ваш демарш?

— Сказал, что подумает и потом с нами свяжется. Ничего другого от Джорджа мы и не ждали. Пожалуй, я выпью кофе, раз уж предлагают. Черный. Без сахара.

Я потянулся, встряхнулся, зевнул. Возраст, что вы хотите. Но Кролик на это не купился, а Лора уже давно меня раскусила. Они смотрели на меня так, словно терпят из последних сил. И никакого кофе.

* * *

Кролик теперь держался как строгий юрист. Никаких прищуров. Никаких внятных повторов для слабоумного старика, который еще к тому же плохо слышит.

— Я хочу вернуться к тому, с чего мы начали, если не возражаете. Вы и Закон. Служба и Закон. Сосредоточились?

— Пожалуй.

— Я уже упомянул о ненасытном интересе британской общественности к историческим преступлениям. Что не ускользает от внимания наших доблестных парламентариев.

— Да? Возможно.

— Как и о суде. Все жаждут кого-то заклеймить

в исторических грехах. Наш новый национальный вид спорта. Нынешнее безвинное поколение против виновного. Кто покается за грехи наших отцов, даже если когда-то это не считалось грехами? Но вы ведь не отец? Хотя, если верить вашему досье, у вас должна быть толпа внуков.

— Вы, кажется, сказали, что мое досье превратили в отбивную. Вы берете свои слова обратно?

— Я пытаюсь прочитать ваши эмоции. Пока не получается. Или они отсутствуют, или их там целый рой. Вы легко относитесь к смерти Лиз Голд. Почему? И так же легко к смерти Алека Лимаса. В отношении операции «Паданец» у вас полная амнезия, хотя мы прекрасно знаем, что вы имели к ней доступ. В отличие, заметьте, от вашего покойного друга Алека Лимаса — притом что он погиб на боевом посту. Прошу меня не перебивать. — Он продолжил, простив мне мою невоспитанность. — Кажется, начинают просматриваться очертания нашей сделки. Вы признали, что при словах *операция «Паданец»* слышите далекий звон. Возможно, сказали вы столь же великодушно, сколь и глупо, это название тренировочного курса. Как насчет такого предложения? Вы постараетесь получше расслышать звон, а *мы* в ответ проясним нашу

позицию?

Я задумываюсь, трясу головой, пытаясь расслышать отдаленный перезвон. У меня появилось ощущение, что надо биться до последнего солдата, и этот последний солдат — я.

— Я *смутно* припоминаю, Кролик, — уступаю я, делая шажок в его сторону, — что «Паданцем», если ничего не путаю, называлась не *операция*, а *источник*. К тому же липовый. Отсюда и недопонимание. — Я надеялся, что мой собеседник смягчится, но как бы не так. — Этот *потенциальный* источник не одолел первого же препятствия. И, само собой, был тут же отсеян. Записали и забыли. — Я развиваю дальше свою мысль. — Этот источник достался Джорджу как наследие прошлого. Еще одно *историческое* досье, если хотите, — почтительный кивок в сторону Лоры. — Восточногерманский профессор литературы барокко в Веймарском университете. Приятель Джорджа с военных лет, выполнявший для нас разные мелкие поручения. Он связался с Джорджем через какого-то шведского ученого… в пятьдесят девятом, кажется… — Плети словеса, ходи вокруг да около, золотое правило. — *Проф*, как мы его окрестили, утверждал, что у него есть горячие новости о сверхсекретном соглашении

между двумя половинками Германии и Кремлем. Якобы он это услышал от единомышленника из администрации ГДР. — Все это слетает у меня с языка, как в былые времена. — Объединение двух Германий с условием, что они останутся нейтральными и безоружными. То, чего *категорически* не желал Запад: мощный властный вакуум в центре Европы. Если Цирк тайно вывезет его на Запад, Проф обещал нам выложить все на блюдечке.

Печальная улыбка, покачивание стариковской седой головы — и никакой реакции по ту сторону большого стола.

— Как потом выяснилось, Проф мечтал о теплом местечке в Оксфорде, гарантированной пенсии, рыцарском звании и чаепитии с королевой. — Я рассмеялся. — И, само собой, он все это придумал. Полная фигня. Дело закрыли, — закончил я с ощущением хорошо сделанной работы, которой сейчас молча аплодирует Смайли, где бы он ни находился.

Зато Кролик не аплодировал. Как и Лора. Первый выглядел чересчур озабоченным, а вторая словно не верила своим ушам.

— Питер, знаете, в чем проблема? — заговорил Кролик после паузы. — То, что вы нам сейчас

выдали, в точности повторяет всю эту хрень из фальшивых досье по поводу «Паданца» в центральном архиве. Я прав, Лора?

Очевидно, что он был прав, так как она отозвалась мгновенно.

— Практически слово в слово, Кролик. Придумано с единственной целью — увести подальше того, кто сунет свой любопытный нос в эти дела. Такого профессора не существовало, а вся история сфабрикована от начала до конца. Но звучит красиво. Если надо было спрятать операцию «Паданец» от шустрых глаз Хейдона и ему подобных, фальшивое досье в центральном архиве — идеальная дымовая завеса, так что все это имеет смысл.

— А знаете, что *не имеет* смысла, Питер? — подхватил Кролик. — То, что перед нами сидит старый человек и впаривает нам ту же белиберду, которую вы и Джордж Смайли и остальные члены Секретки впаривали когда-то. — Тут он позволил себе легкий дружелюбный прищур.

— Видите ли, Пит, мы подняли старую финансовую отчетность всемогущего Хозяина, — пришла мне на помощь Лора, пока я обдумывал свой ответ. — Его черный фонд. Хотя это его личные деньги для манипуляции тайным голосованием,

но все равно приходится отчитываться. Я понятно выражаюсь, Пит? — Она говорит со мной как с ребенком. — Он передавал эти деньги из рук в руки своему доверенному лицу в Казначействе. Оливеру Лейкону, впоследствии сэру Оливеру, ныне покойному лорду Лейкону из Западного Аскота…

— Может, вы объясните, какое все это имеет отношение ко мне?

— Самое прямое, — невозмутимо отвечает Лора. — В своем финансовом отчете Казначейству, предназначенном исключительно для одного Лейкона, Хозяин называет имена двух сотрудников Цирка, которые при необходимости предоставят полную и исчерпывающую картину всех затрат, связанных с операцией под кодовым названием «Паданец». На случай, если дополнительные расходы будут поставлены под сомнение потомками. Хозяин в этом отношении (другие оставим на его совести) всегда отличался благородством. Первый сотрудник — Джордж Смайли. Второй — Питер Гиллем. Вы.

Кролик как будто ничего этого не слышал, опустив голову, погруженный в бумаги, скрытые от меня и требующие его безраздельного внимания. Но вот и он подал голос.

— Лора, расскажите ему про конспиративную квартиру, которую вы обнаружили. Тихая квартирка Секретной службы, где Питер складировал все украденные им досье. — Он сказал это как бы между прочим, слишком занятый другими важными делами.

— Ну да, существует конспиративная квартира, как сказал Кролик, фигурирующая в финансовых отчетах, — с готовностью объяснила Лора. — А при ней домохозяйка и, мало того, — негодующе, — некий загадочный джентльмен по фамилии Мендель, не упоминаемый ни в каких документах Службы и нанятый Секреткой как агент исключительно для операции «Паданец». Двести фунтов в месяц, падающие на его счет в почтовом отделении Уэйбриджа, плюс на дорожные и прочие расходы еще пара сотен, подотчетные деньги с анонимного счета под контролем процветающей юридической компании. А управляет этим счетом, по доверенности и в полном объеме, Джордж Смайли.

— А кто такой этот Мендель? — поинтересовался Кролик.

— Вышедший на пенсию полицейский, — ответил я на автопилоте. — Имя — Оливер. Не путать с Оливером Лейконом.

— Где и как его завербовали?

— Давнее знакомство. Джордж с ним уже успел поработать в другом деле. Джорджу нравилась линия его носа. Нравилось, что он не принадлежит Цирку. Джордж называл его глотком чистого воздуха.

Устав от беседы, Кролик вдруг откинулся на спинку стула и замахал кистями рук, словно расслабляясь во время долгого полета.

— Давайте попробуем взглянуть правде в глаза. — Он подавил зевоту. — Черный фонд Хозяина в настоящий момент является единственным достоверным источником, который а) проливает свет на цели и предпринятые действия в операции «Паданец» и б) подсказывает, как нам защищаться от необоснованных гражданских акций и частных исков против Службы и лично против вас, Питер Гиллем, поданных *Кристофом* Лимасом, единственным наследником покойного Алека, и *Карен* Голд, незамужней женщиной, единственной дочерью покойной Элизабет, она же Лиз. Вы про это что-нибудь слышали? Ну конечно. Только не говорите, что для вас это удивительная новость.

Развалившись на стуле и пробормотав себе под нос «Гос-споди», он ждал моей реакции. И,

видимо, она заставила себя ждать, потому что я помню, как он властным тоном подстегнул меня: «Ну?»

* * *

— У Лиз Голд был *ребенок?* — слышу я собственный голос.

— Напористая копия матери, судя по ее последним действиям. Лиз исполнилось пятнадцать лет, когда ее обрюхатил какой-то олух из ее школы. По настоянию родителей она отдала младенца в приемную семью. При крещении девочка получила имя Карен. Хотя, может, ее и не крестили. Она ведь еврейка. Повзрослев, упомянутая Карен воспользовалась своим законным правом узнать, кто были ее настоящие родители. А дальше, вполне понятно, ее заинтересовало, где и при каких обстоятельствах погибла ее мать.

Он взял паузу на случай, если у меня возникнут вопросы. И вопрос, пусть не сразу, возник: как Кристоф и Карен узнали наши фамилии? Но был проигнорирован.

— Карен в ее поисках правды и примирения активно поддержал Кристоф, сын Алека, который, о чем она тогда не ведала, еще с тех пор как была разрушена Берлинская стена, лез из кожи

вон, чтобы узнать, как и почему погиб его отец, — в чем, должен сказать, ему совсем не помогала Служба, которая делала все возможное, чтобы поставить на их пути самые охренительные препятствия, какие только можно себе вообразить, и даже больше. К сожалению, все наши усилия оказались контрпродуктивными, даже несмотря на то, что у германской полиции список претензий к Кристофу Лимасу длиннее вашей руки.

Очередная пауза. Я не задаю вопросов.

— И вот двое истцов объединили свои усилия. Они убеждены, и небезосновательно, что их родители погибли в результате, можно сказать, пятизвездочной неразберихи, устроенной этой Службой и персонально вами и Джорджем Смайли. Они требуют полного разоблачения, возмещения ущерба и публичных извинений с обнародованием всех имен. Вашего, в частности. Вы знали, что у Алека Лимаса есть сын?

— Да. А где Смайли? Почему на этом месте не сидит он?

— А вам известно, кто его счастливая мать?

— Немка, которую Алек встретил во время войны, работая в тылу противника. Позже она вышла замуж за дюссельдорфского адвоката по фамилии Эберхардт. Он усыновил мальчика.

Так что он не Лимас, а Эберхардт. Я спросил, где сейчас Джордж.

— Потом. И спасибо вам за такую прекрасную память. А другие знали о существовании сына? *Другие* коллеги вашего друга Лимаса? Нам и без вас это было бы известно, но, видите ли, его досье украли. — Ему надоело ждать моей реакции. — Было ли известно в самой Службе или на периферии, что у Алека Лимаса есть бастард по имени Кристоф, живущий в Дюссельдорфе? Да или нет?

— Нет.

— Это еще почему?

— Алек не распространялся о своей личной жизни.

— Вы, очевидно, были исключением. И вы с ним встречались?

— С кем?

— С Кристофом. Не с Алеком, разумеется. Кажется, вы опять решили не включать мозги.

— Ничего подобного. Отвечаю: нет, с Кристофом Лимасом я не встречался. — А про себя думаю: зачем баловать человека правдой? И, пока он переваривает мои слова, еще раз напоминаю: — Я вас спросил, где сейчас Смайли.

— А я проигнорировал ваш вопрос, как вы мог-

ли заметить.

Молчание, во время которого мы собираемся с новыми силами, а Лора задумчиво поглядывает в окно.

— *Кристоф*, будем называть его так, — монотонно продолжает Кролик, — парень небесталанный, Питер, даже если эти таланты криминального или полукриминального толка. Возможно, это гены. Убедившись в том, что его настоящий отец погиб возле Берлинской стены, с восточной стороны, он сумел добраться (каким образом, мы не знаем, но это вызывает уважение) до вроде бы закрытых архивов Штази и узнал три важных имени. Ваше, покойной Элизабет Голд и Джорджа Смайли. Через несколько недель он уже напал на след Элизабет, а затем, через государственные архивы, на след ее дочери. Было назначено свидание. Далекие друг от друга персонажи сблизились — до какой степени, не нам судить. Эта парочка проконсультировалась с высоконравственным, помешанным на правах человека адвокатом в сандалиях на босу ногу — из тех, что готовы стереть эту Службу в порошок. В ответ мы думаем предложить истцам целое состояние в обмен на их молчание, но прекрасно понимаем, что тем самым лишь подтверждаем обоснован-

ность их притязаний и как бы подталкиваем к тому, чтобы еще усилить давление. «Подавитесь, черти, вашими деньгами. Пусть заговорит сама История. Мы вырежем эту опухоль. Мы сделаем так, чтобы полетели головы». Ваша, боюсь, одной из первых.

— И Джорджа, надо полагать.

— В результате мы имеем нелепый шекспировский сюжет: призраки двух жертв демонического Цирка являются в образе их отпрысков, чтобы бросить нам в лицо страшные обвинения. До поры до времени нам удается сдерживать массмедиа, давая им понять — не то чтобы искренне, но какое это имеет значение? — что если Парламент самоустранится и уступит дорогу судебному процессу, дело будет слушаться при закрытых дверях, скромно и *тайно*, и мы сами будем решать, кого пускать в зал. В ответ истцы, подталкиваемые своими неугомонными защитниками, говорят: «Хрен вам, нам нужен открытый суд, нам нужны полные разоблачения». Вы наивно спросили, откуда Штази знает ваши фамилии. Разумеется, от московского Центра, который им все слил. А московский Центр? Ну разумеется, от нашей Службы, еще раз спасибо труженику Биллу Хейдону, у которого в то время

были развязаны руки, и это продолжалось еще шесть лет, пока святой Георгий не прискакал на белом коне и не выкурил его оттуда. Вы по-прежнему поддерживаете отношения?

— С Джорджем?

— С Джорджем.

— Нет. Где он сейчас?

— И уже давно не поддерживаете?

— Нет.

— Когда в последний раз?

— Восемь лет назад. Десять.

— А если подробнее?

— Я был в Лондоне и зашел к нему.

— Куда?

— На Байуотер-стрит.

— И как он выглядел?

— Спасибо, хорошо.

— Мы ищем его там и сям. А ветреница Энн? С ней вы тоже не поддерживаете связь? *Связь* в переносном смысле, разумеется.

— Нет. И, если можно, без намеков.

— Ваш паспорт.

— Зачем?

— Тот, который вы предъявили на проходной. Ваш британский паспорт. — Он протягивает руку.

— Не понимаю, зачем?

Я все равно отдаю ему паспорт. А что мне остается? Драться с ним?

— А остальные? — вдумчиво листая страницы. — В свое время у вас была куча паспортов под разными фамилиями. И где они?

— Все сдал. Отправились в шредер.

— У вас двойное гражданство. Где ваш французский паспорт?

— Мой отец англичанин, я служил Англии, мне достаточно британского. Я могу получить его обратно, с вашего позволения?

Но он уже исчез за пюпитром.

— Лора, ваша очередь, — Кролик снова обнаруживает ее присутствие. — Нельзя ли немного поподробнее о конспиративной квартире на Уиндфолл-стрит?

Игра проиграна. Я врал до последнего. Но патроны закончились, бобик сдох.

* * *

Лора снова погружается в бумаги, которых мне не видно. Я стараюсь не обращать внимания на струйки пота, заливающие мою грудную клетку.

— Конспиративная квартира, да, и еще какая,

Кролик! — соглашается она, отрываясь от бумаг, и глаза ее сияют. — Посвящена исключительно операции «Паданец». Расположена в пределах Центрального Лондона. Под кодовым названием Конюшня. С постоянной домоправительницей по усмотрению Джорджа Смайли. Вот, собственно, и всё.

— Вспоминаете? — спрашивает меня Кролик.

Они молчат. И я молчу. Лора продолжает свой тет-а-тет с Кроликом.

— Похоже, даже Лейкону не полагалось знать, где она находится и кто за ней присматривает. Что, с учетом высокого положения Лейкона в Казначействе и его осведомленности о других конспиративных квартирах Цирка, мне кажется, говорит о некоторой паранойе Хозяина, но кто мы такие, чтобы его критиковать?

— Вот именно. Конюшня — в смысле «у нас все чисто»? — заинтересовался Кролик.

— Скорее всего, — соглашается Лора.

— Идея Смайли?

— А вы у Пита спросите.

Вот только Пит — достала уже она меня этим Питом! — окончательно оглох, не надо даже притворяться.

— Хорошая же новость, — обращается к ней

Кролик, — состоит в том, что эта конспиративная квартира никуда не делась! То ли было так задумано, то ли это чье-то упущение (подозреваю, что второе), но Конюшня продолжала оставаться на тайном балансе при *четырех* Хозяевах подряд. И *поныне* на своем месте. А наше верховное начальство даже не подозревает о ее существовании и тем более не знает, где она находится. Еще забавнее то, что при нынешних строгих нравах наше старое доброе Казначейство смотрит на эти расходы сквозь пальцы. Уже который год молча благословляют закрытую статью. — Он переходит на гомофобское сюсюканье: — *Это наш секретик, так что все помалкивают. Расписались, где положено, и ни слова мамочке*. Квартира снята в аренду. Кто арендатор, когда истекает срок договора, какой добрый дядя все это оплачивает — мы не имеем ни малейшего представления. — Наконец он обращается ко мне и снова берет суровый тон: — Питер. Пьер. Пит. Что-то вы затихли. Просветите нас, будьте так добры. Кто же этот добрый дядюшка?

Когда ты загнан в угол, когда ты перепробовал разные трюки и ни один не сработал, у тебя остается не такой большой выбор маневров. Можно множить ложь — я через это проходил и ничего

не добился. Можно затаиться в надежде, что этим все закончится. Тоже проходили, не заканчивается. Остается признать, что тебя загнали в угол, и тогда выход один: либо резать правду-матку, либо колоться по минимуму — авось проскочит, и ты как пай-мальчик заработаешь несколько зачетных очков. Вряд ли то или другое сработает, но, может, хотя бы паспорт отдадут.

* * *

— У Джорджа был ручной адвокат. — Я чувствовал, как во мне помимо воли просыпается кающийся грешник. — То, что вы называете *процветающий*. Дальний родственник Энн. Он (или она) согласился выступить в роли предохранителя. Это не квартира, а конспиративный дом в три этажа, который сдал в аренду офшорный траст, зарегистрированный на голландских Антильских островах.

— Заговорил как герой, — одобрительно сказал Кролик. — А как зовут домоправительницу?

— Милли Маккрейг. Бывший агент Джорджа. Она и раньше по его распоряжению выступала в этом качестве. Так что у нее уже был опыт. Когда только началась операция «Паданец», она в интересах Лондонского управления присматривала

за конспиративным домом в Нью-Форесте. Место называлось Лагерь № 4. Джордж предложил ей уволиться и перейти под начало Секретки. Он приписал ее к черному фонду и поселил в Конюшне.

— И где же, позвольте полюбопытствовать, она находится? — спросил Кролик.

И я им сообщил адрес вместе с номером телефона, который сам сорвался у меня с языка, как будто только и ждал этого момента. После чего на сцене произошли физические действия, заключавшиеся в том, что Кролик и Лора вместе рылись среди бумаг, пока он не выудил широкоформатный мобильный телефон, настолько затейливый, что это было выше моего разумения, и, с молниеносной скоростью пробежавшись по клавишам, протянул его мне.

Раз в десять медленнее Кролика я набрал номер Конюшни и вздрогнул, услышав, как телефонные звонки зазвучали на всю комнату, что было не только чудовищным нарушением безопасности, с точки зрения человека, чувствующего свою вину, но еще и актом откровенного предательства, как будто меня одним махом раскрыли, поймали с поличным и перевербовали. А телефон продолжал звонить. Мы ждали. Никто не брал

трубку. Я уже подумал, что Милли по обыкновению пошла в церковь, или куда-то укатила на велосипеде, или уже не такая шустрая, как все мы, старички. А скорее всего, просто умерла и лежит на кладбище, ибо, какой бы прекрасной и недосягаемой она нам когда-то ни казалась, Милли была на пять лет старше меня.

Вдруг звонки прекратились. Послышалось шуршание, и я подумал, что сейчас переключится на автоответчик. И тут, к моему изумлению (просто не верится), я услышал голос Милли — все тот же резкий, как звук пилы, неодобрительный голос шотландки-пуританки, который я любил копировать, чтобы поднять настроение Джорджу:

— *Да? Алло?* — И, с негодованием реагируя на мое замешательство так, словно сейчас глубокая ночь, а не семь часов вечера: — Это *кто* звонит?

— Это я, Милли. Питер Уэстон, — заговорил я. И для пущей убедительности подкинул кодовую кличку Смайли: — Друг мистера Барраклофа, если помните.

Я ожидал, даже надеялся, что Милли Маккрейг хоть раз в жизни понадобится время, чтобы собраться, но она отозвалась так быстро, что

замешательство испытал опять я, а не она.

— Мистер *Уэстон?*

— Он самый, Милли, не его тень.

— Идентифицируйте себя, мистер Уэстон, будьте добры.

Идентифицировать себя? Разве я ей не назвал два кодовых имени? И тут до меня дошло: ей нужен мой точечный ориентир, тайный шифр, в основном применявшийся не столько в лондонских, сколько в московских телефонных разговорах, и Смайли в далекие времена холодной войны настаивал на его использовании. Я взял со стола деревянный коричневый карандаш и, поднеся модняцкий мобильник ближе к столешнице и чувствуя себя полным идиотом, отстучал ветхозаветную шифровку: три удара, пауза, один удар, пауза, два удара. И ведь сработало! Милли тотчас отозвалась и милым, услужливым тоном сказала, как она рада меня слышать после стольких лет, и спросила, чем может мне помочь.

Меня так и подмывало откликнуться: «Милли, скажите на милость, все это со мной происходит в реальности или в фантазиях мучимого бессонницей шпиона позавчерашнего дня?»

Глава 4

Вчера утром по приезде в Лондон я поселился в жутком отеле возле вокзала Черинг-Кросс и выложил девяносто фунтов в качестве аванса за клетушку размером с катафалк. По дороге я навестил своего старого приятеля и моего бывшего пехотинца Берни Лавендара, а ныне мужского портного в дипломатическом корпусе; их пошивочные мастерские располагались в крошечном полуподвальном помещении неподалеку от Сэвил-роу. Но размеры помещения мало интересовали Берни. А вот что представляло для него интерес — а заодно и для Цирка, — так это возможность проникнуть в дипломатические круги на Кенсингтон-Палас-Гарденс и Сент-Джон-Вуд, чтобы сделать что-то полезное для Англии и на гарнир получить небольшое вознаграждение, не облагаемое налогом.

Мы обнялись, он опустил шторы и запер дверь на засов. Отдавая дань прошлому, я примерил лежалый товар — несколько пиджаков и костюмов, которые иностранные дипломаты по неизвестным причинам так и не забрали. А под конец, то-

же дань прошлому, я доверил ему запечатанный конверт — пусть полежит у него в сейфе до моего возвращения. В конверте был мой французский паспорт, но даже если бы там находились планы высадки морского десанта в Нормандии, Берни отнесся бы к нему с таким же пиететом.

И вот сейчас я вернулся за ним.

— Как поживает мистер Смайли? — спрашивает Берни, понизив голос, то ли из чувства почтения, то ли из преувеличенных соображений безопасности. — Что-нибудь от него слышно, мистер Джи?

Я, отвечаю, давно ничего не слышал. А вы, Берни? Увы, он тоже. Мы посмеиваемся над привычкой Джорджа исчезать надолго без всяких объяснений.

Но вообще-то мне не смешно. Что, если Джордж *умер* и Кролику это известно, но он предпочитает молчать? Но даже такой человек, как Джордж, не сумел бы умереть втайне от всех. А как насчет Энн, его заведомо неверной жены? Недавно до меня дошел слух, что ей надоели романтические приключения и она сошлась с модным благотворительным фондом. Но оказалась ли эта связь столь же недолгой, как и все предшествующие, оставалось только гадать.

Спрятав в карман свой французский паспорт, я отправился на Тоттенхэм-Корт-роуд, где купил парочку одноразовых мобильных телефонов с запасом разговоров на десять фунтов в каждом. А еще, по зрелом размышлении, взял бутылочку скотча, который забыл купить в аэропорту Ренна, и это, пожалуй, причина того отрадного факта, что память о прошедшей ночи стерлась из моей памяти.

Поднявшись с рассветом, я погулял часок под моросящим дождиком и скверно позавтракал в какой-то закусочной. И только потом, с чувством обреченности и сомнения в том, что это реально происходит, я нашел-таки в себе силы остановить черное такси и дал водителю адрес дома, где на протяжении двух лет я познал столько радости, стресса и боли, сколько не испытывал ни в каком другом месте за всю свою жизнь.

* * *

Мне помнилось, что дом № 13 по Дизраэли-стрит, он же Конюшня, — это обшарпанное, неотреставрированное викторианское здание, последнее в ряду других, на перекрестке с Блумсбери-стрит. И, к моему удивлению, таким оно передо мной сейчас и предстало: неизменное,

нераскаявшееся, откровенный вызов ярким, принаряженным соседям. Девять утра, назначенное время, а на ступеньках стоит стройная женщина в джинсах, кроссовках и кожаной курточке и с кем-то ругается по мобильному телефону. Я уже собираюсь сделать дополнительный круг, и тут до меня доходит, что это та самая Лора, она же История, одетая по моде.

— Хорошо спали, Пит?

— Как ангел.

— Какую из кнопок мне нажать, чтобы не подхватить гангрену?

— Попробуйте «Этику».

Смайли выбрал это название как наименее привлекательное. Парадная дверь открылась, и в полутьме возник призрак Милли Маккрейг. Некогда смоляные волосы стали седыми, как и мои, атлетическая фигура с возрастом ссутулилась, но во влажных синих глазах горел все тот же огонь. Она позволила мне вместо поцелуя прижаться к своим впалым кельтским щечкам.

Лора прошла мимо нас в прихожую. Женщины стояли лицом к лицу, как боксеры перед боем, а меня захлестнула такая волна узнавания и раскаяния, что возникло только одно желание — развернуться и, захлопнув за собой дверь, бежать

без оглядки. То, что я увидел вокруг, превзошло бы мечты самого взыскательного археолога: скрупулезно сохраненный склеп с нерушимыми печатями как память об операции «Паданец» и о тех, кто был в нее вовлечен, со всеми историческими артефактами — от висящей на крючке моей униформы доставщика пиццы до стоящего на подставке винтажного дамского велосипеда с плетеной корзинкой, дзинькающим звонком и рексиновской хозяйственной сумкой, с которой Милли Маккрейг ездила за покупками.

— Желаете посмотреть дом? — произносит Милли безучастным тоном, словно обращаясь к потенциальной покупательнице.

— Здесь должен быть черный ход. — Лора предъявляет ей архитектурный план дома. И где, интересно знать, она его раздобыла?

Мы стоим у застекленной кухонной двери. За ней просматривается крошечный садик с овощными грядками в середине. Мы с Оливером Менделем первыми их вскопали. Голая веревка для белья — Милли готовилась к нашему приходу. Старая клетка для птиц. Мы с Менделем сколотили ее однажды ночью из ненужных досок, и Мендель под моим не совсем трезвым руководством выжег по дереву табличку: «Все

птицы, добро пожаловать». И вот она стоит, такая же стройная и гордая, как в день рождения, в честь которого была построена. Между овощными грядками вьется каменная дорожка, ведущая к узкой калитке, а та ведет к частной автостоянке, а оттуда попадаешь в переулочек. Не может быть конспиративного дома без черного хода, как утверждал Джордж.

— Кто-нибудь входил в дом через черный ход? — спрашивает Лора.

— Хозяин, — отвечаю я за Милли. — Ни за какие коврижки не воспользовался бы главным входом.

— А остальные?

— Через главный вход. После того как Хозяин принял решение пользоваться черным ходом, он стал его, можно сказать, персональным лифтом.

Будь щедр на детали, говорю я себе. А остальное спрячь в памяти поглубже и выброси ключ. На очереди у Лоры деревянная винтовая лестница, воспроизводящая в миниатюре все темные лестницы в домах, принадлежащих Цирку. Мы уже собираемся по ней подняться, когда под звяканье колокольчика к нам выходит кот — большой черный длинношерстный, злобный на вид зверюга с красным ошейником. Он са-

дится, зевает и останавливает взгляд на Лоре. Та тоже на него смотрит, а затем поворачивается к Милли.

— Она тоже на бюджете?

— Это он, и я, если вам так интересно, оплачиваю расходы из своего кармана.

— У него есть имя?

— Да.

— И оно засекречено?

— Да.

Поднявшись до площадки между двумя пролетами — впереди Лора, за ней осторожно следует кот, — мы останавливаемся перед обитой зеленым сукном дверью с цифровым замком. За ней находится шифровальная. Когда Джордж прибрал к рукам этот дом, дверь была стеклянная, но шифровальщик Бен не мог позволить, чтобы его пальцы кто-то видел, поэтому появилось сукно.

— *Так*. Кто знает комбинацию? — спрашивает Лора деловитым тоном наставницы скаутов.

Поскольку Милли молчит, я неохотно называю: 21–10–05, дата Трафальгарской битвы.

— Бен служил в королевском флоте, — поясняю я. Не знаю, поняла ли Лора связь, но она никак не отреагировала.

Усевшись на крутящийся стул, она разглядывает набор дисков и переключателей. Щелкает одним. Ничего. Поворачивает диск. Ничего.

— Электричество отключено с тех самых пор, — бормочет Милли, обращаясь не столько к Лоре, сколько ко мне.

Развернувшись на стуле, Лора тычет пальцем в зеленый стенной сейф.

— *Так.* А ключ от него есть?

Эти ее «так» действуют мне на нервы. Как и обращение «Пит». Милли выбирает ключ из связки. Замок поворачивается, дверца открывается, Лора заглядывает внутрь и, словно косой, выгребает на циновку из волокна кокосового ореха шифровальные таблицы с грифом «сверхсекретно», карандаши, конверты повышенной прочности, выцветшие одноразовые блокноты — дюжина в целлофановой упаковке.

— Все остается в таком виде, понятно? — Она обернулась к нам. — Никто ни к чему не прикасается. Вы меня поняли? Пит? Милли?

Она снова выходит на лестницу и начинает подниматься, но на середине пролета ее останавливает Милли:

— Извините! Вы собираетесь войти в мои личные апартаменты?

— А если и так?

— Вы можете проинспектировать мое жилище и личные вещи только после заранее врученного письменного уведомления, подписанного компетентным начальником Головного офиса. — Милли произносит это на одном дыхании, без модуляций и, как я подозреваю, после соответствующих репетиций. — А пока я попрошу вас уважать частную жизнь, как того требуют мой возраст и мое положение.

Реакция Лоры попахивает таким кощунством, что даже Оливер Мендель в лучшие дни не позволил бы себе подобного.

— Это почему, Милл? Вы что, кого-то у себя прячете?

* * *

Закодированный кот исчез. Мы стоим в Средней комнате, названной так после того, как мы с Менделем когда-то разобрали старую фанерную перегородку. Если посмотреть с улицы, то вы увидите еще одно грязное занавешенное окно на первом этаже. А вот изнутри картина другая: нет никакого окна, потому что однажды в субботу, метельным февральским вечером, мы заложили его кирпичом, и с тех пор здесь царит

вечная темнота, пока не включишь лампочки в зеленых абажурах, какие вешают в казино над игровым столом. А мы их нашли в Сохо, в какой-то лавчонке.

В центре комнаты стоят два громоздких викторианских стола. Один принадлежал Смайли, а вторым изредка пользовался Хозяин. Их происхождение оставалось загадкой, пока как-то вечером Смайли не рассказал нам за скотчем, что это кузина Энн распродавала обстановку в Девоне, чтобы заплатить налог на наследство.

— А это что за жуть такая, свят, свят, свят?

Глаза у Лоры загорелись, что неудивительно. На стене, позади стола Хозяина, висит большая схема, три на два фута. Жуть? Я бы не сказал. Угрожающая жизни — это да. Я безотчетно хватаю ясеневую трость, что висит на спинке стула Хозяина, и читаю целую лекцию, которая должна не столько просветить, сколько отвлечь ее внимание.

— Вот *это*, Лора, — указываю тростью на лабиринт из цветных линий и названий, чем-то напоминающий головоломную карту лондонской подземки, — доморощенная репрезентация нашей восточноевропейской разведывательной сети под кодовым названием «Мэйфлауэр», су-

ществовавшей до «Паданца». Вот — глава всего, основатель и вдохновитель тайной сети, ее оперативного центра и всего контура, дальше — его непосредственные источники и, по убывающей, другие источники, добровольные и прочие, с конспективным описанием их продукции и рейтинга в Уайтхолле и с нашей внутренней оценкой их надежности по шкале от одного до десяти.

Я снова вешаю трость на спинку стула. Похоже, мне не удалось ни отвлечь внимание Лоры, ни ее запутать. Она внимательно изучает кодовые имена, ставя против каждого галочку. За моей спиной Милли тихонько покидает комнату.

— Об операции «Мэйфлауэр» мы *кое-что* знаем, — произносит Лора тоном учительницы. — Сохранилось случайное досье, которое вы любезно оставили в общем архиве. Есть у нас и собственные источники. — Она дает мне несколько секунд на то, чтобы переварить эту информацию. — А почему все проходят под названиями садовых растений?

— Тематический подход, Лора. — Я стараюсь по возможности поддерживать высокомерный

тон. — «Мэйфлауэр»[6] и все в том же духе. Корабельную тематику мы не трогали.

И снова она меня проигнорировала.

— И что означают эти *звезды?*

— Радиосигналы, Лора. Не звезды. Образно выражаясь, искры. В случаях, когда полевикам выдавались радиоприемники. Красный — активный, желтый — потаенный.

— *Потаенный?*

— Зарытый в землю. Обычно в тонкой клеенке.

— Если *я* прячу, то я *прячу*, — сообщает она мне, продолжая разбираться с кодовыми именами на схеме. — А не *таю*. Избавьте меня от своего шпионского жаргона. Я не член мужского клуба. А это что за плюсы? — Она ткнула пальцем в кружок с соответствующим значком.

— Не плюсы, Лора, а *крестики*.

— Агенты, которых выдали?

— Которые вышли из игры.

— В смысле?

— Погорели. Отказались. Разные причины.

— А с этим что произошло?

---

[6] Сноски: 6

Mayflower — боярышник *(англ.)*, а также название торгового судна, на котором англичане высадились в Северной Америке в 1620 году и основали одно из первых британских поселений. *(Прим. перев.)*

— С Фиалкой?

— Да. Что произошло с Фиалкой?

Прижимает меня к стенке? Похоже на то.

— Фиалка пропала. Подозревали допросы с пристрастием. Работала в Восточном Берлине с пятьдесят шестого по шестьдесят первый. Возглавляла команду наблюдателей за подвижным составом. Все зафиксировано… — Имея в виду: читайте сами.

— А этот парень? Тюльпан?

— Тюльпан — женщина.

— А хэштег?

Уж не для того ли она так долго выжидала, чтобы ткнуть пальчиком именно в этот кружок?

— Хэштег, как вы его назвали, — это *символ*.

— Догадываюсь. Символ чего?

— Тюльпан была православного вероисповедания, поэтому ей присвоили соответствующий крест. — Я делаю все, чтобы мой голос не дрогнул.

— Кто присвоил?

— Женщины. Две сотрудницы.

— Каждый верующий агент получал крест?

— Православные убеждения Тюльпан отчасти мотивировали ее работать на нас. О чем и говорит крест.

— Ее судьба?

— Исчезла с наших экранов, увы.

— У вас тогда не было экранов.

— Не исключено, что решила закруглиться. С пехотинцами такое случается. Прерывают контакты и пропадают с концами.

— На самом деле ее звали Гамп, так? Как зонтик[7]. Дорис Гамп?

То, что я сейчас испытываю, тошнотой не назовешь. По крайней мере, с желудком это никак не связано.

— Возможно. Гамп. Да, кажется, так. Удивительно, откуда вам это известно.

— Может, вы не все досье украли. Это была большая потеря?

— Что именно?

— Ее решение закруглиться.

— Не думаю, что она *объявила* о своем решении. Просто перестала выходить на связь. В каком-то смысле — да, потеря. Тюльпан была важным источником. Солидным, да.

Перебор? Недобор? Легковесно? Она это обдумывает. Пауза затягивается.

— Мне казалось, вас интересует «Паданец», —

---

[7] Сноски: 7

Gamp — зонтик *(англ.)*.

напоминаю я ей.

— Нас интересует всё. «Паданец» — лишь зацепка. Что случилось с Милли?

Милли? Ах да, Милли. Не Тюльпан.

— Когда?

— Сейчас. Куда она ушла?

— Вероятно, к себе наверх.

— Вы ее не позовете? Меня она ненавидит.

Я открываю дверь, а за ней стоит Милли со своей связкой ключей. Протиснувшись мимо нее, Лора устремляется дальше по коридору с планом дома в руке. Я отстаю.

— Где Джордж? — шепотом спрашиваю у Милли.

Она мотает головой. Не знает? Не спрашивать?

— Милли, ключи!

Она добросовестно отпирает двойные двери в библиотеку. Лора делает шаг вперед и тут же, как в дешевом фарсе, два назад с дежурным воплем «Мать честная!», который наверняка разбудил всех мертвых в Британском музее. Не веря своим глазам, она приближается к полкам, уставленным потрепанными томами от пола до потолка. Осторожно берет восемнадцатый том разрозненного тридцатитомного собрания «Британской энциклопедии» 1878 года. Открывает,

с удивлением пролистнув несколько страниц, швыряет на столик и снимает с полки «Путешествия по Аравии и не только» 1908 года, тоже разрозненное собрание, стоившее (как ни странно, помню) пять шиллингов и шесть пенсов за том, один фунт за все собрание, после того как Мендель сбил цену у торговца.

— Вы мне не объясните, кто читает или читал эту белиберду? — спрашивает меня Лора.

— Все, кто был допущен к операции «Паданец» и имел на то основания.

— В каком смысле?

— Джордж Смайли считал, — я стараюсь отвечать с максимальным достоинством, — что раз уж бог не дал нам укрепленной крепости на берегу Темзы, то естественное укрытие лучше всякой физической защиты. И что если зарешеченные окна и стальной сейф лишь провоцируют местного бандита на преступление, то не родился еще такой вор, который бы мечтал о бумажном ворохе…

— Покажите мне, о'кей? Все, что вы украли. И перенесли сюда.

Я залезаю на стремянку перед камином, заваленным высохшими цветами, и выуживаю с верхней полки «Путеводитель по френологии

для широкого читателя» Генри Рамкена, доктора наук, выпускника Кембриджского университета; страниц в ней нет, зато есть папка из буйволовой кожи. Передав ее Лоре, я возвращаю книгу доктора Рамкена на место и спускаюсь на твердую землю. Лора присела на подлокотник кресла и изучает добычу. Милли снова исчезла.

— Здесь упоминается некто *Пол*. А как его зовут дома? — напускается на меня Лора.

На этот раз мне не удается идеально выдержать ровный тон.

— *Дома* его никак не зовут, Лора. Потому что он уже на том свете. Имя *Пауль*, по-немецки, среди прочих имен прикрытия, Алек Лимас использовал в Берлине в кругу своих пехотинцев. — Взяв себя в руки, я продолжаю уже более непринужденно: — Имена он все время менял. Не особенно доверял людям вокруг. Или, скажем так, не доверял Лондонскому управлению.

Последнее ее заинтересовало, хотя она старается этого не показывать.

— Здесь *все* файлы? От и до? Все, что вы украли, спрятано в старых книгах, так?

Возможность ее просветить доставляет мне удовольствие.

— Боюсь, что *не все*, Лора. Джордж придержи-

вался правила: сохранять минимум. Остальное в шредер. Обрезки сжигались. Такое правило.

— А где шредер?

— Вон там в углу.

Она его только сейчас заметила.

— Где сжигали?

— В этом камине.

— Акты об уничтожении имущества составлялись?

— Тогда бы нам пришлось сжигать и акты, разве нет?

Пока я наслаждаюсь своей маленькой победой, она переводит взгляд в дальний темный угол, где висят рядом две фотографии мужчин, стоящих в полный рост. На этот раз не раздается дежурный вопль «Мать честная!», она просто крадучись направляется туда, словно опасаясь, что они сейчас улетят.

— А эти красавцы кто?

— Йозеф Фидлер и Ганс-Дитер Мундт. Соответственно глава и замглавы оперативного управления Штази.

— Слева у нас кто?

— Фидлер.

— А подробнее?

— Немецкий еврей из академической семьи,

родители погибли в концлагере. Изучал гуманитарные науки в Москве и Лейпциге. Потом попал в Штази. Шустр, умен, терпеть не может стоящего с ним рядом.

— Мундта.

— Методом исключения — да, Мундта, — соглашаюсь я. — Имя: Ганс-Дитер.

Ганс-Дитер Мундт в двубортном костюме, застегнутом на все пуговицы. Руки убийцы прижаты к бокам, с презрением глядит в камеру. Как будто присутствует на казни. То ли чужой, то ли собственной. В любом случае выражение лица уже не изменится, а ножевая рана на щеке уже не заживет.

— Ваш объект, да? Человек, которого ваш дружок Алек Лимас должен был убрать? Вот только Мундт сам убрал Алека Лимаса, верно? — Она возвращается к Фидлеру. — А Фидлер был вашим суперагентом? Главным поставщиком секретной информации. Великим добровольцем. Записался, но так и не появился. Просто оставлял у вас на крыльце горячие разведданные и тихо исчезал, не показав лица. Раз за разом. И вы до сих пор толком не знаете, являлся ли он вашим пехотинцем, так?

Я набираю в легкие побольше воздуха.

— Все полученные нами материалы по «Паданцу», исключительно самотек, указывали на Фидлера. — Я старательно подбираю каждое слово. — Мы даже спрашивали себя, не готовится ли он стать перебежчиком. Может, потому заранее, так сказать, и пускал хлеб свой по водам[8].

— Из ненависти к Мундту, бывшему нацисту, который, в сущности, так и не покаялся?

— Это мог быть один из мотивов. Плюс разочарование демократией — или отсутствием таковой — в Германской Демократической Республике, она же ГДР. Подозрение, что коммунистический бог его предал, превратилось в уверенность. В Венгрии контрреволюция была жестоко подавлена Советами.

— Спасибо. Где-то я об этом читала.

Еще бы не читала. Она же сама История.

В дверях появились двое взъерошенных подростков, парень и девушка. Сначала я подумал, что они вошли через задний ход, где нет звонка. А вторая мысль — диковатая, признаюсь, — что это истица Карен, дочь Элизабет, и ее парт-

---

[8] Сноски: 8

То есть проявлял щедрость. Отсылка к Библии: «Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его». Екклесиаст: 11, 1. *(Прим. перев.)*

нер Кристоф, сын Алека, хотят наложить арест на гражданское лицо. Лора привстает на стремянке, чтобы придать себе дополнительный вес.

— Нельсон. Пепси. Поздоровайтесь с Питом, — командует она.

— Привет, Пит.

— Привет, Пит.

— Привет.

— О'кей. Слушайте сюда. Отныне территория, где вы находитесь, считается местом преступления. А еще это территория Цирка. Включая сад. Каждый клочок бумаги, досье, любой обломок, настенные чертежи, плитка с крючками, содержимое выдвижных ящиков и книжных полок — все является собственностью Цирка и, потенциально, судебной уликой, а следовательно, должно быть скопировано, сфотографировано и описано. Так?

Никто не возражает, что это не так.

— Пит — наш *книгочей*. Читать он будет здесь, в библиотеке. Он будет читать. Инструктировать и допрашивать Пита будем мы с шефом правового отдела. *Только мы*. — И снова взъерошенным юнцам: — Вы поддерживаете с Питом светскую беседу, так? Вежливый тон. Не касаетесь материалов, которые он читает, или причин, по которым

он их читает. Вам все это уже известно, так что я говорю Питу. Если у одного из вас возникнут подозрения, что Пит или Милли, случайно или сознательно, пытаются унести документы или какие-то предметы из помещения, вы немедленно известите об этом правовой отдел. Милли…

Ответа не последовало, но она стоит в дверях.

— Ваше личное пространство… вашу комнату… использовали или *сейчас* используют в интересах Службы?

— Мне об этом ничего не известно.

— Есть ли там специальное оборудование? Камеры? Жучки? Секретные материалы? Досье? Бумаги? Официальная переписка?

— Нет.

— Пишущая машинка?

— Моя собственная. Куплена мной на мои личные деньги.

— Электрическая?

— Механическая. «Ремингтон».

— Радиоприемник?

— Беспроводной. Мой личный. Куплен мной.

— Магнитофон?

— На батарейках. Куплен мной.

— Компьютер? Айпад? Смартфон?

— Обычный телефон.

— Милли, вы только что получили письменное уведомление. Оно в почтовом ящике. Пепси, проводите, пожалуйста, Милли в ее комнату. А вы, Милли, будьте добры оказывать ей любую помощь, какая понадобится. Здесь все должно быть разобрано по косточкам. Пит?

— Да, Лора?

— Как я могу распознать задействованные тома на этих полках?

— Все книги *quarto*[9] на верхней полке, с фамилиями авторов от А до Р, должны содержать бумаги, если они еще не уничтожены.

— Нельсон. Вы остаетесь здесь, в библиотеке, до приезда команды. Милли…

— Что еще?

— Велосипед в прихожей. Пожалуйста, уберите. Он мешает проходу.

* * *

В Средней комнате мы впервые сидим вдвоем, Лора и я. Она предложила мне кресло Хозяина, но я предпочитаю место Смайли. Она откинулась бочком в кресле Хозяина — то ли расслабилась, то ли себя подает.

---

[9] Сноски: 9
Формат в 1/4 долю листа. *(Прим. перев.)*

— Я адвокат, так? Офигенный адвокат. Сначала частные клиенты, затем корпоративные. Потом всех послала и попросилась в вашу тусовку. Я была молодой, красивой, и меня кинули на Историю. Чем с тех пор и занимаюсь. Каждый раз, когда прошлое грозит укусить Службу за задницу, на помощь зовут Лору. А «Паданец», можете мне поверить, чреват серьезными укусами.

— Вы должны быть довольны.

Если она и уловила иронию в моих словах, то решила ее проигнорировать.

— А от вас мы хотим, как ни пошло это прозвучит, правды и только правды. Забудьте о своей лояльности Смайли и компании. Так?

Все не так, да стоит ли отвечать?

— Узнав всю правду, мы поймем, как ее употребить. Возможно, и в ваших интересах, если они совпадут с нашими. Моя задача — отвести кувалду, пока она не ударила по голове. Вы же тоже этого хотите, так? Чтобы без скандалов, даже если они остались в прошлом. Они отвлекают, они бросают тень на настоящее. Наша Служба — это прежде всего репутация и красивая вывеска. Сдача своих, пытки, тайные заигрывания с психопатами и садистами — все это вредит репутации, нашему делу. Значит, у нас общие

интересы, так?

И снова я молчу.

— А теперь плохая новость. Нашей крови желают не только дети тех, кто пал жертвой «Паданца». Кролик по доброте душевной смягчил ситуацию. Есть жаждущие внимания парламентарии, которые хотят использовать «Паданец» в качестве примера: вот что происходит, когда у разведслужб развязаны руки. Поскольку они не могут зацепиться за что-нибудь серьезное, им подавай позавчерашний день. — Мое молчание выводит ее из терпения. — Послушайте, Пит. Без вашего полного сотрудничества все может…

Она ждет, что я закончу фразу. Ну пусть ждет.

— Вы правда ничего от него не слышали?

Я вдруг вспоминаю, что сижу в его кресле.

— Нет, Лора. Как я уже сказал, я давно ничего не слышал от Джорджа Смайли.

Она откидывается назад и достает конверт из заднего кармана. У меня в голове проносится безумная мысль, что это послание от Джорджа. Напечатано на принтере. Ни водяных знаков. Ни приписки от руки.

С сегодняшнего дня вам предоставляется временное размещение в квартире

по адресу: 110Б, Худ-Хаус, Долфин-сквер, Юго-Западный Лондон. Условия проживания…

Никаких домашних животных. Никаких гостей. Я обязан находиться дома с 22.00 до 7.00 или заблаговременно известить правовой отдел об изменении планов. Учитывая мое положение (не уточняется), 50 фунтов за аренду будут вычитаться из моей пенсии. Плата за отопление и электричество не взимается, но за утрату или порчу имущества мне придется раскошелиться.

В дверь просовывается взъерошенный юнец по кличке Нельсон.

— Лора, машина подана.

Разграбление Конюшни начинается.

Глава 5

Смеркалось. Осенний вечер, а по английским меркам тепло, как летом. Вот и закончился мой первый день в Конюшне. Я прогулялся, выпил скотча в пабе, забитом голосящей молодежью, приехал на автобусе в Пимлико, сошел раньше на несколько остановок, а дальше пешочком. Вскоре передо мной выросла из тумана освещенная громада Долфин-сквер. С первого дня, как я присягнул секретному флагу, это место вызывало у меня мурашки. В прежние времена здесь находилось больше конспиративных квартир, чем в самом большом здании на земном шаре, и не было такой, где бы я не инструктировал или не допрашивал какого-нибудь несчастного пехотинца. Здесь провел свою последнюю ночь в Англии Алек Лимас в качестве гостя московского вербовщика, прежде чем отправиться в роковое путешествие.

В квартире по адресу 110Б, Худ-Хаус, до сих пор витал его дух. Конспиративные квартиры Цирка всегда отличались запланированными неудобствами. *Эта* была классикой жанра: здоровенный

красный огнетушитель; два бугорчатых кресла практически без пружин; репродукция акварели «Озеро Уиндермир»; минибар на замке; отпечатанное предупреждение, чтобы не курили ДАЖЕ С ОТКРЫТЫМ ОКНОМ; огромный телевизор с просмотром в обе стороны, как я сразу предположил; замшелый черный телефон с отсутствующим номером и предназначенный (если говорить лично обо мне) исключительно для передачи дезинформации. А в крошечной спальне стояла твердая, как камень, словно из студенческого общежития, кровать — естественно, односпальная, дабы исключить всякие похотливые мысли.

Закрывшись в спальне от телеэкрана, я распаковал дорожный чемоданчик и осмотрелся, где бы мне спрятать свой французский паспорт. Внимание мое привлекла табличка «ПОЖАРНАЯ ИНСТРУКЦИЯ», наспех прикрученная к двери в ванную. Ослабив шурупы, я спрятал паспорт за табличкой и снова ее прикрутил. Потом спустился вниз и слопал гамбургер. Вернувшись в квартиру, я позволил себе изрядную порцию скотча и попробовал расслабиться в жестком кресле. Но, едва задремав, тут же очнулся и протрезвел, оказавшись в Западном Берлине в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году

от Рождества Христова.

* * *

Пятница, конец дня.

Я провел в разделенном городе неделю и сейчас предвосхищаю парочку горячих дней и ночей в обществе шведской журналистки Дагмар, в которую без памяти влюбился за три минуты во время коктейль-вечеринки, устроенной нашим верховным комиссаром, а по совместительству британским послом в Бонне, где расквартировано вечно-временное правительство Западной Германии. Я должен с ней увидеться через пару часов, а пока решил нанести визит в наш берлинский Центр, чтобы поздороваться и заодно попрощаться с моим старым другом Алеком.

Рядом с Олимпийским стадионом в краснокирпичных, оживляемых эхом казармах, построенных во славу Гитлера и известных как Дом германского спорта, наши сотрудники готовятся к выходным. Алека я нахожу в очереди к зарешеченному окну регистратуры, куда сдают подносы с секретными документами. Он меня не ждал, но уже привык ничему не удивляться.

— Привет, Алек, — говорю я. — Рад тебя видеть.

— О, привет, Питер, — отвечает он. — Что ты тут делаешь?

После нехарактерной заминки он спрашивает, буду ли я занят в эти выходные. Я отвечаю утвердительно. Жаль, говорит он, а то я подумал, не съездить ли нам в Дюссельдорф. Почему, спрашиваю, в Дюссельдорф. Следует очередная заминка.

— Да просто вырваться из этого чертова Берлина, — говорит он, неубедительно пожимая плечами. И, понимая, что даже в самых дерзких мечтах я не могу себе представить его обычным туристом, добавляет: — Нужно увидеться с одним человеком по поводу собаки. — Из чего я делаю вывод: он дает мне понять, что ему надо встретиться с пехотинцем, а я пригодился бы на роль не то фона, не то прикрытия. Но это еще не повод подвести Дагмар.

— Алек, боюсь, не получится. Скандинавской даме необходимо мое безраздельное внимание. А мне — ее.

Он обдумывает мои слова, но что-то в его реакции меня настораживает. Он как будто обижен или озадачен. А по ту сторону решетки уже проявляют нетерпение. Алек передает документы. Клерк регистрирует их в журнале.

— Женщина не помешает, — говорит он, не глядя на меня.

— Даже если она считает, что я работаю в Министерстве труда, а в Германии ищу научные таланты? Побойся бога!

— Возьми ее с собой. Все будет хорошо.

Знай вы Алека так же хорошо, как я, вы бы поняли, что это равносильно призыву о помощи. За многие годы совместной охоты, со всеми взлетами и падениями, я ни разу не видел его таким потерянным. Дагмар — девушка азартная, и вечером того же дня мы втроем прилетаем в Хельмштадт, берем напрокат машину, едем в Дюссельдорф и останавливаемся в отеле, где Алек уже бывал. За ужином он отмалчивается, зато Дагмар показывает себя настоящим бойцом, умеющим добиваться своего, так что мы скоро оказываемся в постели и проводим бурную ночь к обоюдному удовольствию. В субботу утром мы встречаемся за поздним завтраком, и Алек объявляет, что у него есть билеты на футбол. До сих пор при мне он не выказывал ни малейшего интереса к этой игре. И тут выясняется, что у него *четыре* билета.

— А кто четвертый? — спрашиваю я, уже фантазируя, что у него есть тайная любовница,

доступная только по субботам.

— Один знакомый паренек, — отвечает он.

Алек садится за руль, Дагмар и я устраиваемся сзади, и мы отправляемся в путь. На перекрестке он останавливает машину. Высокий подросток с суровым лицом ждет нас под вывеской кока-колы. Алек открывает ему дверцу, он садится впереди, Алек представляет незнакомца: «Это Кристоф», мы говорим: «Привет, Кристоф», и продолжаем путь на стадион. Алек говорит по-немецки так же хорошо, как по-английски, если не лучше, и на этом языке он тихо разговаривает с парнем, а тот отвечает односложно, или кивает, или отрицательно качает головой. Сколько ему? Четырнадцать? Восемнадцать? Вечный немецкий юнец авторитарного класса: мрачный, прыщавый и послушный, но с поджатыми губами. Бледный широкоплечий блондин. На редкость неулыбчивый для своих лет. На трибуне, неподалеку от боковой линии поля, они Алеком стоят рядом и обмениваются отдельными словами, которых я не могу расслышать. Парень не подбадривает игроков, молча смотрит игру, а в перерыве они уходят, то ли отлить, то ли съесть хот-дог. Но возвращается Алек один.

— А где Кристоф? — спрашиваю я.

— Ему надо домой, — следует угрюмый ответ. — Мама велела.

На два дня тема была закрыта. Мы с Дагмар продолжали блаженствовать в постели, а чем занимался Алек, было мне неизвестно. Я решил, что Кристоф — сын одного из его агентов, которого надо было выгулять, так как для пехотинцев здоровье — это главное. Я уже собирался возвращаться в Лондон, а Дагмар успела вернуться к мужу в Стокгольм, когда мы с Алеком завалились в одно из его любимых питейных заведений в Берлине, чтобы принять напоследок. И тут я между делом спросил его, как там Кристоф, вспомнив, что тот казался каким-то заблудшим и недовольным, о чем я, возможно, и упомянул.

Сначала я подумал, что ответом мне будет обычное диковатое молчание, поскольку он отвернулся.

— Я, черт побери, его *отец*.

А дальше, короткими, неохотными выплесками из назывных предложений, без просьбы держать это при себе, в чем он и так не сомневался, последовала история в том виде, в каком он решил ее изложить. Немка, курьер, из Дюссельдорфа, я тогда сидел в Берне. Хорошая девушка, сначала друзья, потом роман. Ей нужен брак.

Я не могу. Тогда она выходит замуж за местного адвоката. Он усыновил мальчика, и на том спасибо. Иногда она позволяет мне с ним видеться. Мужу знать нельзя, поколотит.

Финальная картина, которую я мысленно вижу, вставая с жесткого кресла: Алек и подросток Кристоф плечом к плечу на трибуне и тупо смотрят на футбольное поле. Одинаковые выражения лиц, характерная для ирландцев выпирающая нижняя челюсть.

* * *

Ночью в какой-то момент я, видимо, уснул, сам того не заметив. Сейчас на Долфин-сквер шесть утра, а в Бретани семь. Катрин уже на ногах. Будь я дома, я бы уже тоже встал, так как Изабель принимается голосить одновременно с Шевалье, нашим главным петухом. Ее голос долетает из коттеджа через весь двор, потому что девочка держит окно своей спальни открытым в любую погоду. Они уже покормили коз, и теперь Катрин пытается накормить Изабель, гоняясь за ней по двору с йогуртом и ложечкой в руках. А куры, что по команде Шевалье, что без, ведут себя так, словно наступил конец света.

Представив эти картины, я подумал, что если

позвонить в большой дом, а Катрин с ключами будет проходить мимо, то она услышит звонки и ответит. И набрал номер наудачу, пользуясь одним из одноразовых мобильников; не хватало только, чтобы Кролик подслушал мои телефонные разговоры. Там у нас нет автоответчика, и я несколько минут слушал гудки вызова, а когда уже собирался разъединиться, вдруг раздался по-бретонски резковатый, даже когда это не входит в ее намерения, голос Катрин:

— Ты в порядке, Пьер?

— Все отлично. А ты, Катрин?

— Ты уже простился со своим покойным другом?

— Через пару дней.

— Готовишь большую речь?

— Длиннющую.

— Ты нервничаешь?

— Ужасно. Как там Изабель?

— С ней все в порядке. В твое отсутствие она не изменилась. — Я улавливаю в ее голосе оттенок раздражительности или чего-то посильнее. — Вчера к тебе приходил твой приятель. Ты кого-то ждал, Пьер?

— Нет. Что за приятель?

Но Катрин, как всякий жесткий дознаватель,

умеет уходить от ответов.

— Я ему сказала: «Пьера нет дома, он в Лондоне, там кто-то умер, и он как добрый самаритянин поехал успокаивать скорбящих».

— Но *кто* это был, Катрин?

— Он не улыбался. Не отличался вежливостью. Скорее, был напорист.

— Он к тебе приставал?

— Он спросил, кто умер. Я сказала, что не знаю. Он спросил почему. Я ответила, что Пьер мне не все сообщает. Он засмеялся. Потом сказал, что Пьер уже в том возрасте, когда друзья часто умирают. Он спрашивал: «Это случилось неожиданно? Умерла женщина, мужчина?» Спрашивал, в каком лондонском отеле ты остановился. Название? Адрес? Я отвечала, что не знаю. И вообще, я занята, у меня ребенок, у меня ферма.

— Он француз?

— Скорее немец. Или американец.

— Он приехал на машине?

— На такси. От станции. Его привез Гаскон, который потребовал: «Деньги вперед, иначе не повезу».

— Как он выглядел?

— Приятным, Пьер, его не назовешь. Угрюмый. Здоровый, как боксер. Пальцы в кольцах.

— Возраст?

— Пятьдесят. Шестьдесят. Я не считала, сколько у него зубов. Может, старше.

— Свое имя он назвал?

— Он сказал, что это не важно. Что вы старые друзья. Сказал, что вы вместе смотрели футбол.

Я не могу пошевелиться, у меня перехватило дыхание. Хорошо бы встать с кровати, но меня вдруг покинуло мужество. Черт побери, Кристоф, сын Алека, сутяжник, похититель секретных документов Штази, преступник (список претензий к тебе длиннее моей руки), как ты раздобыл мой адрес в Бретани?

Ферма в деревне Ле-Дёз-Эглиз перешла ко мне от семьи матери и по сей день записана на ее девичью фамилию. В местном телефонном справочнике нет никакого Пьера Гиллема. Уж не Кролик ли по каким-то своим тайным причинам подкинул Кристофу мой адрес? Но с какой целью?

Тут я вспоминаю о своей поездке на мотоцикле в 1989 году, зимним беспросветным днем, под проливным дождем, на берлинское кладбище, и сразу все становится на свои места.

* * *

Месяц назад была разрушена Берлинская стена. Германия в экстазе, чего не скажешь о нашей бретонской деревне. А я балансирую между этими крайностями: то радуюсь какому-никакому миру, то впадаю в интроспекцию, думая о наших деяниях и принесенных жертвах, загубленных *чужих* жизнях, за все те годы, когда нам казалось, что эта стена простоит вечно.

Я пребывал в этом подвешенном состоянии, разбираясь с налоговой декларацией о годовом доходе в бухгалтерской конторе Ле-Дёз-Эглиз, когда наш новый юный почтальон Дени, еще возведенный в ранг месье, не говоря уже о Генерале, приехал не в желтом фургоне, а на простом велосипеде и отдал письмо не мне, а старому Антуану, одноногому ветерану войны, который по обыкновению без толку слонялся по двору с вилами.

Изучив конверт с обеих сторон и решив, что его можно передать по назначению, Антуан доковылял до крыльца, вручил его мне и, пока я читал послание, не сводил с меня глаз.

Мюррен, Швейцария

Дорогой Питер,

я подумал, тебе будет интересно узнать о том, что прах нашего друга Алека недавно упокоился в Берлине неподалеку от места, где он встретил смерть. Считается, что тела убитых возле Стены обычно тайно кремировали, а прах развеивали. Но благодаря основательным архивам Штази в случае с Алеком пошли на беспрецедентные шаги. Его останки увидели свет, и он удостоился почетных, пусть и запоздалых, похорон.

Неизменно твой,

Джордж

И на отдельном листке — попробуй избавься от старой привычки! — адрес маленького кладбища в берлинском районе Фридрихсхайн, официально созданного для жертв войны и тирании.

В то время я жил с Дианой, еще один короткий роман, близившийся к концу. Кажется, я ей сказал, что заболел мой друг. Или умер. Я вскочил на мотоцикл (такие были времена), без остановок домчался до Берлина, притом что погода была хуже не придумаешь, приехал на кладбище

и спросил у входа, как мне найти могилу Алека Лимаса. Дождь лил как из ведра. Пожилой мужчина, вроде местный смотритель, дал мне зонт, схему кладбища и показал в конец длинной серой аллеи, обсаженной деревьями. Немного поблуждав, я нашел то, что искал: свежая могила и мраморное надгробие с надписью «АЛЕК ИОГАНН ЛИМАС», выбеленной дождем. Ни дат, ни профессии, зато полноценная насыпь, говорящая о том, что в могиле лежит гроб, хотя на самом деле урна с прахом. Для прикрытия? За все эти годы имя «Иоганн» ни разу не прозвучало: в этом был весь ты. Я приехал без цветов — решил, что за цветы он бы меня высмеял. Я стоял под зонтом и вел с ним бессловесный диалог.

Я уже возвращался к своему мотоциклу, когда пожилой мужчина спросил, не хочу ли я расписаться в книге соболезнований. *Книга соболезнований?* Мой личный способ отдать долг умершим, объяснил он; скорее даже мое служение в память о них. Почему нет, ответил я. Первой стояла подпись «ДжС» и адрес «Лондон». А в графе для слов, обращенных к покойнику, единственное слово: «Друг». Вот вам Джордж Смайли — в допустимом виде. Ниже несколько немецких фамилий, которые мне ни о чем не говорили, с записями вроде

«Никогда не забудем» и, наконец, «Кристоф», без фамилии. Рядом запись: *«Sohn»*[10]. А на месте домашнего адреса — «Дюссельдорф».

Был ли это легкий приступ эйфории по поводу уничтожения Стены и пришедшей в мир свободы (в чем я сильно сомневаюсь), или нутряное ощущение, что хватит уже таиться, или просто желание расправить плечи под проливным дождем и войти в число друзей Алека? Как бы то ни было, я заполнил все как положено: написал свою настоящую фамилию и настоящий адрес в Бретани, а в графе, обращенной к умершему, не придумав ничего лучшего, «Пьеро» — так в редкие минуты раскрепощения меня называл Алек.

И что сделал ты, Кристоф, такой же скорбящий, нелюдимый, его родной сын? В один из своих куда более поздних визитов на кладбище — почему-то я думаю, что их было несколько, в том числе с исследовательской целью, — ты внимательно прошелся по книге соболезнований, — и что же ты там увидел? Питер Гиллем из Ле-Дёз-Эглиз, *en clair*[11], словно нарочно для

---

[10] Сноски: 10
Сын *(нем.)*.

[11] Сноски: 11
Со всей очевидностью *(фр.)*.

тебя. Не псевдоним, не вымышленный адрес или конспиративная квартира. Я собственной персоной и мое место проживания. Что и привело тебя в Бретань из Дюссельдорфа.

И каким же, Кристоф, сын Алека, будет твой следующий шаг? В ушах звучат вчерашние слова Кролика, сказанные хлестко, по-адвокатски: «Парень небесталанный, Питер. Возможно, это гены».

Глава 6

«Пит — наш книгочей, — объявила вчера Лора восхищенной публике. — Читать он будет здесь, в библиотеке».

Сам я вижу себя в предстоящие дни не столько книгочеем, сколько старшеклассником, принужденным сдавать письменный экзамен, который он должен был сдать полвека назад. Время от времени мальчика с замедленным умственным развитием забирают из экзаменационной комнаты и подвергают устному опросу экзаменаторы, и хотя они весьма поверхностно знакомы с предметом, это им не мешает гонять его в хвост и в гриву. А еще время от времени он приходит в такой ужас от собственных молодецких забав, что готов все отрицать, пока неопровержимые улики не развяжут ему язык. Каждое утро по приезде в конспиративный дом я получаю в руки стопку папок, как знакомых мне, так и нет. Если ты когда-то украл досье, это еще не значит, что ты его прочел.

Утром второго дня я застаю библиотеку закрытой для посетителей. Доносящиеся оттуда звуки

захлопывающихся книг и снующие туда-сюда парни и девушки в комбинезонах, которых мне не представляют, наводят меня на мысль, что там всю ночь снимали отпечатки пальцев. В середине дня наступает зловещая тишина. Мне предоставляют не письменный стол, а столик на козлах в центре комнаты, похожий на гильотину. Книжные полки исчезли, оставив после себя на стенах призрачный оттиск тюремных решеток, чем-то напоминающий рельефные обои фирмы «Анаглипта».

— Наткнетесь на розетку, берите паузу. — Отдав мне этот приказ, Лора уходит.

Розетка? Она имеет в виду розовые скрепки, встречающиеся там и сям в разных досье. Нельсон молча занимает стул надзирателя и раскрывает увесистый том в бумажной обложке. «Лев Толстой» Анри Труайя.

— Дайте знать, когда захотите отлить. Мой папуля делает это каждые десять минут.

— Бедняга.

— Главное, ничего не уносите.

* * *

Странноватый вечер, когда Лора без объяснения причин заменяет Нельсона на стуле

надзирателя и, сурово понаблюдав за мной в течение получаса или больше, вдруг говорит:

— К черту. Не хотите меня пригласить бесплатно поужинать, Пит?

— Когда? — спрашиваю я.

— Сегодня. Сейчас. Когда ж еще, по-вашему?

Бесплатно для кого? Я осторожно киваю, продолжая гадать. Бесплатно для нее? Для меня? Для нас обоих, поскольку это Контора устраивает нам такую встречу? Мы отправляемся в греческий ресторан неподалеку. Лора в юбке. Она забронировала столик. Нас сажают в углу. Незажженная свеча в красном колпаке. Не знаю, почему она застревает в моей памяти. Хозяин, наклонившись над нами, зажигает свечу и, обращаясь ко мне, говорит, что мне открывается лучший вид в этой комнате. Он имеет в виду Лору.

Мы заказываем узо, потом еще по стаканчику. Чистый, безо льда, ее идея. У нее запой, ищет любовных приключений — это со мной-то? — или думает, что алкоголь развяжет старичку язык? И что я должен думать по поводу незаметной пары средних лет за соседним столиком, которая старательно не глядит в нашу сторону?

Лорин лиф без рукавов, с завязками на шее переливается в пламени свечи, а вырез сползает все

ниже. Мы заказываем обычные закуски: тарама, хумус, снеток. Она обожает мусаку, поэтому мы заказали две порции, и она приступает к допросу нового типа, с оттенком флирта. Пит, вы сказали Кролику правду? Что вы с Катрин просто хорошие друзья?

— Нет, правда, Пит, — интонации становятся прямо-таки интимными, — с вашим-то послужным списком, как вы можете жить рядом с такой привлекательной француженкой и не трахаться? Разве что вы скрытый гей, как считает Кролик. Он всех считает геями. Возможно, он сам гей и просто не готов в этом признаться.

Одна моя половина хочет послать ее подальше, тогда как другая желает понять, куда она клонит. Поэтому я ее не останавливаю.

— Нет, правда, Пит, это же странно! — Она гнет свое. — Только не говорите мне, что вы зачехлили свое ружье, как любил выражаться мой отец. Такой жеребец, как вы, не знает удержу!

Я спрашиваю, сам не знаю зачем, с чего она взяла, что Катрин такая привлекательная. На что она отвечает: слухами земля полнится. Мы пьем красное греческое вино цвета чернил и такое же по вкусу. Она подалась вперед, давая мне отличный обзор своего декольте.

— Пит, колитесь. Из всех женщин, которых вы драли на своем веку, кто видится первой в разрезе? — Неожиданная двусмысленность со словом «разрез» вызывает у нее нервный хохот.

— Может, вы сначала? — предлагаю я, и на этом шутки заканчиваются.

Я прошу принести счет, и то же самое делает пара за соседним столиком. Она говорит, что доберется подземкой. Я говорю, что пройдусь пешком. И по сей день я не знаю, вытащила ли она меня по заданию или просто от одиночества искала немного человеческого тепла.

* * *

Я, книгочей, читаю досье. На переплете из бычьей кожи написан номер от руки — чьей, не знаю, но не исключено, что моей. Общие пометы — «сверхсекретно» и «охранять» — означают, что файлы следует держать подальше от американцев. Это доклад (хотя здесь больше подошло бы слово «апология»), а написал его некто Ставрос де Йонг, рост под сто девяносто, нескладный стажер двадцати пяти лет. Стас, если коротко, выпускник Кембриджа, которому осталось полгода до получения диплома. Его привлекли к секретной операции берлинского

Центра, которой командует мой товарищ по оружию в целой череде проваленных операций, ветеран-полевик Алек Лимас.

По протоколу Лимас не только командир операции, но также по факту замглавы берлинского Центра. И отчет Стаса адресован ему в этом качестве, а им перенаправлен главе Секретной службы в Лондоне Джорджу Смайли.

Отчет С. де Йонга ЗГ/берлинского Центра [Лимасу], *копия КЛУ* [Комитету Лондонского управления]

Согласно инструкции представляю следующий отчет.

Выходной день 1 января выдался холодным, но солнечным, и мы с женой Пиппой, одев потеплее детей (Барни, 3 года, и Люси, 5 лет) и прихватив нашего джек-расселла по кличке Лофтус, повезли их в Кёпеник, район Восточного Берлина, чтобы устроить пикник на озере и погулять в соседнем лесу.

Наша семейная машина, синяя «вольво» с британскими военными номерами спереди и сзади, позволяет нам беспрепятственно перемещаться по разным

секторам Берлина, а в Кёпенике мы регулярно устраиваем пикники, так как дети любят это место.

Я, как обычно, припарковался возле круговой стены заброшенной пивоварни. Других автомобилей не наблюдалось, а у воды сидели рыбаки, не обращавшие на нас внимания. Мы взяли корзинку с едой и пошли через лес к облюбованному нами травянистому утесу возле озера. Потом все играли в прятки, а Лофтус громко лаял, к досаде одного из рыбаков, который прокричал нам, полуобернувшись, что наша собака им всю рыбу распугала.

Мужчина был худой, седоватый, за пятьдесят, и я бы его узнал, если бы снова увидел. На нем были черная фуражка и старое пальто офицера вермахта без знаков отличий.

Стрелки часов показывали 15.30, а в это время Барни уже должен отдыхать, поэтому мы собрали вещи, и дети побежали вперед к машине, а за ними с лаем пустился Лофтус.

Добежав до машины, они бросили кор-

зинку и в испуге помчались обратно с криками, что какой-то хулиган открыл водительскую дверцу и «навсегда украл папину камеру!» (Люси).

Водительская дверца действительно оказалась открытой, а ручка сломанной, но моя старая кодаковская камера, которую я забыл в бардачке, лежала на месте. Не были украдены ни мое пальто, ни продукты, ни другие товары из магазина «Наафи», который, как ни странно, работал 1 января.

Взломщик не только ничего не украл, он еще, как выяснилось, оставил рядом с моей камерой оловянную табакерку из Мемфиса. Внутри был никелевый картридж, в котором я сразу узнал капсулу для микропленки от камеры «Минокс».

Поскольку сегодня выходной день и так как я недавно прошел курс оперативной фотосъемки, я решил, что у меня пока нет достаточных оснований тревожить дежурного офицера Центра. Приехав домой, я сразу же проявил пленку в ванной комнате без окон, используя полученное от Службы оборудование.

В 21.00, изучив под лупой около ста кадров, я связался с замглавы Центра [Лимасом], и он приказал мне незамедлительно доставить материал в штаб и подготовить письменный отчет, что я сразу и сделал.

Я полностью признаю задним числом, что должен был сразу отвезти пленку в берлинский Центр для проявки в фотолаборатории и что я как стажер нарушил правила безопасности и мог нанести большой вред, проявляя пленку в домашних условиях. В надежде смягчить приговор хочу лишь повторить, что сегодня праздничный день и мне не хотелось беспокоить Центр ложной тревогой, к тому же я прошел в Сарратте курс оперативной фотосъемки и получил высшие отметки. Тем не менее я искренне сожалею о своем решении и хочу подчеркнуть, что это послужило для меня уроком.

С де Й

И ниже возмущенная приписка Алека, обращенная к главе Секретной службы Смайли:

Джордж, этот юный идиот скопировал материал для Лондонского управления раньше, чем мы смогли его остановить. Учи их после этого. Попробуй между делом внушить П. Аллелайну, Б. Хейдону, Т. Эстерхейзи, сучке Рою Бланду и всей компании, что это была ложная информация: мол, низкосортные сплетни, предпринимать ничего не нужно и т. д.

Алек

Но Алек был не из тех, кто сидит сложа руки, тем более когда на карту поставлена его карьера. Ему предстояло перезаключение контракта с Цирком, для полевого агента он был уже староват и питал радужные надежды на уютное кресло в Головном офисе, что объясняет некоторые сомнения Смайли в отношении действий Алека, высказанные им в следующем отчете:

Г/Секрет., Мэрилебон [Смайли], *Хозяину. Прочитать и уничтожить. Лично в руки. Объект: АЛ, Г/Секрет. Берлин*

Написано от руки безукоризненным почерком Джорджа:

Х., вы удивитесь, как удивился я, когда АЛ появился у меня в Челси вчера без предупреждения в десять вечера. Так как Энн проходит курс лечения, я был дома один. От него — не в первый раз — попахивало, но пьян он не был. Он настоял на том, чтобы я сразу отключил телефон в гостиной, и, несмотря на жуткий холод, предложил поговорить в оранжерее, поскольку «в стекле жучок не спрячешь». Потом он признался, что прилетел днем из Берлина гражданским самолетом, чтобы не засветиться в РАФ[12], — он уверен, что все рейсы отслеживает Лондонское управление. По этой же причине он больше не доверяет курьерам Цирка.

Для начала он пожелал узнать, сбил ли я Лондон со следа (его выражение) в отношении материалов по Кёпенику. Я ответил, что, по-моему, мне это удалось. Как известно, берлинский Центр завалили предложениями о никому не нужном волонтерстве.

Потом он достал из кармана сложен-

[12] Сноски: 12
RAF — ВВС Великобритании. *(Прим. перев.)*

ный листок бумаги и пояснил, что это его личное заключение по поводу материалов, содержащихся в кёпеникских кассетах. Ни тайного, ни явного сообщника у него нет.

У меня перед глазами возникают одновременно две картины: Джордж и Алек, приникшие друг к другу в холодной оранжерее на Байуотер-стрит; и Алек накануне, один-одинешенек, склонившийся над старой пишущей машинкой «Оливетти» и бутылкой скотча в прокуренном подвальном кабинете, расположенном в бывшем Доме германского спорта в Западном Берлине. Результат его трудов лежит передо мной: грязная машинописная страница в прозрачном файлике с пометкой «сбор разведывательных данных», и выглядит это так:

1. Протокольное совещание КГБ с разведслужбами Восточного блока, Прага, 21 дек. 1957 г.
2. Имена и звания офицеров КГБ, базирующихся в странах Восточного блока и связанных с директоратом Штази, данные на 5 июля 1956 г.
3. Действующие главные агенты Штази

в Субсахарской Африке.

4. Имена, звания и клички всех офицеров Штази, проходящих обучение в КГБ СССР.

5. Местоположение шести новых секретных советских органов связи в ГДР и Польше, данные на 5 июля 1956 г.

Следующая страница возвращает меня к протокольному отчету Смайли на имя Хозяина, написанному убористым почерком без единой помарки:

Далее история Алека выглядит так. После сенсационного признания де Йонга (если принять это за чистую монету) Алек каждую неделю сопровождал синюю «вольво» с семьей де Йонга и собакой. Он клал в свой бардачок пятьсот долларов и детскую книжку-раскраску с номером своего телефона в берлинском Центре, бросал на заднее сиденье рыболовные снасти (я впервые узнаю, что Алек увлекается рыбалкой, и склонен в этом усомниться), приезжал в Кёпеник и парковался в том же месте и в то же время, что и де Йонг. После чего, сопровождаемый

собакой, выходил на берег, закидывал удочку и ждал. На третий раз ему повезло: пятьсот долларов и книжку-раскраску с телефонным номером забрали, а вместо них появились две кассеты.

Через пару дней ему позвонил вечером по прямой линии мужчина, который не назвал своего имени, но сказал, что рыбачит в Кёпенике. Алек назначил ему встречу на завтра в 19.20, на Курфюрстендамм, у такого-то дома, а в левой руке он должен держать «Шпигель» за прошлую неделю.

В результате *треффф* [секретная встреча, этот термин позаимствован из сленга немецких шпионов] состоялся в микроавтобусе «фольксваген», за рулем которого сидел де Йонг, и продолжался восемнадцать минут. Поначалу Мэйфлауэр, как Алек не совсем удачно окрестил информатора, отказался назвать свою настоящую фамилию и утверждал, что кассеты ему передал «друг из Штази», чье имя он не вправе разглашать. Я всего лишь добровольный посредник, твердил он, и делаю это из идеологических,

а не из корыстных соображений.

Но Алека это не устроило. Информация без ссылок на источники, да еще через анонимного посредника — этого добра на рынке завались. На таких условиях сделка не состоится. В конце концов — после настоятельных требований Алека, как он заверяет, — Мэйфлауэр достал из кармана визитную карточку, где было указано «Карл Римек, доктор медицины» и адрес госпиталя Шарите в Восточном Берлине, а на оборотной стороне вписан от руки адрес в Кёпенике.

Алек убежден, что доктору Римеку важно было понять, какова цена его источника, прежде чем самому открыться, и через десять минут он отбросил всякие опасения. Но не будем забывать о том, что Алек ирландец.

Отсюда напрашивающиеся вопросы

Даже если доктор Римек тот, за кого он себя выдает, кто его волшебный источник информации?

Не очередная ли это затейливая ловушка Штази?

Или — как мне ни больно такое пред-

положить — мы имеем дело с домашней кашей, которую заварил сам Алек?

Выводы

Алек просит — я бы сказал, с некоторым напором — разрешения продолжать разработку Мэйфлауэра, *не подвергая* его обычным проверкам и экскурсам в прошлое, что, по нашим правилам, невозможно без подключения и содействия Лондонского управления. Суть его опасений известна нам обоим, и, рискну предположить, мы с вами в какой-то степени их разделяем.

Алек же не скрывает своих подозрений. Вчера после третьего скотча он назвал сотрудницу Цирка Конни Сакс двойным агентом московского Центра, а Тоби Эстерхейзи — ее подручным. Его теория, основанная всего лишь на интуиции, подогреваемой выпитым виски, заключается в том, что эту парочку поймали в разгар сексуальной *folié à deux*[13], чем русские их и шантажировали. В два часа ночи мне наконец удалось уложить

[13] Сноски: 13
Зд.: любовное безумство *(фр.)*.

его в постель, а в шесть утра я застал его на кухне, где он готовил себе бекон с яйцом.

Вопрос: что делать дальше? Взвесив «за» и «против», я склоняюсь к тому, чтобы дать ему еще один шанс с Мэйфлауэром (а значит, и с таинственным источником в Штази) на его условиях. Как мы оба знаем, его дни в поле сочтены, хотя он очень рассчитывает на пролонгацию. Но мы также знаем, что самое трудное в нашей работе — это доверие. Полагаясь исключительно на свой инстинкт, Алек свято верит в чистоту Мэйфлауэра. Это может быть как вдохновенным наитием опытного ветерана, так и последней зацепкой стареющего офицера-полевика, стоящего перед естественным концом карьеры.

Со всем уважением рекомендую позволить ему продвинуться в понимании сути дела.

ДжС

Но Хозяина не так-то просто убедить, о чем свидетельствует нижеследующий обмен посланиями.

Хозяин — ДжС: Очень похоже на то, что Лимас гребет под себя. Какие есть еще резоны? Почему мы не можем проверить данные в тех местах, которые Лимас считает чистыми?

ДжС — Хозяину: Я под вымышленным предлогом проконсультировался по отдельности с Форин-офисом и с Министерством обороны. И те и другие оценили материал положительно и не считают его сфабрикованным. Конечно, вариант, что это маленькая прелюдия к большому обману, тоже не исключен.

Хозяин — ДжС: Странно, что Лимас не проконсультировался с главой берлинского Центра. Закулисные маневры не идут на пользу Службе.

ДжС — Хозяину: К сожалению, Алек придерживается мнения, что его начальник — за Лондонское управление и против Секретки.

Хозяин — ДжС: Я не могу лишить себя целой когорты первоклассных сотрудников на основании недоказанного предположения, что один из них гнилое яблоко.

ДжС — Хозяину: Боюсь, что Алек смот-

рит на Лондонское управление как на прогнивший сад.

Хозяин — ДжС: Тогда я бы его самого подрезал секатором.

Следующее послание Алека совершенно не похоже на предыдущее: текст аккуратно отпечатан, а прозаический стиль явно превосходит его способности. В роли личного секретаря Алека я сразу представляю Стаса де Йонга, выпускника-отличника в области современных языков. Так что теперь я мысленно вижу парня под сто девяносто, склонившегося над пишущей машинкой в прокуренном подвале берлинского Центра, а Алек вышагивает рядом, дымя своей мерзкой русской сигаретой и надиктовывая хлесткие ирландские ругательства, которые де Йонг благоразумно опускает.

Отчет о встрече, 2 *февраля* 1959 *г. Место: берлинский конспиративный дом К*2*. Присутствовали: ЗГ/берлинского Центра Алек Лимас* (Пол) *и Карл Римек* (Мэйфлауэр)

Источник Мэйфлауэр*. Второй трефф. Сверхсекретно, лично, АЛ для Г/Секрет., Мэрилебон*

Источник Мэйфлауэр, известный элите ГДР как «доктор из Кёпеника», по схожему названию пьесы Карла Цукмайера[14], является лечащим врачом для избранного круга высокопоставленных членов СЕПГ [Социалистическая единая (т. е. коммунистическая) партия Германии], руководителей Штази и их семей, причем некоторые из них живут на виллах и в апартаментах на берегу Кёпеникского озера. Его левые убеждения не вызывают сомнений. Его отец Манфред, коммунист с начала тридцатых годов, вместе с Тельманом участвовал в Гражданской войне в Испании, а позже вступил в подпольную антигитлеровскую сеть «Красная капелла». Во время войны 1939–1945 гг. Мэйфлауэр передавал подпольные материалы для отца, которого гестапо повесило в концлагере Бухенвальд в 1944 году. Таким образом, Манфред не дождался революции в Восточной Германии, зато его сын Карл в память об отце стал ее пламенным адептом. Блестяще окончив

[14] Сноски: 14

Имеется в виду пьеса Карла Цукмайера «Капитан из Кёпеника» *(Der Hauptmann von Köpenick). (Прим. ред.)*

школу, изучал медицину в Йене и Праге. Получил диплом с отличием. Не удовлетворенный выматывающей работой в восточноберлинской больнице, открыл прием на дому в Кёпенике, где живет с престарелой матерью Хельгой. Такая неформальная хирургическая практика для избранных пациентов.

Как надежный представитель гэдээровской элиты Мэйфлауэр также получает медицинские поручения деликатного характера. Допустим, высокопоставленный чиновник СЕПГ во время дальней командировки заразился венерическим заболеванием и хочет сохранить это в тайне от начальства. Мэйфлауэр оформляет по его запросу ложный диагноз. Или узник Штази во время допроса умер от сердечного приступа, но медицинское заключение говорит о другом. Или важный для Штази заключенный должен подвергнуться пыткам. От Мэйфлауэра требуется проверить его психологическое и физическое состояние и дать оценку выносливости.

С учетом всех этих обязанностей Мэй-

флауэру был придан статус *Geheime Mitarbeiter* (тайный сотрудник), или сокращенно ГМ, что обязывает его ежемесячно отчитываться перед своим непосредственным куратором в Штази, Урсом Альбрехтом, «функционером без особого воображения». Мэйфлауэр утверждает, что его отчеты «избирательны, преимущественно надуманны и не имеют никаких последствий». В свою очередь Альбрехт говорит ему, что он «хороший врач, но бездарный шпион».

В виде исключения Мэйфлауэр получил пропуск в Городок, также известный как Кружок Маяковского, в Восточном Берлине, где живет элита ГДР, охраняемая от простых людей спецподразделением — бригадой Дзержинского. Хотя Городок может похвастаться собственным медицинским центром — не говоря уже о привилегированном магазине, детском садике и т. п., — Мэйфлауэр допущен в это райское место и может там обслуживать своих высокопоставленных «частных» пациентов. За кордоном, как следует из его сообщений, правила без-

опасности куда менее строги, сплетни и интриги процветают, языки развязываются.

Мотивация

По утверждению самого Мэйфлауэра, им движет разочарование режимом и предательство коммунистических идеалов его отца.

Предложение о сотрудничестве

Мэйфлауэр утверждает, что ТЮЛЬПАН, передаточный источник информации и сотрудница Штази, а по совместительству его пациентка, не только послужила катализатором его решения работать на нас, но и передала ему капсульные кассеты, которые он поместил в бардачке «вольво» де Йонга. Он описывает Тюльпан как неврастеничку, но при этом прекрасно себя контролирующую, с повышенной уязвимостью. Утверждает, что она его пациентка, и не более того. Подчеркивает, что ни он, ни Тюльпан не нуждаются в финансовом вознаграждении.

Переезд на Запад в случае разоблаче-

ния пока не обсуждался. См. ниже.

Но ниже мы ничего не видим. Уже на следующий день Смайли сам полетел в Берлин, чтобы лично посмотреть на этого Римека, и взял меня с собой. Но не Мэйфлауэр был главной причиной нашего путешествия. Куда больший интерес для него представляли личные характеристики, доступ к секретным материалам Штази и мотивация прекрасно контролирующей себя неврастенички и передаточного источника информации под кодовой кличкой Тюльпан.

* * *

Глубокая ночь в бессонном Западном Берлине, на который обрушился дождь со снегом. Алек Лимас и Джордж Смайли уединились с новым агентом Карлом Римеком, он же Мэйфлауэр, за бутылочкой «Талискера», любимого напитка Алека, а Римек распробовал его впервые. Я сижу справа от Смайли. Берлинский конспиративный дом К2 на Фазаненштрассе, 28, — величественное здание, чудом пережившее бомбардировку союзников. Оно построено в стиле бидермейер: парадный вход с колоннами, эркер и удобный черный ход на Уландштрассе. Тот, кто его выбрал,

не только испытывал ностальгию по имперскому величию, но и смотрел на вещи как оперативник.

Есть лица, которые при всем желании не способны сокрыть доброе сердце, и такое лицо у Римека. Лысеющий, в очках… и добродушный. Отрицать это бессмысленно. Даже когда он хмурился с озабоченным видом профессионального медика, от него веяло человечностью.

Я вспоминаю сегодня эту первую встречу, и приходится себе напоминать, что в 1959 году не было ничего особенного в том, что врач из Восточного Берлина приезжал в Западный Берлин. Так делали многие, и часть из них обратно не возвращалась, почему и была построена Стена.

Серийный номер досье напечатан, но не подписан. Это не официальный отчет, из чего я делаю вывод, что его автор Джордж Смайли, а поскольку не указан адресат, видимо, он это писал просто для проформы — иначе говоря, самому себе.

> В ответ на просьбу уточнить, каким образом он на стадии «куколки» (по его собственному выражению) вошел в оппозицию режиму, Мэйфлауэр указывает на момент, когда офицеры Штази, веду-

щие допросы, приказали ему подготовить женщину к «следственным действиям». Это была гражданка ГДР пятидесяти с лишним лет, якобы работающая на ЦРУ. Она страдала острой формой клаустрофобии. Содержание в одиночке уже довело ее почти до безумия. «Я до сих пор слышу ее крики, когда они посадили ее в камеру», — вспоминает Мэйфлауэр.

После этого опыта Мэйфлауэр, не склонный, как он утверждает, к поспешным решениям, «пересмотрел ситуацию под разными углами». Он слышал ложь партийных бонз из первых уст, наблюдал их коррумпированность, их лицемерие, их злоупотребления властью. Он «диагностировал симптомы тоталитарного государства, выдающего себя за нечто противоположное». Далекая от демократии, о которой мечтал его отец, Восточная Германия превратилась «в советского вассала и полицейское государство». После такого вывода, говорит он, для него, сына Манфреда, оставался только один путь: сопротивление.

Его первой мыслью было создать под-

польную ячейку. Выбрав из своих элитарных пациентов тех, кто время от времени выражал недовольство действующим режимом, он попробует их переманить. Но что он предложит им делать? И как долго? Манфреда предали его же товарищи. Он не хотел, по крайней мере в этом, идти по стопам отца. Так кому же он доверял, полностью и безоговорочно? Ответ: никому, даже собственной матери Хельге, истовой коммунистке.

Что ж, рассуждал он, буду тем, кто я есть: «террористическая группа, состоящая из одного человека». Он решил брать пример не с отца, а со своего героя детства — Георга Эльзера, который в тридцать девятом, не имея ни сообщников, ни доверенных лиц, изготовил, подложил и взорвал бомбу в подвале мюнхенской пивной, где всего за несколько минут до этого фюрер обратился с речью к своей пастве. «Его спасло только дьявольское везение», — слова Мэйфлауэра.

Но ГДР, продолжал он рассуждать, не тот режим, который можно уничтожить одной бомбой, как и режим Гитлера

когда-то. Мэйфлауэр прежде всего врач. Прогнившую систему надо лечить изнутри. Как — со временем выяснится. А пока он ни с кем не делится, никому не доверяет. Он сам по себе, самодостаточен, несет ответственность только перед собой. Он «тайная армия из одного солдата».

По его словам, «куколка» превратилась в бабочку, когда 18 октября 1958 года, в 22.00, к Мэйфлауэру в Кёпеник, восточный пригород Берлина, приехала на велосипеде в смятении молодая женщина и в хирургическом кабинете попросила, чтобы он ей сделал аборт.

На этом отчет Смайли обрывается, и дальше с нами напрямую говорит доктор Римек. Видимо, Джордж решил, что *этот* отчет, при всей его многословности, слишком важен, чтобы его сокращать.

Товарищ [удалено] — высокоинтеллектуальная женщина весьма привлекательной наружности, резкая во внешних проявлениях в духе партийных установок, исключительно находчивая, а вот в приватной атмосфере медицинской

консультации по-детски безоружная. Вообще я не склонен к импровизированной диагностике психического состояния пациента, но в данном случае я бы осторожно предположил некую разновидность шизофрении, старательно контролируемой. То, что она при этом человек мужественный и высокопринципиальный, не следует воспринимать как парадокс.

Я извещаю товарища [удалено], что она не беременна и, следовательно, ей не нужен аборт. Она находит это удивительным с учетом того, что во время менструального цикла спала с двумя одинаково отталкивающими мужчинами. Она спрашивает, есть ли у меня что-нибудь выпить. Сама она непьющая, но оба ее партнера хорошо поддают, и они ее заразили. Я предлагаю ей бокал французского коньяка, доставшегося мне от конголезского министра сельского хозяйства в благодарность за медицинскую помощь. Выпив его одним залпом, она начинает меня допрашивать:

— Друзья сказали мне, что вы человек

достойный и осмотрительный. Это правда?

— Какие друзья? — спрашиваю я ее.

— Тайные.

— Почему ваши друзья должны быть тайными?

— Потому что они из органов.

— Каких органов?

Мои вопросы вызывают у нее раздражение. Она срывается:

— *Штази*, товарищ доктор. Каких еще!

Я ее предупреждаю: хоть я и врач, но у меня есть обязательства перед государством. Она предпочитает пропустить это мимо ушей. У нее есть право выбора, говорит она. В демократическом обществе, где все равны, она вправе выбирать между садистом-мужем, который избивает ее и отказывается признаться в своих гомосексуальных наклонностях, и боссом, этой жирной пятидесятилетней свиньей, считающим себя вправе трахать ее на заднем сиденье своей служебной «волги», когда ему заблагорассудится.

Дважды в разговоре она обронила имя доктора Эммануэля Раппа, которого

называет не иначе как Нахрапп. Я спрашиваю ее, имеет ли этот Рапп какое-то отношение к Бригитте Рапп, которая вечно консультируется со мной по поводу целого букета выдуманных болезней. Да, подтверждает она, Бригитта — жена Нахраппа. Сошлись концы с концами. Фрау Бригитта Рапп уже поведала мне, что она замужем за высокопоставленным чиновником Штази, который творит что ему заблагорассудится. Передо мной, стало быть, сидит негодующая личная секретарша доктора Эммануэля Раппа — и, если верить ей, его тайная любовница. Она уже думает подсыпать ему в кофе мышьяк. А еще она держит дома под кроватью нож на случай очередного нападения со стороны мужа-гомосексуалиста. Я ее предупреждаю, что это опасные фантазии, от которых лучше избавиться.

Я интересуюсь, позволяет ли она себе подобные подрывные речи в присутствии мужа или на работе. Она смеется и заверяет меня, что нет. Я трехликая, говорит она. В этом смысле ей повезло, потому что большинство жителей ГДР

пяти- и шестиликие. «На работе я преданный и исполнительный товарищ, по уставу одетая, с уложенной прической, особенно на партсобраниях, — и еще сексуальная рабыня высокопоставленной свиньи. Дома я объект ненависти садиста-гомосека, почти на двадцать лет старше меня, мечтающего лишь о том, чтобы попасть в элитарный Кружок Маяковского и спать с молодыми красавцами. А третье ее лицо я вижу перед собой: женщина, которая презирает в ГДР все, за исключением своего сына, и которая находит тайное утешение у Бога Отца и пресвятых угодников. Я спрашиваю ее, кому еще, кроме меня, она открывала свое третье лицо. Ответ: никому. Слышит ли она какие-то голоса? Если и слышит, то голос Господа. Я спрашиваю, действительно ли она подумывает что-то с собой сделать, о чем сама сказала мне ранее. Была у нее мысль броситься вниз с моста, но ее остановила любовь к сыну Густаву.

На мой вопрос, было ли у нее искушение совершить какое-нибудь демон-

стративное действие или акт возмездия, она признается, что не так давно доктор Эммануэль Рапп оставил на стуле свой свитер, так она взяла ножницы, порезала его на куски и бросила в специальный мешок для сжигания секретных бумаг. Когда на следующее утро Рапп пожаловался, что вчера забыл в кабинете свитер, она помогла ему в поисках, а когда он решил, что кто-то его украл, она назвала несколько потенциальных злоумышленников.

Я спрашиваю, не утихла ли в последнее время ее ненависть к товарищу Раппу. Нет, отвечает, только усилилась, и если она что-то ненавидит еще больше, так это систему, которая возносит свиней вроде него на вершины власти. Ее потаенная ненависть вызывает тревогу, и мне кажется почти чудом, что ей удается скрывать это от бдительных товарищей.

Я спрашиваю, где она живет. До недавнего времени это была вполне советская квартира на Сталиналлее, без повышенных мер безопасности, и до штаб-квартиры Штази на Магдаленештрассе она

добиралась десять минут на велосипеде. Но потом — то ли в результате гомосексуальных связей, то ли благодаря деньгам, этого она не знает, так как муж держит в секрете, какое наследство досталось ему от отца, — они перебрались в охраняемую зону берлинского Хоэншёнхаузена[15], отведенную для правительственных чиновников и высокопоставленных гражданских лиц. Там есть озера и лес, которые она обожает, детская площадка для Густава и даже маленький закрытый сад с барбекю. В других обстоятельствах это была бы идиллия, но совместное проживание с ненавистным мужем все выворачивает наизнанку. Страстная велосипедистка, она по-прежнему добирается до работы старым способом, полчаса от двери до двери.

Уже час ночи. Я спрашиваю, что она скажет мужу, когда вернется. Ничего не скажу, говорит она и произносит сле-

[15] Сноски: 15

После Второй мировой войны в этом здании была центральная следственная тюрьма в советской зоне оккупации. В 1989 году ее закрыли, а еще через пять лет там был открыт мемориал памяти жертв коммунистического режима. *(Прим. перев.)*

дующее:

— Когда мой дражайший Лотар не насилует меня и не напивается, он сидит на краешке кровати, положив на колени документы Министерства иностранных дел ГДР, и что-то строчит, подвывая и ненавидя весь мир, а не только жену.

Я спрашиваю ее, являются ли эти бумаги секретными. Повышенной секретности, следует ответ, и он приносит их домой незаконно, потому что не только сексуальный извращенец, но еще и до одержимости амбициозен. Она спрашивает, не соглашусь ли я во время ее следующего визита заняться с ней любовью. Просто она еще не спала с мужчиной, который бы не был свиньей или насильником. Возможно, она шутит, но я до конца не уверен. В любом случае я отказываюсь, объясняя это тем, что принципиально не сплю со своими пациентками. Может быть, она поняла мои слова так, что, не будь она моей пациенткой, я бы занялся с ней любовью, и это отчасти ее утешило. Усаживаясь на велосипед, она мне напоминает, что теперь

ее жизнь в моих руках. А я ей напоминаю, что я врач и не злоупотреблю ее доверием. Когда она может планировать очередной визит? Я предлагаю следующий четверг, шесть вечера.

К горлу подступает волна отвращения, и я невольно встаю.

— Где туалет, еще не забыли? — спрашивает меня Нельсон, не отрываясь от книги.

Я запираюсь в туалете и не выхожу до последнего. Когда я снова занимаю свое место за столом, Дорис Гамп, она же Тюльпан, уже сидит у врача, пунктуально приехав на второе свидание в Кёпеник на своем велосипеде и привезя в корзинке маленького Густава.

И снова Римек:

Мать и сын веселые и расслабленные. Погода прекрасная. Лотар неожиданно уехал на конференцию в Варшаву и будет два дня отсутствовать, поэтому настроение у них отличное. Завтра они с Густавом поедут на велосипеде к ее сестре Лотте, «второму человеку на свете, которого я люблю», радостно сообщает мне она. Доверив мальчика своей мате-

ри, которая искренне сожалеет, что это не мой ребенок, я веду товарища [удалено] в хирургический кабинет на чердаке и громко запускаю Баха на граммофоне. Церемонно и, я бы даже сказал, робко она вручает мне коробку с шоколадными конфетами, подаренную ей Эммануэлем Раппом, и призывает меня не съедать все сразу. Открыв коробку, я вижу вместо бельгийских шоколадок две кассеты с микрофильмами. Я сажусь на табурет рядом с ней, так что она говорит мне почти на ухо. Я спрашиваю, что содержат эти микрофильмы. Ответ: секретные документы Штази. Как она их заполучила? Ответ: перефотографировала сегодня с помощью камеры «Минокс» Эммануэля Раппа сразу после особенно унизительного полового акта. Едва он закончился, как Нахрапп умчался на совещание в Доме № 2, так как уже опаздывал. Ей хотелось отомстить, и она ничего не боялась. Документы были раскиданы на его рабочем столе. А камеру он днем держит в ящике стола.

— Офицеры Штази обязаны соблюдать

правила безопасности двадцать четыре часа в сутки, — говорит она тоном аппаратчика. — Но Нахрапп настолько самонадеян, что считает себя выше всяких правил.

— А как же кассеты? — спрашиваю я. Как она объяснит их пропажу?

Ответ: Нахрапп ведет себя как ребенок, чьи прихоти должны немедленно удовлетворяться. Даже высшим офицерам запрещено держать в личном сейфе специальное оборудование (камеры, записывающие устройства), но Рапп нарушает это правило, как и все прочие. Более того, в спешке покинув комнату, он оставил сейф открытым, что является еще одним грубейшим нарушением безопасности, и ей не пришлось иметь дело с восковым замком.

Я спрашиваю: что это такое? Она объясняет: все сейфы Штази оборудованы сложным цифровым замком, а сверху еще шлепается восковая блямба. Закрыв сейф, законный владелец оставляет оттиск в мягком воске с помощью секретного ключа и присоединенной к нему

печати [*Petschaft*], которые он обязан всегда носить при себе. Каждый *Petschaft* изготовлен индивидуально, ему присвоен номер, он уникален. А что касается кассет, то картонные коробки забиты ими, по дюжине в каждой. Он даже не ведет им счет, а камерой пользуется как игрушкой, в неофициальных и вполне развратных целях. Например, он неоднократно уговаривал ее позировать ему голой, но она всякий раз отказывалась. Еще он держит в сейфе бутылки водки и сливовицы — как все большие шишки, он хорошо поддает, а напившись, бормочет что-то бессвязное. Я спрашиваю, как ей удалось унести из штаб-квартиры Штази эти микрофильмы, и она, хихикнув, отвечает, что я, доктор, мог бы и сам догадаться.

Она утверждает, что, при всех заморочках по поводу внутренней безопасности, сотрудников с безупречными пропусками не обыскивают. К примеру, пропуск товарища [удалено] позволяет ей свободно перемещаться между Домом № 1 и Домом № 2 комплекса Штази. Я спрашиваю

ее, как мне следует поступить с переданными мне кассетами, и получаю ответ: передать британской разведке. Почему не американской, спрашиваю я, чем вызываю у нее шок. Я коммунистка, говорит она. Империалистическая Америка — мой враг. Мы спускаемся вниз. Густав играет в домино с моей матушкой. Она встречает нас словами, какой это прелестный ребенок, как прекрасно он играет в домино и как бы ей хотелось его украсть.

Тут подает голос технический сотрудник Секретной службы, всегда ищущий предлога поучаствовать в празднике:

Берлинский секреттех Г/берлинского Центра [Лимасу]
Объект: ваш главный агент Мэйфлауэр

1. Согласно вашему сообщению, в его хирургическом кабинете на чердаке есть старый радиоприемник. Вставить в него записывающее устройство?
2. Согласно вашему сообщению, у него есть однообъективный зеркальный

фотоаппарат «Экзакта», получивший одобрение Штази на использование в рекреационных целях. У него также есть ультрафиолетовая лампа для терапевтических процедур и сохранившийся со студенческих времен микроскоп. Так как он уже располагает базовыми компонентами, следует ли его обучить изготовлению микрофильмов?

3. Густой лес в Кёпенике — идеальное место для маскировки радиотелеграфного и другого оперативного оборудования. Нужны засады для наблюдения и передачи информации?

4. Восковые замки. Может ли Тюльпан в процессе ее любовных игр с Эммануэлем Раппом сделать слепок с его персонального ключа и печатки [*Petschaft*]? На складе полно разных УМ [устройств для маскировки], в которых можно спрятать пластилин и ему подобные вещества.

Возвращается волна тошноты. *В процессе ее любовных игр?* Это были любовные игры Нахраппа, черт бы вас побрал! Тюльпан подчинялась,

потому что знала: скажи она «нет», и ее тут же вышвырнут за якобы дисциплинарные нарушения, и Густав никогда не попадет в элитарную школу, о которой она мечтала. Да, она была женщина страстная и легко возбуждаемая. Но это еще не означает, что она испытывала удовольствие от близости с Нахраппом или собственным мужем!

Но Алека Лимаса в Берлине это интересовало меньше всего:

Г/берлинского Центра [Лимас] — *Г/Секрет., Мэрилебон* [Смайли]
Копия письма в досье

Дорогой Джордж,
отличные новости!
Счастлив доложить, что оттиски с печатки и ключа Эммануэля Раппа, тайно снятые передаточным источником Тюльпан, дали четкие факсимиле с различимыми буквами и цифрами. Ковбои из Технички посоветовали ей для пущей безопасности слегка повернуть печатку, вытаскивая из воска. В общем, двойной успех!
Твой преданный,

Алек

P. S. Прилагается: ПД Тюльпан, согласно правилам ГО [Головного офиса], ГЛАВЕ СЕКРЕТКИ ЛИЧНО!!!

АЛ

ПД — персональные данные. В этой аббревиатуре всё: человеческая жизнь, которой мельком заинтересовалась Служба, и наложение епитимьи, и боль.

Полное имя субагента: Дорис Карлотта Гамп.

Дата и место рождения: Лейпциг, 21.10.1929.

Образование: окончила Йенский и Дрезденский университеты по специальности «Политические и социальные науки».

Одна сестра: Лотта, преподает в начальной школе, живет в Потсдаме, не замужем.

Резюме и другие личные подробности: 23 года, в главный штаб Штази в Восточном Берлине принята на должность младшего делопроизводителя. Допуск

ограничен категорией «конфиденциально» и ниже. После шести месяцев испытательного срока подняли до категории «секретно». Приписана к секции Йот-3, отвечает за обработку и оценку отчетов из зарубежных центров.

Через год после вступления в должность завязала отношения с 41-летним Лотаром Квинцем, считавшимся восходящей звездой дипломатической службы ГДР. Все закончилось беременностью и гражданским браком.

Через шесть месяцев после заключения брака Квинц, в девичестве Гамп, родила сына, которого назвала Густавом в честь отца. Втайне от супруга его крестил 87-летний бывший православный священник и старец, этакий Распутин, приписанный к казармам Красной армии в Карлсхорсте. Как произошел этот переход в православие, неизвестно. Чтобы скрыть это от мужа, Гамп сказала ему, что едет к сестре в Потсдам, а сама поехала к Распутину на велосипеде, посадив Густава в корзинку.

10 июня 1957-го, в конце пятого года

службы, получила новое повышение и стала личным секретарем Эммануэля Раппа, координатора зарубежных операций, прошедшего обучение в КГБ.

Для сохранения высокого покровительства оказывает Раппу сексуальные услуги. Муж на ее жалобы отвечает, что пожелания товарища такого ранга нельзя игнорировать. Такую точку зрения, считает она, разделяют ее коллеги по Штази. По словам Тюльпан, они знают о романе и отдают себе отчет в том, что это является грубейшим нарушением дисциплины. Однако они не докладывают об этом начальству, опасаясь ответных действий Раппа, обладающего большой властью.

Оперативный опыт

В Штази прошла курс идеологической обработки, обязательный для всего младшего состава. В отличие от большинства коллег, хорошо говорит и пишет по-русски. Прошла дополнительный тренинг по конспиративным приемам, секретным встречам, рекрутированию и обману. Также прошла инструктаж по тайнописи (копировальная бумага и жид-

кости), скрытому фотографированию (микрофильмы), тайному наблюдению и защите от него, основам задержания. Оценки от хороших до отличных.

В качестве секретаря и «золотой девочки» (определение Раппа) регулярно сопровождает его в Прагу, Будапешт и Гданьск на организованные КГБ конференции разведслужб Восточного блока. Дважды работала там официальной стенографисткой. При всей своей антипатии к Раппу мечтает поехать с ним в Москву и увидеть ночью Красную площадь.

Заключительные комментарии куратора

Г/Берлин. Секрет. — Г/Секрет., Мэрилебон [явно при содействии Стаса де Йонга]

Связь передаточного источника Тюльпан со Службой осуществляется исключительно через Мэйфлауэра. Он ее лечащий врач, связник, доверенное лицо, исповедник и лучший друг — в такой последовательности. То есть мы имеем преданную девушку в полном подчинении нашего главного агента, и, по мне, пусть так и остается. Как вам известно,

недавно мы обеспечили ее собственной камерой «Минокс», вмонтированной в ремешок наплечной сумочки, и кассетами с микропленкой, в поддоне баночки с тальком. А еще она теперь гордая обладательница дубликатов ключа и печатки к сейфу Раппа.

Поэтому сообщения Мэйфлауэра, что у Тюльпан не наблюдается никаких признаков напряжения, весьма радуют. Наоборот, пишет он, она никогда еще не была в таком приподнятом состоянии духа, ей нравится ощущение опасности, и он озабочен только тем, как бы излишняя самоуверенность не подтолкнула ее к ненужным рискам. Пока они имеют возможность встречаться в Берлине естественным образом, под прикрытием медицинских консультаций, беспокоиться, считает он, не о чем.

Совсем другие оперативные проблемы возникают, когда она сопровождает Раппа на конференции за пределами ГДР. Поскольку «слепые» почтовые ящики для нештатных ситуаций не годятся, не рассмотрит ли Секретка возможность

прикомандированного тайного курьера, который бы реагировал на сиюминутные запросы Тюльпан в городах Восточного блока?

Я переворачиваю страницу. Рука не дрожит. Она никогда не дрожит в состоянии стресса. Пошел обычный оперативный диалог между главой Секретки и Берлином.

Джордж Смайли Алеку Лимасу в Берлине, лично, записка от руки, копия в досье

Алек, в преддверии визита Эммануэля Раппа в Будапешт будь добр безотлагательно ознакомить наш передаточный источник Тюльпан с фотографией Питера Гиллема, который будет ее тайным курьером.

Будь здоров, Дж.

Джордж Смайли Питеру Гиллему, записка от руки, копия в досье

Питер, вот твоя дама в Будапеште. Хорошенько ее изучи!

Приятного путешествия, Дж.

— Вы что-то сказали? — резко спрашивает меня Нельсон, отрываясь от книги.

— Нет. А что?

— Наверно, с улицы.

* * *

Когда изучаешь внешность незнакомой женщины с оперативными целями, плотоядные мысли отходят на задний план. Ты не ищешь в ней женской прелести. Ты думаешь о том, короткая или длинная будет у нее стрижка, крашеные ли волосы, уберет ли она их под шляпку или распустит и каковы характерные черты лица: широкие брови, высокие скулы, маленькие глаза или большие, круглые, водянистые? После лица тебя интересует ее тело, его формы и размеры, ты пытаешься себе представить, как она будет выглядеть в чем-то более индивидуализированном, чем партийный брючный костюм и топорные ботинки на шнуровке. Сексуальная привлекательность для тебя вторична, разве что надо оценить, как на нее посмотрит какой-нибудь впечатлительный наблюдатель. Моей главной заботой на этой стадии было то, как обладательница этого лица и тела себя поведет под пристальным надзором при встрече с тай-

ным курьером в жаркий летний день на улицах Будапешта.

Короткий ответ: безупречно. Умелая, ловкая, безликая, целеустремленная. Как и я, ее тайный курьер. В солнечный день два незнакомых человека почти сталкиваются на оживленной улице, я делаю шаг влево, она вправо, следует секундное замешательство. Я извиняюсь, она, проигнорировав мои слова, идет дальше. И я делаюсь богаче на две кассеты с микрофильмами.

Второе столкновение, месяцем позже, происходит в старом квартале Варшавы, и хотя на этот раз обстановка более напряженная, все проходит гладко, о чем свидетельствует мой письменный отчет Джорджу, копия Алеку:

> *ПГ — Г/Секрет., Мэрилебон, копия АЛ, Берлин*
>
> *Объект: передаточный источник Тюльпан, слепой трефф*
>
> Как и прежде, мы заранее узнали друг друга. Мимолетный телесный контакт был быстрым и незаметным. Уверен, что даже близкая наружка не обнаружила бы момент передачи.
>
> Было очевидно, что Мэйфлауэр отлично

проинструктировал Тюльпан. Последующая передача материалов Г/Центра в Варшаве особых трудностей не представляла.

ПГ

И письменная реакция Смайли:

Ловко сработано, Питер! Браво! ДжС

Однако, возможно, не так уж ловко, как подумал Смайли, и не совсем без последствий, хотя я смело утверждал обратное в своем коротком отчете.

* * *

Я французский турист из Бретани, путешествующий в составе швейцарской группы. В паспорте указано, что я директор компании, но для моих спутников я скромный развозчик сельскохозяйственных удобрений. Мы вместе наслаждаемся видами великолепно отреставрированного Старого города в Варшаве. Навстречу нам бодро идет стройная молодая женщина в мешковатых джинсах и жилете из шотландки. Ее рыжие волосы, в прошлый раз спрятанные под беретом,

сейчас распущены и с каждым шагом взлетают под ярким солнцем. Шея повязана зеленым платочком. Нет платочка — нет передачки. На мне пилотка с красной звездой, купленная в уличном киоске. Снял пилотку — передачка отменяется. Старый город забит туристами. Наша группа не самая дисциплинированная с точки зрения польского экскурсовода: трое или четверо о чем-то болтают между собой, не слушая ее лекцию о чудесном возрождении города после нацистских бомбардировок. Мой взгляд задержался на бронзовой скульптуре. И взгляд Тюльпан тоже, потому что именно так срежиссирована наша встреча. Никаких задержек на этот раз. Непринужденная походка, но без перебора. Без зрительного контакта, но и без подчеркнутого игнорирования друг друга. Варшава вся просматривается и прослушивается. И туристические достопримечательности находятся под неусыпным наблюдением в первую очередь.

Но что значит это неожиданное вихляние бедер и этот откровенно манящий огонек в ее больших миндалевидных глазах? На мгновение — впрочем, не столь мимолетное, как я ожидал, — наши руки соединяются. Но вместо того чтобы тут же расцепиться, передав мне кое-какие вещицы, ее

пальцы уютно пристраиваются в моей ладони и оставались бы там дольше, если бы я не выдернул руку. Она сошла с ума? Или я? И что означает эта завлекательная улыбка? Или мне все привиделось?

Мы расходимся: она — на конференцию шпионократов Варшавского пакта, я со своей группой — в погребок, где за угловым столиком восседают секретарь по культуре Британского посольства с супругой. Я заказываю пива и иду в туалет. Следом за мной туда направляется секретарь по культуре, известный мне по прошлой жизни в качестве такого же стажера в Школе подготовки секретных агентов в городке Сарратт. Передача материалов проходит быстро и молча. Я возвращаюсь к своей группе. Но ощущение живых пальчиков Тюльпан никуда не ушло.

И я снова чувствую их сейчас, читая хвалебный отзыв Стаса де Йонга о Тюльпан, передаточном источнике и ярчайшей звезде агентской сети Мэйфлауэра:

> До сведения Тюльпан довели, что ее информация поступает в Службу и что Мэйфлауэр является нашим неофициальным помощником и ее связником.

Ее любовь к Англии безоговорочна. Особенно ее впечатляет наша конспирация, и последний *трефф* в Варшаве стал для нее примером британского высокого класса.

Условия ее проживания в Англии по окончании сотрудничества, когда бы это ни произошло: 1000 фунтов в месяц за службу плюс единовременно 10 000 фунтов с одобрения Г/Секрет. [ДжС]. Но главная ее мечта — в один прекрасный день вместе с сыном Густавом получить британское гражданство.

Ее действия в качестве секретного агента впечатляют. Успешно вмонтировав миникамеру в основание унитаза в женском туалете на своем этаже, она избавила себя от ненужных волнений, связанных с необходимостью каждый раз выносить миникамеру в дамской сумочке из Дома № 3, а потом проносить ее обратно. Сделанные в Конторе дубликаты печатки и ключа позволяют ей залезать в сейф Раппа в удобное время и когда ей заблагорассудится. В прошлую субботу она призналась Мэйфлауэру, что постоян-

но мечтает о том, чтобы однажды выйти замуж за красивого англичанина!

— Что-то случилось? — спрашивает меня Нельсон, на этот раз жестче.

— Наткнулся на розетку, — отвечаю, и это, кстати, правда.

* * *

Кролик пришел в темном костюме и с дипломатом прямо с совещания в Казначействе. С кем он там совещался и по какому поводу, не сообщается. Лора, скрестив ноги, сидит в кресле Хозяина. Кролик достает из дипломата бутылку теплого белого «Сансера» и наливает всем. Потом приходит очередь пакетика с соленым кешью. Нам предлагают угощаться.

— Тяжелая работенка, Питер? — спрашивает он добродушно.

— А вы как думали? — отвечаю я сознательно выбранным тоном обиженного человека. — Рыться в памяти — не самое приятное дело.

— Зато, надеюсь, полезное. Посетить былые времена, увидеть прежние лица, м-м?

Я пропускаю эти слова мимо ушей. Допрос начинается вальяжно.

— Позвольте спросить вас о Римеке. Для агента он уж как-то слишком симпатичный, вы не находите?

Я киваю.

— И отличный врач к тому же.

Снова киваю.

— Тогда почему в отчетах, отправленных счастливым выгодоприобретателям из Уайтхолла, этот источник описывается как (я цитирую) *занимающий хорошее положение в СЕПГ на среднем уровне и имеющий регулярный доступ к особо секретным материалам Штази?*

— Дезинформация, — отвечаю я коротко.

— Ее авторы?

— Джордж, Хозяин, Лейкон из Казначейства. Они понимали, что материалы о Мэйфлауэре, как только они всплывут на поверхность, вызовут большой резонанс. И первым делом выгодоприобретатели будут спрашивать, кто источник. Вот почему они придумали фиктивный источник хорошей весовой категории.

— А ваша Тюльпан?

— А что Тюльпан?

Поторопился. Следовало выдержать паузу. Он явно подталкивает меня в нужном направлении, иначе к чему эта всезнающая жесткая ухмылоч-

ка, при виде которой так и хочется ему вмазать? Лора тоже ухмыляется. Сводит со мной счеты за неудавшийся греческий ужин?

Кролик, не слезая с темы, зачитывает из того, что лежит у него на коленях:

— *Передаточный источник является старшим секретарем в Министерстве внутренних дел с доступом в высшие круги.* Не перебор?

— В каком смысле?

— Разве эта характеристика не придает ей больше… гм, веса, чем она того заслуживает? Не лучше ли *неразборчивая в связях секретарша?* Или, ближе к реальной жизни, *офисная нимфоманка.* А может, *святая шлюха,* из уважения к ее религиозным предпочтениям?

Он внимательно на меня смотрит, ожидая вспышки гнева, возмущения, протеста. Но я не доставляю ему такого удовольствия.

— Я полагаю, вы неплохо знали вашу Тюльпан, — продолжает он. — Вы ведь прилежно ее обслуживали.

— Я ее *не обслуживал,* и она не *моя* Тюльпан, — говорю я после выдержанного молчания. — За все время ее работы в поле мы с ней не обменялись ни единым словом.

— Ни словечком?

— Мы передавали из рук в руки информацию, но никогда не говорили.

— Тогда откуда она знала ваше имя? — спрашивает он с обезоруживающей мальчишеской улыбкой.

— Она *не знала* моего имени! Откуда она могла его знать, если мы даже «привет» ни разу друг другу не сказали?

— *Одно* из ваших имен, скажем так, — поддавливает он спокойно.

Тут следует реплика Лоры:

— Как насчет *Жана-Франсуа Гамая*, Пит? — подсказывает она с той же ехидцей. — Совладелец французской электронной компании в Метце, отдыхающий на Черном море по путевке от болгарского государственного туристического агентства. Это немножко больше, чем «привет».

Взрыв благодушного смеха спонтанно вырывается из моей груди, демонстрируя подлинное облегчение.

— О господи! — Я присоединяюсь к общему веселью. — Я ничего не говорил Тюльпан. Об этом я сказал *Густаву!*

* * *

А теперь, Кролик и Лора, когда вы удобно устроились в своих креслах, послушайте поучительный рассказ о том, как самые секретные и тщательно продуманные планы могут стать достоянием невинного ребенка.

Мое рабочее имя действительно Жан-Франсуа Гамай, и да, я приехал в составе большой, тщательно контролируемой туристической группы, наслаждающейся дешевым отдыхом на солнечном, хотя далеко не самом оздоровительном, черноморском болгарском курорте.

Напротив нашей убогой гостиницы, через бухту, расположен санаторий для партработников, такой брутальный бетонный монстр в советском стиле, украшенный коммунистическими флагами, и до нас доносится боевая музыка, прерываемая обращениями к миру и доброй воле из громкоговорителей. В стенах санатория Тюльпан с пятилетним Густавом наслаждаются коллективным отдыхом рабочего класса благодаря связям ее супруга, ненавистного товарища Лотара, чудесным образом преодолевшего нежелание Штази пускать своих работников на иностранные пляжи. Ее сопровождает сестра

Лотта, школьная учительница из Потсдама.

На пляже, между 16.00 и 16.15, мы с Тюльпан должны передать материал из рук в руки, но сейчас в этом примет участие маленький Густав. Лотта останется в санатории и примет участие в рабочем совещании. Инициатива исходит от полевого агента, то есть от Тюльпан. Я же просто должен под нее творчески подстроиться. И вот она идет мне навстречу по накатывающему прибою, на ней пляжный халат а-ля мамаша Хаббард[16] и сумка на веревочке через плечо. Тюльпан обращает внимание сына то ли на морскую раковину, то ли на драгоценный камешек для его ведерка. Она так же игриво виляет бедрами, как тогда в Варшаве в Старом городе, но я благоразумно не упоминаю об этом в присутствии Кролика и Лоры, которые слушают мой легкомысленный рассказ с нескрываемым скептицизмом.

Приблизившись, она роется в своей сумке. Другие дети, любители солнца, загорают, плещутся в воде, едят бутерброды с сосисками, играют в шахматы, и Тюльпан то и дело отпускает им словечко-другое или улыбку. Уж не знаю, с помо-

---

[16] Сноски: 16

Средневековая ведьма из детского стишка. *(Прим. перев.)*

щью какой уловки она убеждает Густава подойти ко мне, но вот он, заливисто рассмеявшись, бросается ко мне и сует мне в руку сине-бело-розовую помадку.

Я должен быть само очарование, изобразить восторг. Я должен сделать вид, что попробовал помадку, а остальное положить в карман, потом присесть на корточки и, словно по мановению волшебной палочки достав из воды ракушку, которая на самом деле давно лежит у меня в кулаке, вручить ее Густаву в награду за его подарок.

На все это Тюльпан реагирует радостным смехом — излишне радостным, но об этом Кролик и Лора тоже не узнают — и подзывает сына к себе: «Ну всё, милый, оставь хорошего товарища в покое».

Но Густав не спешит оставлять хорошего товарища в покое, к чему, собственно, и свелся мой остроумный рассказ, адресованный Кролику и Лоре. Шустрый мальчик ломает нам весь сценарий. Провернув удачный размен, он желает поближе познакомиться с хорошим товарищем.

— Тебя как зовут? — спрашивает он.

— Жан-Франсуа. А тебя?

— Густав. А твоя фамилия?

— Гамай.

— Тебе сколько лет?

— Сто двадцать восемь. А тебе?

— Пять. Ты, товарищ, откуда приехал?

— Из Метца, Франция. А ты?

— Я из Берлина, Германская Демократическая Республика. Хочешь послушать песню?

— Очень хочу.

Густав становится на мелководье по стойке «смирно» и, выпятив грудь, дарит мне детсадовскую песню благодарности советским солдатам, проливавшим кровь за социалистическую Германию. А в это время стоящая рядом мать спокойно развязывает поясок, раскрывает халат и, не спуская с меня глаз, демонстрирует мне голое тело во всем своем великолепии, потом не спеша снова завязывает поясок и присоединяется к моим щедрым аплодисментам маленькому исполнителю. Я пожимаю ему руку, а она глядит на меня как гордая мать, затем по-умному отступает на шаг и, подняв вверх правый кулак, отвечает на его коммунистический салют.

О великолепии ее нагого тела я также умалчиваю, а сам все это время прокручиваю в голове вопрос, который засел в меня занозой еще до того, как я пустился в это забавное повествование: *вы-то, черт возьми, как пронюхали, что Тюльпан*

знала мое имя?

Глава 7

Уж не знаю, какая психическая волна заставила меня раньше времени бросить мои труды и вышвырнула из мрачноватой Конюшни в оживленный квартал Блумсбери, откуда я в бессознательном порыве двинул на юго-запад в сторону Челси. Унижение, безусловно. Разочарование, замешательство, само собой. Ярость, оттого что мое прошлое выкопали и швырнули мне в лицо. Вина, стыд, дурные предчувствия — в больших количествах. И все это, от отчаяния и непонимания, я обращаю против одного человека — Джорджа Смайли, сделавшегося недоступным.

Но так ли это? Может, Кролик мне просто врал, как я ему, и Джордж вовсе не столь уж недоступен, как прозвучало на словах? Может, они его уже нашли и выжали, как мокрую тряпку, если такое в принципе возможно? Если Милли Макрейг знает ответ на этот вопрос — подозреваю, что да, — то она связана обетом молчания в соответствии с Официальным секретным актом и даже под дулом пистолета не смеет обсуждать

Джорджа Смайли.

Приближаясь к Байуотер-стрит, некогда резервации для бедных, а ныне своего рода гетто для лондонских миллионеров, я гоню от себя приступ ностальгии и стараюсь мысленно не засекать, как это положено, припаркованные автомобили, не присматриваться к сидящим в них людям, не обшаривать взглядом двери и окна домов напротив. Когда я был здесь в последний раз? В памяти всплывает вечер, когда я, справившись с маленькими хитростями хозяина в виде деревянных клинышков во входной двери, дождался Джорджа, чтобы сначала отвезти его в роскошный красный замок Оливера Лейкона в Аскоте, а затем продолжить мучительный вояж к старому другу, любовнику его жены и главному предателю Биллу Хейдону.

Но нынешний дом № 9 на Байуотер-стрит в сей праздный осенний вечер ничего этого не видел и ни о чем таком не ведает. Ставни закрыты, садик перед домом зарос сорняками, жильцы то ли уехали, то ли все умерли. Я одолеваю четыре ступеньки и звоню в дверь — мелодия другая, ни тяжелых, ни легких шагов не слыхать. На пороге не покажется Джордж, выказывая свое удовольствие бликами очков, которые он протирает

тыльной стороной галстука. «Привет, Питер. У тебя такой вид, как будто тебе необходимо срочно выпить. Заходи». В прихожей не встретит спешащая Энн, даже толком не успевшая накраситься. «Питер, дорогой, — чмок, чмок, — я убегаю, а вы с бедным Джорджем уж как-нибудь разберитесь с мировыми проблемами».

Я возвращаюсь строевым шагом на Кингс-роуд, останавливаю кэб и еду в центральный лондонский квартал Мэрилебон. Выхожу на Хай-стрит, напротив книжной лавки Донта (а в те времена Фрэнсиса Эдвардса), основанной в 1910 году, где Смайли провел за ланчем немало счастливых часов. Попадаю в лабиринт мощеных улочек и коттеджей, перестроенных из бывших конюшен. Когда-то здесь был спецквартал Цирка для проведения секретных операций, или, говоря проще, *Мэрилебон.*

В отличие от Конюшни, конспиративного дома, посвященного одной-единственной операции, Мэрилебон с тремя парадными входами являлся собственно Службой со своими конторскими служащими, шифровальными отделами и обслугой, курьерами и целой армией неприметных «людей со стороны» самых разных профессий, не знакомых между собой и готовых по первому

звонку все бросить и примчаться ради дела.

Неужто Секретка до сих пор существует здесь? В моем смятении хотелось в это верить. И может ли Джордж Смайли скрываться за закрытыми ставнями? В смятении хотелось в это верить. Из девяти дверных звонков работал лишь один. Только избранные знали, какой именно. Я нажимаю. Никакой реакции. Нажимаю два других. Перехожу к соседней двери и пробую все три. До меня доносится женский крик:

— Ее нет дома, Сэмми! Она слиняла вместе с Уолли и ребенком. Еще раз позвонишь, и я вызову полицию, вот те крест!

Это приводит меня в чувство. Вскоре я уже сижу в кафе на тихой Девоншир-стрит и пью сердечную настойку с экстрактом бузины, а вокруг медики в деловых костюмах о чем-то судачат между собой. Постепенно у меня восстанавливается нормальное дыхание. Проясняется не только голова, но и план действий. Последние двое суток, несмотря на все отвлекающие моменты, передо мной постоянно всплывала картина: Кристоф, отвязанный, с преступными наклонностями, смышленый сын Алека, чинит жесткий допрос моей Катрин у крыльца дома в Бретани. Но только сегодня утром я уловил тревогу в ее

голосе. Страх не за себя, а за меня: *Приятным, Пьер, его не назовешь… Угрюмый… Здоровый, как боксер… Спрашивал, в каком лондонском отеле ты остановился… Адрес?*

Я говорю «моей Катрин», потому что после смерти ее отца стал считать себя ее опекуном, и плевать я хотел на Кролика с его инсинуациями. Она выросла на моих глазах. На ее глазах мои женщины появлялись и исчезали, пока я не остался один. Когда она назло своей хорошенькой сестре изображала оторву и спала со всеми деревенскими парнями, я игнорировал высокопарные нравоучения местного священника, который, вероятно, сам о ней мечтал. Я не очень-то умею обращаться с детьми, но когда у нее родилась Изабель, не знаю, кто из нас был счастливее. Я никогда не говорил Катрин, чем зарабатывал на жизнь. Она не говорила мне, кто отец ребенка. Во всей деревне я один этого не знал и не интересовался. Если она пожелает, однажды ферма будет принадлежать ей и маленькой Изабель, и, может, в ее жизни появится мужчина помоложе, от которого девочка не станет отводить глаз.

Любовники ли мы — после стольких лет жизни рядом? Ну да, со временем это случилось. Все из-

менила Изабель, которая как-то летним вечером прошествовала по двору со своими постельными принадлежностями и, не глядя в мою сторону, постелила себе прямо на полу под лестницей, перед моей спальней. Кровать у меня широкая, а свободная комната темная и холодная, ну и мать с дочерью нельзя разлучать. Насколько я помню, мы с Катрин невинно спали бок о бок не одну неделю, прежде чем повернуться друг к другу лицом. Хотя, возможно, мы не так уж и долго ждали, как мне хотелось бы думать.

* * *

По крайней мере, в одном я был уверен: я без проблем узнаю своего преследователя. Вычищая кошмарные завалы в холостяцком столе Алека в Холлоуэе после его смерти, я обнаружил карманного размера фотоальбом с засушенным эдельвейсом под целлофановой обложкой. Я уже собирался его выбросить, когда до меня дошло, что в моих руках история Кристофа в фотографиях — от рождения до школьного выпуска. Немецкие подписи белыми чернилами сделала, предполагаю, его мать. Что впечатлило: замкнутое лицо, запомнившееся мне на футбольном матче в Дюссельдорфе, сохранилось и у широ-

коплечего хмурого двойника Алека в выходном костюме, сжимающего в руке пергаментный свиток, как будто сейчас ткнет им тебе в лицо.

И что на сегодняшний день Кристоф обо мне знает? Что я приехал в Лондон на похороны друга. Что я добрый самаритянин. Адрес ему неизвестен. По клубам я не хожу. Даже такой рьяный следопыт, как он, не найдет моей фамилии в списках Клуба путешественников или Национального клуба либералов. В архивах Штази тоже не найдешь. Последним моим известным жилищем в Соединенном Королевстве была двухкомнатная квартира в Актоне, где я поселился под вымышленной фамилией Питерсон. Своего обратного адреса хозяину дома я не давал. И где же, после Бретани, станет меня искать настырный, беспардонный, уголовно ориентированный, похожий на боксера сын Алека? В каком конкретно месте, если ему очень повезет и ветер подует в паруса, сумеет он загнать меня в нору?

Единственно разумный ответ: штаб-квартира Службы, так сказать, Лубянка на Темзе, но не прежняя, обжитая его покойным отцом, которую еще поди найди, а ее мрачная наследница, этот бастион, который я как раз собрался навестить.

* * *

Мост Воксхолл наводнен едущими домой жителями пригорода. Быстротечная река под ним тоже забита транспортом. На этот раз я не член туристической болгарской группы, а турист-антипод, интересующийся лондонскими видами. Ковбойская шляпа, защитного цвета жилетка с множеством карманов. Когда-то, на первом задании, на мне были кепочка и шарф из шотландки, а на втором — прикид болельщика «Арсенала»: зимняя шапочка с помпонами. Чистые расходы за весь гардероб на блошином рынке Ватерлоо — четырнадцать фунтов. В Сарратте у нас это называлось «обновить силуэт».

Любой шпик на что-то отвлекается, предупреждал я своих юных новобранцев, так уж устроен человеческий глаз: отважно загорающая нагишом на балконе хорошенькая девушка или уличный проповедник в хламиде Иисуса Христа. Сегодня вечером передо мной открывается миниатюрная, этакий носовой платок, роскошная зеленая лужайка, со всех сторон обнесенная частоколом, приковывающим мой взгляд. Что это? Карцер под открытым небом для еретиков Цирка? Уединенный эдем для офицеров высшего

звена? Но как они туда попадают? А главное, как оттуда выходят?

На крошечном галечном пляже у подножия крепостного вала перед бастионом азиатское семейство в цветастых шелках устроило пикник среди разгуливающих канадских гусей. Проплыв вдоль крепостного вала, желтый катер-амфибия глушит мотор в нескольких метрах от них. Оттуда никто не выходит. Время подходит к пяти тридцати. Я вспоминаю рабочие часы в Цирке: для помазанников божьих — с 10.00 до бесконечности, для черни — с 9.30 до 17.30. Сейчас начнется тихий исход младшего состава. Я прикидываю возможные выходы; наверняка в целях конспирации они разбросаны по разным точкам. Когда в бастион только въехали нынешние обитатели, поговаривали о секретных туннелях, прорытых под Темзой до самого Уайтхолла. Что ж, в свое время Цирк прорыл парочку туннелей на чужой территории, так почему бы не на своей, родной?

Когда я впервые пожаловал к Кролику, мне пришлось пройти через лаз, казавшийся еще меньше благодаря непробиваемым железным воротам, украшенным в стиле ар-деко, но, думается, это был лаз исключительно для посетителей.

Из трех других обнаруженных мной входов чутье выбирает серую двустворчатую дверь на площадке, от которой незаметные каменные ступени спускаются к пешеходной дорожке над рекой. Стоит мне завернуть за угол, как серые двери раскрываются, и выходит пять или шесть мужчин и женщин лет двадцати пяти — тридцати с одинаковым подчеркнуто анонимным видом. Двери закрываются, видимо, автоматически. Потом снова открываются, выпуская вторую группу.

Я одновременно потенциальная жертва Кристофа и его преследователь. Нетрудно предположить, что он здесь занимается тем же, чем и я в последние полчаса: целенаправленно знакомится с этим зданием, прикидывает возможные входы и выходы, ждет своего часа. Я исхожу из того, что Кристоф движим теми же оперативными инстинктами, что и его отец: он просчитал вероятные действия своей жертвы и соответствующим образом все спланировал. Если, как сказала Катрин, я поехал в Лондон на похороны друга — а почему он должен ей не верить? — то с большой долей вероятности можно предположить, что я загляну к своим бывшим начальникам, чтобы перетереть больную тему исторического судебного иска, который

он, Кристоф, вместе со своей новообретенной подружкой Карен Голд подает на Службу и ее отдельно поименованных сотрудников, в том числе на меня.

Еще одна группа мужчин и женщин спускается по ступенькам. На пешеходной дорожке я пристраиваюсь сзади. Седовласая женщина встречает меня вежливой улыбкой. Ей кажется, что она меня где-то видела. С нами смешиваются случайные прохожие. Впереди появляется табличка «Парк Баттерси». Мы приближаемся к арке. Подняв глаза, я замечаю стоящую на мосту фигуру: крупный мужчина в длинном темном пальто и шляпе присматривается к идущим по дорожке людям. Точка, которую он занял (случайно или намеренно), дает ему преотличный вид на все три выхода из бастиона. После того как я сам воспользовался этой точкой, могу только подтвердить ее тактическую выигрышность. Поскольку он смотрит вниз, а черная фетровая шляпа с высокой тульей и узкими полями надвинута на лоб, лицо остается в тени. Но боксерский торс сомнения не вызывает: размах плеч, широкая спина и рост дюйма на три выше, чем можно было предположить. Сын Алека. Впрочем, я не видел его мать.

Мы прошли под аркой. А тип в темном пальто

и черной фетровой шляпе уже сошел с моста и присоединился к процессии. Шустрый при всей своей грузности. Весь в отца. Идет шагах в двадцати позади меня, шляпа прыгает из стороны в сторону. Он не сводит глаз с кого-то впереди себя, и я склонен думать, что с меня. Хочет ли он быть замеченным? Или я помешан на том, что за мной следят? Грешок, с которым я всегда боролся.

Мимо проносятся бегуны, велосипедисты, моторки. Слева тянутся жилые дома, первые этажи которых занимают шикарные рестораны, кафе и фастфуды. Я изображаю задумчивого туриста, заставляя его сбросить обороты. Я вспоминаю собственные поучения, обращенные к новобранцам: темп задаете вы, а не тот, кто вас преследует. Расслабьтесь. Проявите нерешительность. Ни в коем случае не бегите, спокойно прогуливайтесь. Река живет своей жизнью: прогулочные теплоходы, паромы, скифы-одиночки, гребные лодки, баржи. На берегу уличные актеры изображают живые статуи, дети размахивают воздушными шарами, запускают игрушечные дроны. Если это не Кристоф, то филер из Цирка. Но в наше время филеры, даже самые никчемные, так явно не прокалывались.

Возле верфи Святого Георга я отхожу вправо и, остановившись, делаю вид, что изучаю расписание паромов. Чтобы идентифицировать своего преследователя, надо дать ему выбор. Запрыгнет ли он в автобус следом за тобой или, махнув рукой, пойдет дальше? Правда, в этом случае он мог тебя «передать» другому. Но фетровая шляпа не передает меня другому, а оставляет для себя: остановившись возле лотка с горячими сосисками, он разглядывает меня в затейливом зеркальце позади бутылочек с горчицей и кетчупом.

Перед автоматом с билетами на паромы, уходящие в восточном направлении, выстроилась очередь. Я становлюсь в нее и покупаю билет до Тауэрского моста, в один конец. Мой преследователь раздумал брать сосиску. Подошел паром, заходил ходуном пирс. Сначала мы даем выйти пассажирам. Мой преследователь пересек дорожку и склонился над билетным автоматом. Он раздраженно жестикулирует. Ему нужна помощь. Растаман в бесформенном головном уборе объясняет ему. Никаких кредиток, только наличные. Лицо по-прежнему скрыто фетровой шляпой. Началась посадка. На верхней палубе уже полно зевак. Толпа — твой союзник, исполь-

зуй ее. Я примостился у перил и жду того же от своего преследователя. Отдает ли он себе отчет в том, что я его засек? Следим ли мы друг за другом? Или, как сказали бы мои ученики в школе Сарратта, он отловил, что я его отловил? Если да, то можно сдаваться.

Но я сдаваться не собираюсь. Паром разворачивается. На него падает луч солнца, но лицо остается сокрытым, хотя краем глаза я замечаю, что он бросает на меня взгляды исподтишка, словно боясь, что я могу на него наброситься или прыгнуть за борт.

Действительно ли ты Кристоф, сын Алека? Или ты пристав, посланный, чтобы вручить мне судебное предписание? Но тогда зачем ходить за мной по пятам? Почему бы тебе не подойти прямо сейчас? Паром снова разворачивается, и солнечный свет снова выхватывает его. Он поднимает голову, и я впервые вижу его в профиль. Кажется, я должен был бы удивиться и обрадоваться, но нет. Никакого прилива родственных чувств, лишь ощущение грядущей расплаты. Передо мной Кристоф, сын Алека. Тот же немигающий взгляд, что и на футбольном стадионе в Дюссельдорфе, та же характерная для ирландца выпирающая нижняя челюсть.

* * *

Если Кристоф читал мои намерения, то точно так же я читал его. Он не подходил ко мне, потому что вознамерился меня «засечь», как выражаются наружные наблюдатели: выяснить, где я живу, и уже затем выбрать подходящее время и место. В свою очередь я должен перекрыть ему доступ к оперативной информации и диктовать свои условия — людное место с множеством зевак. Но слова Катрин об исходящей от него угрозе, помноженные на мои собственные мрачные предчувствия, не исключают вариант неуправляемого персонажа, горящего желанием отомстить за мои воображаемые грехи в отношении его покойного отца.

Перебирая в уме возможные непредвиденные обстоятельства, я вспомнил, как моя мама-француженка вела меня, маленького мальчика, вокруг Тауэра с громкими, смущавшими меня выкриками по поводу всего, что открывалось ее взору. И, в частности, большой лестницы на Тауэрский мост. Сейчас она всплыла передо мной не благодаря своим прославленным изыскам, а как средство спасения. В Сарратте нас не учили самозащите. Нас учили убивать, кого втихую,

кого нет, а вот самозащита почему-то в программу не входила. Одно я точно знал: если дойдет до рукопашной, надо, чтобы противник стоял передо мной во весь рост, а мне понадобится вся отдача, на какую я только способен. Мне предстоит иметь дело с драчуном, прошедшим тюремную закалку, к тому же на сорок фунтов тяжелее меня. Так что может быть лучше крутой лестницы, если я, старикашка, стою на несколько ступенек ниже, а он бросается на меня всей своей тушей? Я заранее принял кое-какие бесполезные меры предосторожности: переложил всю мелочь, которая может послужить шрапнелью, в правый карман пиджака и надел на средний палец левой руки колечко от ключей — импровизированный кастет. Разве можно проиграть в драке, сынок, если ты к ней готовился? Нет, начальник, никак нельзя.

Все выстроились в очередь, готовясь к высадке. Кристоф стоял в четырех метрах за мной, его лицо, отражающееся в стеклянной двери, ничего не выражало. Катрин говорила о седых волосах. Сейчас я их увидел: из-под фетровой шляпы во все стороны торчали космы, седые, вьющиеся, непослушные, как у Алека, а сзади заплетенные в косичку, болтавшуюся поверх черного паль-

то. Почему Катрин ничего мне не сказала про косичку? Может, он заправил ее под воротник. Или она не считала косичку чем-то важным. Мы выползли на дебаркадер этаким старательным крокодилом. До Тауэрского моста рукой подать. Зеленый огонек светофора призвал пешеходов перейти улицу. Подойдя к большой лестнице, я обернулся и посмотрел прямо на него. Послание было такое: если хочешь поговорить, то давай здесь, прилюдно. Он тоже остановился. Застывший взгляд футбольного болельщика. Я быстро спустился на десяток ступеней. Лестница пуста, если не считать парочки бродяг. Я занял выигрышную точку. Он должен пролететь от меня вниз хорошую дистанцию, чтобы уж точно потом не встать.

Между тем лестница заполнялась людьми. Мимо пронеслись, держась за руки, хихикающие подружки. Двое монахов в одеждах цвета шафрана вступили в серьезную философскую дискуссию с бродягой. Кристоф — силуэт в шляпе и пальто — стоял на верхней площадке. Он начал осторожно, шаг за шагом, спускаться — руки согнуты в локтях, ноги широко расставлены в борцовской стойке. Не так медленно, мысленно подстегиваю его, я хочу, чтобы ты бросился на ме-

ня с разбега. Но, не дойдя несколько ступенек, он останавливается, и я впервые слышу голос взрослого мужчины, с немецко-американским акцентом, и довольно высокий, что вызывает у меня легкую оторопь.

— Привет, Питер. Привет, Пьер. Это я, Кристоф. Сынок Алека, помните? Вы мне не рады? Не хотите пожать мне руку?

Я вытряхиваю из горсти мелочь, вытаскиваю руку из кармана и протягиваю ему. Он надолго задерживает ее в своей, давая мне почувствовать крепкую пятерню, несмотря на скользкую влажную ладонь.

— Чем я могу быть вам полезен, Кристоф?

В ответ раздается язвительный смешок в стиле Алека и звучит его характерная ирландская интонация, появлявшаяся всякий раз, когда он слегка наигрывал:

— Для начала, старичок, вы можете меня угостить чем-нибудь покрепче!

* * *

Ресторан на первом этаже в претенциозном здании Старого города — словно изъеденные древоточцем, деревянные балки и скособоченный вид на Тауэр из окон с сопряжением брусьев под

углом в сорок пять градусов. Официантки в шляпках и передниках. Нам предложили отдельный столик с условием, что мы закажем полный обед. Кристоф пристроил на стуле свое огромное тело, фетровая шляпа временами прикрывает глаза. Нам принесли пиво, которое он заказал. Сделав глоток, он скривился и отставил кружку в сторону. Ногти у него черные, неровные. Все пальцы левой руки в кольцах, а на правой только два средних. Лицо Алека, изборожденное не столько болью, сколько тревогой. Все та же воинственно выступающая нижняя челюсть. В карих глазах, когда они удостаивают тебя вниманием, вспыхивают лихие пиратские огоньки.

— И чем вы сейчас, Кристоф, занимаетесь? — спрашиваю я его. Он отвечает не сразу.

— Сейчас?

— Да.

— Ну, если коротко, то *этим самым*, — он одаривает меня широкой улыбкой.

— Не уточните? Кажется, я не вполне понимаю.

Он покачал головой, как бы говоря «Не важно». Тут официантка приносит стейк с чипсами, и он устраивается на стуле поудобнее.

— Неплохая у вас в Бретани ферма, — замечает

он, принимаясь за еду. — Сколько гектаров?

— Около пятидесяти. А что?

— Все принадлежит вам?

— О чем у нас пойдет разговор, Кристоф? Зачем я вам понадобился?

Отправив в рот очередную порцию, он улыбнулся и постучал себя пальцем по голове: дескать, правильный вопрос.

— Зачем вы мне понадобились? Тридцать лет я гонялся за удачей. Весь мир объездил. Золото. Бриллианты. Наркотики. Оружие. Всего понемногу. Отсидел прилично. И что, поймал удачу за хвост? Хрена с два. И вот я возвращаюсь в старушку Европу — и нахожу вас. Настоящий клад. Лучший друг моего папаши. Его боевой товарищ. И как вы с ним поступили? Вы послали его на смерть. А это денежки. *Хорошие* денежки.

— Я не посылал вашего отца на смерть.

— Почитайте разные досье. Почитайте досье Штази. Это бомба. Вы и Джордж Смайли убили моего отца. Смайли был атаманом, а вы типа главным мальчиком на побегушках. Вы заманили его в ловушку и убили. Прямо или косвенно, но это так. А еще втянули в игру Элизабет Голд. Все, ёптыть, отражено в досье, старина! Вы придумали эту дьявольскую комбинацию, которая потом

провалилась, и вот они жертвы. Вы полоскали ему мозги! Вы и ваш великий Джордж. Вы задурили голову моему папаше и послали его на верную смерть. *Сознательно*. Поговорите с юристами. Сказать вам кое-что? Патриотизм, старина, приказал долго жить. Это *детские сказки*. Если дело получит международную раскрутку, патриотизм уже не прокатит. Ссылки на патриотизм для смягчения приговора — *фигня*. Как и *элиты*. Вам, ребята, кранты.

Он уже собирался освежиться пивом, но потом передумал и пошарил в карманах черного пальто, которое не снял даже в теплом помещении. Из обшарпанной оловянной коробочки он высыпал себе на кисть белый порошок и, другой рукой закрыв одну ноздрю, втянул в себя кокаин на виду у всех, кто мог проявить интерес, и кое-кто проявил.

— И что вы здесь делаете? — спросил я.

— Вашу жизнь спасаю, ёптыть, — ответил он и обеими руками схватил меня за кисть, как настоящий вассал. — Короче, условия сделки. Ваш выигрышный билет, о'кей? Мое персональное предложение. Лучшего вам никто не предложит. Мы же друзья?

— Вам виднее.

Хотя я высвободил кисть, он продолжает смотреть на меня преданным взглядом.

— У вас больше нет друзей. И других вариантов тоже нет. Это единственное предложение. Беспристрастное. Необсуждаемое. — Он опорожняет кружку и делает знак официантке, чтобы повторила. — Один лимон евро. Лично мне. Без третьих лиц. Один лимон в тот же день, когда адвокаты отзовут иск, и больше вы обо мне не услышите. Адвокаты, права человека — никакой фигни. Весь пакет услуг. Что вы на меня так смотрите? Есть проблемы?

— Проблем нет. Просто как-то маловато за такие деньги. Ваши адвокаты, насколько я понимаю, отказались и от большей суммы.

— Вы меня не слушаете. Вам предлагают скидку. Понятно? Одним переводом, лично мне, миллион евро.

— А как насчет дочери Лиз Голд, Карен? Ее это устроит?

— Карен? Послушайте, эту девушку я знаю. Я к ней приду, наплету что-нибудь, как всегда, открою душу, может, всплакну, скажу, что такой процесс — это выше моих сил, слишком болезненно, еще жива память об отце, пусть покоится с миром. За мной не заржавеет. Карен девушка

чувствительная. Так что не сомневайтесь.

Поскольку я не выказываю признаков доверия, он продолжил:

— Слушайте. Считайте, что эту девку я сочинил. Она моя должница. Я проделал всю работу: заплатил кому надо, раздобыл досье. Потом пришел к ней с хорошими новостями, сказал, как найти могилу ее матери. Мы вместе обратились к адвокатам. *Ее* адвокатам. *Pro bono*[17], для вас хуже не придумаешь. Где она их раздобыла? «Эмнести», что-то в этом роде. Занимаются правами человека. Адвокаты идут в правительство и читают им проповеди. Правительство все отрицает, начинает вилять: это конфиденциальная информация, мы ничего такого не говорили, во избежание репутационного ущерба вот вам миллион фунтов стерлингов. Лимон! Это стартовая цена, можно торговаться. Лично я стерлингом брезгаю, но это дело десятое. Что делают адвокаты Карен? Читают новую проповедь. *Не нужен* нам ваш миллион. Мы отстаиваем высокие принципы, можете подтереться своими бумажками. А не хотите, так мы подадим на вас в суд и дойдем до Страсбурга и Европейского суда по гребаным

---

[17] Сноски: 17
Бесплатные услуги *(лат.)*.

правам человека. Правительство говорит: о'кей, *два* лимона, но ее адвокаты-альтруисты ни в какую. Они вроде Карен. Святые и непорочные.

Грохот и лязг металла заставляют все головы повернуться в нашу сторону. Это Кристоф хлопнул по столу своей грязной левой ручищей со всеми ее кольцами. Он подался вперед. По лицу текут капли пота. Дверь с табличкой «Только для персонала» приоткрылась, оттуда выглянула встревоженная голова и при виде громилы в черном пальто и шляпе снова скрылась.

— Вам понадобятся мои банковские реквизиты, правильно, старина? Держите. И передайте вашему правительству: один лимон в день, когда мы отзываем иск, или получите по полной.

Он оторвал от стола ладонь, под которой обнаружился сложенный листок линованной бумаги, и проследил за тем, как я прячу его в бумажник.

— Тюльпан — кто это? — спросил он с той же нескрываемой угрозой в голосе.

— Простите?

— Кодовое имя Дорис Гамп. Работала в Штази. У нее был сынок.

Его уход получился внезапным. Я настаивал на том, что сочетание «Гамп-Тюльпан» мне ни о чем не говорит. А когда отважная офици-

антка заспешила к нашему столику со счетом в руках, он уже спускался по лестнице. Выйдя на улицу, я увидел его широченную спину в отъезжающем такси и высунутую из окна руку, лениво машущую мне на прощанье.

Помню, что я пошел обратно на Долфин-сквер. По дороге вспомнил про сложенный листок линованной бумаги с банковскими реквизитами и выбросил его в урну, а вот где это произошло, даже не спрашивайте.

Глава 8

Благоприятную погоду наутро сменил косой дождь, который, как из пулемета, поливал улицы Пимлико. На свидание в Конюшне я прибыл с опозданием, и на ступеньках, стоя под зонтом, меня встретил Кролик.

— А мы уже задавались вопросом, не дали ли вы деру, — произнес он с улыбкой застенчивого подростка.

— А если бы дал?

— Скажем так, далеко вы бы не убежали. — Продолжая улыбаться, он протянул мне коричневый конверт с красным оттиском: Служба ее величества. — Поздравляю. Вас любезно приглашают предстать перед великими мира сего. Парламентский комитет по расследованию из представителей всех партий желает с вами поговорить. Дата встречи будет объявлена позже.

— И с вами тоже, насколько я понимаю.

— Попутно. Мы-то не звезды.

Тут подъехал черный «пежо». Кролик сел сзади. Машина уехала.

— Ну что, вы во всеоружии, Пит? — спрашивает

меня Пепси. Она уже восседает на своем троне в библиотеке. — Сегодня нам предстоит тяжелый денек.

Она имеет в виду толстую папку из буйволовой кожи, которая ждет меня на столике, стоящем на распорках: мой неопубликованный шедевр на сорока страницах.

* * *

— Я предлагаю тебе написать официальный отчет о том, что произошло, Питер, — говорит мне Смайли.

Три часа ночи. Мы сидим лицом к лицу в гостиной муниципального дома в одном из жилых кварталов Нью-Фореста.

— По мне, ты идеальный кандидат для этой работы, — продолжает он намеренно обезличенным тоном. — Пусть это будет исчерпывающий отчет, пространный, изобилующий второстепенными деталями и ни слова не говорящий о том, о чем, с божьей помощью, я надеюсь, никогда не узнает никто на свете, кроме тебя, меня и еще четырех посвященных. Одним словом, отчет, который удовлетворит жгучие аппетиты Лондонского управления и послужит дымовой завесой для Головного офиса после вскрытия, фигурально

выражаясь, а такой момент наверняка когда-нибудь наступит. Отчет, который потребует моего, и только моего, предварительного одобрения. Чтобы больше его никто не видел. Сделаешь это? Осилишь? И, конечно, Ильзе будет сидеть у тебя под боком.

Ильзе, лингвист номер один в Секретке, подтянутая, педантичная Ильзе, владеющая немецким, чешским, сербскохорватским и польским, проживающая с матерью в Хемпстеде, играющая на флейте субботними вечерами. Ильзе будет сидеть у меня под боком, исправлять мои расшифровки немецких записей. Мы будем вместе улыбаться моим мелким ошибкам, обсуждать выбор лучшего слова или фразы, вместе заказывать бутерброды. Мы будем склоняться над магнитофоном и, случайно столкнувшись лбами, извиняться. И ровно в пять тридцать Ильзе отправится домой к своей матери и своей флейте в Хемпстеде.

* * *

ДЕЗЕРТИРСТВО И ЭКСФИЛЬТРАЦИЯ ПЕРЕДАТОЧНОГО ИСТОЧНИКА ТЮЛЬПАН

Черновик отчета, составленный П. Гиллемом, помощником Г/Секрет. в Мэри-

лебоне для прочтения Г/Лондонского управления Биллом Хейдоном и Г/Казначейства Оливером Лейконом. После предварительного одобрения Г/Секрет.

ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ, что передаточный источник Тюльпан может подвергнуться риску разоблачения, обозначились во время рутинного *треффа* между Мэйфлауэром и его куратором Лимасом (ПАУЛЬ) в западноберлинском конспиративном доме К2 (Фазаненштрассе) 16 января, примерно в 7.30.

Используя поддельный паспорт на имя Фридриха Либаха, Мэйфлауэр пересек границу Западного Берлина на велосипеде[18] вместе с «утренней кавалерией» восточноберлинских рабочих. Хороший «английский завтрак» из жареной яичницы, бекона и запеченной фасоли, приготовленный Лимасом, стал уже традиционным для этих нерегулярных

[18] Сноски: 18

После вербовки Мэйфлауэра нашей Службой было принято решение свести число его поездок в Западный Берлин к минимуму. В результате берлинский Центр снабдил его паспортом на имя Фридриха Либаха, строительного рабочего, жителя Лихтенберга, Восточный Берлин, где он на свои деньги приобрел садовый сарай для велосипеда и рабочую одежду. *(Прим. в тексте Гиллема.)*

встреч, устраиваемых в зависимости от оперативной надобности и рабочего графика Мэйфлауэра. Как обычно, встреча началась с рутинного опроса и сетевых новостей.

Передаточный источник НАРЦИСС, несмотря на рецидив болезни, настаивает на продолжении сотрудничества, он получает и передает «редкие книги, брошюры и личную почту».

Передаточный источник ФИАЛКА. Ее сообщение об усилении советских войск на чешской границе вызвало большой интерес у клиентов в Уайтхолле, и ей будет выдан бонус, о котором она попросила.

Передаточный источник ЛЕПЕСТОК обзавелась очередным бойфрендом. Это 22-летний связист Красной армии, специалист-шифровальщик из Минска, недавно приписанный к ее воинской части. Он страстный филателист, и Лепесток ему сказала, что у ее пожилой тетки (вымышленной) есть коллекция дореволюционных русских марок, с которой она готова расстаться за хорошую цену.

О цене она договорится с ним в постели, и это будет справочник шифров. С подачи Лимаса Мэйфлауэр заверил ее, что Лондон обеспечит необходимую коллекцию марок.

Только теперь разговор переходит к передаточному источнику Тюльпан. Дословно:

Лимас: А как обстоят дела у Дорис? Лучше, хуже?

Мэйфлауэр: Друг мой Пауль, ставить ей диагноз — дело бесполезное. У нее каждый день начинается с чистого листа.

Лимас: Вы ее спасательный круг, Карл.

Мэйфлауэр: Она считает, что ее муж, господин Квинц, стал проявлять к ней повышенный интерес.

Лимас: Давно пора, черт побери. И в чем это проявляется?

Мэйфлауэр: Он ее подозревает. В чем, она пока не знает. Постоянно спрашивает, куда идет, с кем встречается. Где была. Наблюдает за ней, когда она готовит, одевается. Во все сует свой нос.

Лимас: Может, просто наконец взыграла ревность?

Мэйфлауэр: Она так не думает. По ее словам, Квинц способен ревновать только к своей блестящей карьере и собственной персоне. Но это же Дорис, так что кто знает?

Лимас: А ее служебная жизнь?

Мэйфлауэр: Рапп, утверждает она, не станет ее подозревать, потому что сам постоянно нарушает дисциплину. Если бы СВБ ее в чем-то заподозрила, она бы уже сидела в клетке неподалеку.

Лимас: СВБ?

Мэйфлауэр: Служба внутренней безопасности Штази. Каждое утро по дороге в кабинет Раппа она проходит мимо их двери.

В тот же день Лимас в рабочем порядке велел де Йонгу уточнить план действий в чрезвычайных обстоятельствах на случай эксфильтрации Тюльпан. Де Йонг подтвердил, что все документы и ресурсы для эксфильтрации через Прагу имеются в наличии. Дождавшись вечернего потока рабочих, Мэйфлауэр вернулся на велосипеде в Восточный Берлин.

Пепси не сидится на месте, она то и дело слезает со своего трона, чтобы побродить по комнате или подсмотреть из-за моей спины, что я читаю. Я вижу Тюльпан в том же нервозном состоянии — то дома в Хоэншёнхаузене, то в кабинете рядом с Эммануэлем Раппом, в Доме № 3, принадлежащем Штази, на Магдаленештрассе.

ВТОРОЕ СООБЩЕНИЕ пришло в виде расшифровки телефонного разговора двух врачей. При участии западноберлинской полиции была подключена экстренная контактная сеть. Теперь, если Мэйфлауэр звонил в Клинику (Западный Берлин) из своей Шарите (Восточный Берлин) и просил соединить его с номинальным коллегой доктором Флейшманом, звонок автоматически переводился в берлинский Центр. В 9.20 21 янв. под медицинским прикрытием произошел следующий телефонный разговор между Мэйфлауэром и Лимасом.

Дословно:

Мэйфлауэр (*звонит из Шарите, Восточный Берлин*): Доктор Флейшман?

Лимас: Я слушаю.

Мэйфлауэр: Это доктор Римек. У вас есть пациент. Фрау Лиза Зоммер[19].

Лимас: И что же?

Мэйфлауэр: Вчера вечером фрау Зоммер поступила в наш блок срочной медицинской помощи с жалобами на галлюцинации. Мы дали ей успокоительное, но среди ночи она убежала.

Лимас: Галлюцинации какого рода?

Мэйфлауэр: Она себе вообразила, будто муж подозревает ее в том, что она выдает государственные секреты фашистским и антипартийным элементам.

Лимас: Благодарю. Я понял. К сожалению, меня ждут в анатомическом театре.

Мэйфлауэр: Ясно.

В последующие два часа Мэйфлауэр распаковал свой *театральный рекви-*

[19] Сноски: 19
Еще один псевдоним Тюльпан. *(Прим. в тексте Гиллема.)*

зит[20], настроил его на рекомендуемую волну и наконец получил слабый сигнал. Звук прерывался. Суть:

В то утро Тюльпан сделала беспрецедентный кризисный звонок в хирургическое отделение Мэйфлауэра. Он состоял из условленной серии щелчков в телефонную трубку, а звонила она с нейтрального номера (из телефонной будки). В ответ Мэйфлауэр отстучал согласие: два щелчка, пауза, три щелчка.

Экстренная встреча состоялась в подлеске на окраине Кёпеника. По удачному совпадению тот же подлесок, где он ранее прятал *театральный реквизит*. Оба практически одновременно приехали на велосипедах. Изначальное состояние Тюльпан Мэйфлауэр описывает как «близкое к триумфу». Квинц «нейтрализован», «считайте, что он покойник». Мэйфлауэр должен радоваться вместе

[20] Сноски: 20

Театральное оборудование является прототипом американской высокочастотной связи ближнего действия, разработанной для секретных операций Восток — Запад в городской черте Берлина. Лимас в докладной записке главе технической службы охарактеризовал его как «громоздкую, жутко запутанную, чрезмерно растиражированную, типичную продукцию янки». Выпуск прекратился. *(Прим. в тексте Гиллема.)*

с ней. Бог ее услышал. Дальнейший разговор:

Вчера поздно вечером, вернувшись с работы, Квинц схватил домашнюю фотокамеру «Зенит», висевшую на ремешке за входной дверью, открыл ее, что-то пробормотал, захлопнул и снова повесил на крючок. После чего потребовал, чтобы Тюльпан показала ему содержимое своей сумочки. Она отказалась, тогда он ее отшвырнул и сам туда полез. Густав бросился на защиту матери, а Квинц ударил сына по лицу, вызвав кровотечение из носа и изо рта. Не найдя того, что искал, он обыскал на кухне буфет и выдвижные ящики, лихорадочно прощупал мягкую мебель, перевернул всю ее личную одежду и под конец обшарил шкафчик с детскими игрушками, но все безуспешно.

В присутствии Густава он громко требовал от Тюльпан, загибая пальцы, ответов на следующие вопросы: 1) почему в камере нет пленки? 2) почему в кармашке лежит только одна неиспользованная пленка, хотя неделю назад их было две?

3) куда делась пленка с двумя отснятыми кадрами?

Дальше последовали дополнительные вопросы: на *что* пошли остававшиеся восемь кадров, *куда* она отнесла пленку для проявки, *где* отпечатанные снимки и *куда* делась пропавшая пленка, а может — хотя уже сомневаться не приходится, — она фотографировала секретные документы, которые он принес домой, и продавала их западным шпионам?

Реальная же ситуация выглядела так. Тюльпан принципиально не держала миникамеру ни в сумочке, ни в прихожей, а спрятала ее в основании унитаза в женском туалете Дома № 3. Если Квинц приносил домой из Министерства иностранных дел ГДР документы, представлявшие интерес, она дожидалась, пока он уснет либо затеет посиделки с друзьями, и фотографировала бумаги с помощью домашней камеры «Зенит». В прошлое воскресенье она два раза сфотографировала Густава на детской площадке, где он качался на качелях. А вечером, пока Квинц пил с друзьями, она употребила

оставшиеся кадры, чтобы переснять документы в его дипломате. После этого она вынула из камеры пленку и припрятала ее в цветочном горшке до следующей встречи с Мэйфлауром, однако забыла вставить в камеру новую пленку, не говоря уже о том, чтобы закрыть пальцем объектив и отснять пару якобы неудачных кадров с Густавом. Несмотря на все это, Тюльпан перешла в сокрушительную контратаку, как ей казалось. Она напомнила мужу, что в Штази давно вызывает подозрения его одиозный отец, а также его собственные гомосексуальные наклонности, что никого уже не убеждают его горячие заверения в преданности партии и что, да, она действительно перефотографировала документы из его дипломата, но не для того чтобы продать их на Запад, а чтобы этим шантажировать его в случае битвы за родительские права на Густава, которую она считает неизбежной. Тут ведь все ясно, сказала она: если выплывет наружу, что Лотар Квинц приносил домой секретные документы для изучения в нерабочее время,

то на его мечте отправиться послом ГДР за границу можно будет поставить крест.

И снова запись:

Лимас Мэйфлауэру: И какова сейчас ситуация?

Мэйфлауэр Лимасу: Она убеждена, что заткнула ему рот. Сегодня он ушел на работу в нормальном состоянии. Был спокоен, даже ласков.

Лимас Мэйфлауэру: Где она сейчас?

Мэйфлауэр Лимасу: Дома, ждет Эммануэля Раппа. В полдень он должен за ней заехать, и они отправятся в Дрезден на заседание Службы внутренней безопасности в полном составе. Он ей пообещал, что на этот раз она там будет в качестве его официальной помощницы. Для нее это большая честь.

[*Пятнадцатисекундная пауза.*]

Лимас: Так. Ее действия. Прямо сейчас она звонит Раппу на работу и говорит, что всю ночь промаялась, у нее жуткая температура, она разбита и ехать не в состоянии. После чего она исчезает. Процедура ей известна. Ей назначат встречу. Остается только ждать.

После этого Лимас послал в Головной офис срочную телеграмму о том, что уровень опасности повышен с оранжевого до красного и что вся агентурная сеть Мэйфлауэра находится в зоне риска. Поскольку план побега требовал совместных усилий Центров в Праге и Париже, нужны были ресурсы Лондонского управления. Он также запросил немедленной отмашки на эксфильтрацию «собственноручно», прекрасно понимая, что по действующим правилам Цирка офицер, находящийся на действительной военной службе, обладающий информацией особой чувствительности и намеревающийся проникнуть на запрещенную территорию, при этом не обладая дипломатическим иммунитетом, должен заранее получить письменное одобрение Головного офиса — в данном случае Лондонского управления. Через десять минут он получил ответ: «Ваша просьба отклонена. Подтверждаю. ЛУ.». Личная подпись в ответной телеграмме отсутствовала в соответствии с политикой коллективного принятия решений,

проводимой Г/У [Хейдоном]. Одновременно служба связи заявила о повышении трафика на всех радиоволнах Штази, а британская Военная миссия в Потсдаме обратила внимание на усиление режима безопасности на пропускных пунктах в Западном Берлине и вдоль всей границы между ГДР и Западной Германией. В 15.05 по восточногерманскому радио GMT сообщили, что объявлена в общенациональный розыск непоименованная женщина, *лакей фашистского империализма,* и дали словесный портрет. Это было описание Тюльпан.

Тем временем Лимас предпринял шаги вразрез с инструкциями Лондонского управления. Не извиняясь, он лишь заявлял, что не собирается «отсиживаться и наблюдать за тем, как Тюльпан и вся агентурная сеть превращаются в дым». Когда Лондон призвал незамедлительно эксфильтровать хотя бы Мэйфлауэра, Лимас ответил бескомпромиссно: «Он может при желании выйти из игры в любое время, но он этого не сделает. Скорее предстанет перед судом, как его отец». Ме-

нее ясна роль Ставроса де Йонга, недавно произведенного в помощники должностного лица берлинского Центра, и Бена Портера, охранника и шофера.

Бен Портер (охранник, берлинский Центр) — ПГ (Питеру Гиллему) дословно:

Алек сидит за своим столом и разговаривает по каналу секретной связи с Лондонским управлением. Я стою у дверей. Положив трубку, он говорит мне: «Бен, — говорит, — нам дана отмашка. Время пошло. Подгоняй «лендровер» и скажи Стасу, чтобы через пять минут стоял в полной экипировке во дворе». Не было такого, чтобы мистер Лимас сказал мне: «Бен, мы нарушаем прямые инструкции Головного офиса».

Ставрос де Йонг (стажер, приставленный к Г/Секрет., Берлин) — ПГ, дословно:

Я спросил у главы Секретки: «Алек, а Головной офис нас точно поддержит?» На что он ответил: «Стас, тебе мало моего слова?» Больше вопросов я не задавал.

Их утверждения о своей невиновности исходи-

ли от меня. Поскольку у меня не было сомнений в том, что Смайли лично поручил Лимасу осуществить эксфильтрацию Тюльпан, я постарался обеспечить Портера и де Йонга статьей о неподсудности на случай, если Перси Аллелайн или кто-то из его подручных заставит их давать показания.

* * *

Спустя три дня. Историю подхватывает сам Алек. В десять вечера его допрашивают за фанерным столом в безопасном помещении британского посольства в Праге, где он укрылся часом ранее. Разговор записывается на магнитофон. Напротив него сидит глава пражского Центра Джерри Ормонд, супруг грозной Салли, второго номера местного Центра, которым они управляют на пару. На столе, по крайней мере в моем хорошо информированном воображении, стоит бутылка шотландского виски и один стакан (для Алека), который Джерри беспрерывно наполняет. Угасший голос Алека свидетельствует о том, что он бесконечно устал, что, с точки зрения дознавателя Ормонда, даже хорошо, так как ему надо вытянуть из подопечного всю историю раньше, чем память начнет ее приукрашивать. Алек,

опять же в моем воображении, небрит, и на нем халат, надетый после поспешного душа, который ему позволили принять. Ирландский акцент то и дело прорывается его рассказе.

А где нахожусь я, Питер Гиллем? Нет, не в Праге с Алеком, хотя мог бы. Я сижу в комнате на верхнем этаже штаба Секретки в Мэрилебоне и слушаю магнитофонную запись, спешно доставленную в Лондон самолетом ВВС, а про себя думаю: *я следующий*.

> *АЛ:* Минус восемь и леденящий яйца восточный ветер со снегом на Олимпийском стадионе, на дорогах лед. Я полагаю, что скверная погода — это хорошо для бегства. «Лендровер» уже на месте, за рулем Бен. Стас де Йонг спускается по ступенькам в полной армейской экипировке и втискивает в углубление между сиденьями свои шесть футов и три дюйма вместе с ботинками, после чего мы с Беном накрываем его крышкой. Я сажусь впереди рядом с водителем. На мне офицерская фуражка и шинель с тремя звездочками на погонах, а под шинелью комбинезон восточногерманского рабо-

чего. В ногах видавшая виды наплечная сумка для документов. Мое правило: документы держи отдельно на случай неприятностей. 9.20 утра, на официальном пропускном пункте Фридрихштрассе для военных мы показываем ФОПам[21] документы через закрытое стекло. Так советуют дипломаты: не давать документы в руки этим придуркам. За пропускным пунктом нам на хвост ожидаемо садятся два ФОПа на «ситроене». Все как обычно. Пусть считают, будто имеют дело с очередным британским армейским автомобилем, что предусмотрено четырехсторонним соглашением, — мы, по крайней мере, старательно им на это намекаем. Мы проезжаем район Фридрихсхайн, и я молюсь богу, чтобы Тюльпан уже выехала, иначе ей хана, а заодно и всей нашей подпольной сети. Мы едем на север, в сторону Панкова, и перед советским военным периметром сворачиваем на восток. У нас на хвосте сидит все тот же «ситроен», ну и хорошо.

[21] Сноски: 21
Volkspolizei — народная полиция в ГДР. *(Прим. перев.)*

Нам не нужна смена караула и новый соглядатай. Я затеваю с ними небольшую игру, для них вполне привычную: неправильный поворот с последующим задним ходом, переход на черепашью скорость, чтобы сориентироваться. Сворачиваем на юг и въезжаем в Марцан. Мы пока в пределах городской черты Берлина, но уже пошли перелески и проселочные дороги, и запорошил снег. Мы проезжаем старую нацистскую радиостанцию, наш первый маркер. «Ситроену», в сотне метров за нами, похоже, не нравятся обледенелые дороги. Мы уходим под уклон и набираем скорость. Впереди резкий поворот налево, а из-за деревьев выглядывает белая заводская труба — наш второй маркер, лесопилка. Мы быстро сворачиваем и притормаживаем возле лесопилки. Я мгновенно переодеваюсь: плюс наплечная сумка, минус шинель. Для Стаса это сигнал вылезти из укрытия и занять мое место и изображать меня. А сам я уже лежу в канаве, весь в снегу — видимо, прокатился пару метров. Подняв голову, вижу, что наш «лендровер» уже

выбирается наверх, а «ситроен» устремляется за ним, наверстывая упущенное.

[*В паузе слышен звон стекла и журчание наливаемой жидкости.*]

АЛ (продолжает): За старой лесопилкой находился заброшенный грузовой автопарк и жестяной сарай с опилками, а за ним стоял коричнево-синий «трабант» с примотанными стальными трубами на крыше. На часах 19.00. Внутри попахивало крысиным пометом, зато бак полон, сзади валялись две дополнительные пустые канистры, и, судя по покрышкам, на «трабанте» успели поездить. Машину поддерживал в рабочем состоянии надежный пациент Мэйфлауэра, пожелавший остаться неизвестным. Одна проблема — «трабант» не любит холодов. Час уходит у меня на то, чтобы прогреть мотор, и все это время я думаю: «Где ты сейчас, Тюльпан? Может, они тебя сцапали и ты уже даешь показания? Если так, то мы в заднице».

ДжО [*Джерри Ормонд*]: Ваше прикрытие?

АЛ: Гюнтер Шмаус. Сварщик из Саксо-

нии. Я неплохо говорю на саксонском диалекте. Мать родом из Хемница. Отец уроженец графства Корк.

ДжО: А Тюльпан? Она кто?

АЛ: Моя дорогая супруга Августина.

ДжО: И где она сейчас? Если все в порядке?

АЛ: На точке встречи, в глухомани, севернее Дрездена. Часть пути проехала на велосипеде, несмотря на погоду, а потом бросила — они ведь знают, что она велосипедистка. Села на местный поезд. Потом добралась то ли пешком, то ли на попутке до точки, где ей велено затаиться и ждать.

ДжО: А переход из Восточного Берлина в ГДР? Чего вы ждете?

АЛ: Там как получится. Пропускных пунктов нет, ездят патрули. Как кому повезет.

ДжО: Вам повезло?

АЛ: Все обошлось. Две патрульные машины. Тормознут, напугают до смерти, заставят выйти из автомобиля, пошантажируют. Но если у тебя документы в порядке, отпустят с миром.

ДжО: У вас они были в порядке?

АЛ: Вот, сижу перед вами.

[*Меняют пленку, сорокапятисекундная заминка. Продолжение разговора. Лимас описывает свой переезд из Восточного Берлина в Котбус.*]

АЛ: Чем хороша транспортная ситуация в ГДР — она практически отсутствует. Несколько гужевых лошадей с телегами. Велосипедисты, мопеды, мотоциклы с колясками, чудной разбитый грузовик. Проехал по автобану, потом свернул на проселочную дорогу. Все время меняешь. Если проселочную замело снегом, назад на автобан. Главное, держаться подальше от Вюнсдорфа. При нацистах это был хренов концлагерь, а теперь там совки: три танковые дивизии, серьезные ракеты и мощная станция прослушки. Мы много месяцев шпионили за ними. Из соображений безопасности я беру севернее, в объезд, не по автобану, а по ровной проселочной дороге. В ветровое стекло повалил снег. Ряды голых деревьев и кусты белой омелы уходят вдаль до упора, а я про себя думаю: когда-нибудь сюда

вернусь, посрезаю их и толкну на хозяйственном рынке в Ковент-Гардене за хорошие бабки. Вдруг замечаю — или это мне снится? — что я еду в середине военной колонны советских войск. Не туда свернул! Грузовики с солдатами, танки Т-34 на низкорамной платформе, шесть или восемь артиллерийских орудий, — и я ползу между ними в своем пегом «трабанте», пытаясь как-нибудь съехать с этой хреновой дороги, а они ноль внимания, катят себе дальше. Я даже, блядь, не успел переписать их номера!

[*Смеются, он и Ормонд. Пауза. Продолжает в более медленном темпе.*]

АЛ: Четыре часа дня. В пяти километрах на запад от Котбуса. Я высматриваю точку встречи, заброшенную автомастерскую возле дороги. И детскую варежку на ограде — добрый знак, что Тюльпан находится внутри. Вот она, варежка. Розовая. Торчит, что твой флаг посреди просторов. Почему-то она меня пугает, эта варежка. Слишком уж заметная, черт бы ее побрал. А если в сарае сидит не Тюльпан, а Штази? Или Тюльпан и Штази?

В общем, я съезжаю на обочину и обдумываю план действий. И тут открывается дверь, и на пороге стоит *она* собственной персоной, а у нее на руках улыбающийся шестилетний мальчишка.

[*Двадцатисекундная пауза.*]

АЛ: Я ведь ее никогда вот так не видел! Она работала с Мэйфлауэром. Такой расклад. Я знал ее только по фотографиям. Короче, я ей: «Привет, Дорис. Я Гюнтер, ваш муж на время этого путешествия, а это что еще за фрукт?» А то я не знаю. Она мне: «Это мой сын Густав, он едет со мной». Я ей на это: «Черта с два он с вами поедет. Мы бездетная пара, и на чешской границе под одеялом его не спрячешь. Что будем делать?» Она: «В таком случае я не еду». И он ей подпевает. Я приказываю Густаву зайти в сарай, отхожу с ней за задний бампер и говорю ей то, что она и так знает, но не желает лишний раз слышать: на него нет документов, и на пропускном пункте все выплывет наружу, так что если сейчас мы от него не избавимся, то вам песец, и мне песец, и доброму доктору Римеку,

потому что через пять минут после того, как вы с Густавом попадете к ним в лапы, они выбьют из вас его имя. Она молчит, а уже начинает темнеть, и снова пошел снег. Мы с ней заходим в сарай, здоровенный, как самолетный ангар, и весь забитый сломанной техникой, а этот сучонок Густав уже разложил ужин прямо на земле, представляете? Всю еду, которую она взяла в дорогу: сосиски, хлеб, термос с горячим какао, поставил ящики вместо табуреток — прошу к столу! Мы садимся в кружок, и после нашего первого семейного ужина Густав исполняет патриотическую песню, а потом они вдвоем укладываются спать, накрывшись своими пальто и всем, чем можно, а я сажусь покурить в углу, а как только начинает светать, я усаживаю их в «трабант» и везу обратно в деревню, мимо которой проезжал вчера, потому что там, я запомнил, есть автобусная остановка. И, о радость, на остановке стоят две старушенции в черных клобуках и белых юбках, а за спиной у них корзинки с огурцами, и, слава Всевышнему, это венды.

ДжО: Какие такие венды…

АЛ [*взрывается*]: Вы что? Гребаные венды! Маленькая славянская группа, их осталось всего шестьдесят тысяч, поэтому их охраняют даже в ГДР. Они разбросаны по берегам Шпрее. Сотни лет проживают в этих местах и выращивают гребаные огурцы. Вот кого бы вам завербовать. Господи!

[*Десятисекундная пауза. Он успокаивается.*]

АЛ: Я останавливаюсь и велю Тюльпан и Густаву оставаться в машине. Не шевелиться. Сам выхожу. Одна старушенция на меня поглядывает, а вторая вообще не смотрит. Я включаю обаяние. Вы, спрашиваю, говорите по-немецки? Вежливо так. Да, отвечает, но по-вендски еще лучше. Это она так шутит. Я спрашиваю, куда они едут. Автобусом до Люббенау, а потом поездом до Восточного вокзала в Берлине, чтобы сбыть огурцы. Там выше цены. Я начинаю плести хрень про Густава: разбитая семья, мать тронулась рассудком, мальчику надо вернуться к отцу в Берлин, не отвезут ли они его? Она

обсуждает это с подружкой на своем языке. А я про себя думаю: сейчас из-за холма вынырнет автобус, а они так и не придут к соглашению. Наконец она мне говорит, что они это сделают, если я у них куплю огурцы. Что, все? — спрашиваю. Да, отвечает, все. Если я у вас куплю все огурцы, говорю, то зачем вам тогда ехать в Берлин? Они от души смеются по-вендски. Я сую ей в руку пачку банкнот: это вам за огурцы, которые можете оставить при себе, а это мальчику на железнодорожный билет и еще, чтобы добраться до Хоэншёнхаузена. А вот и автобус, сейчас приведу мальчика. Я возвращаюсь в машину и велю Густаву выходить, но его мать сидит как изваяние, закрыв лицо рукой, поэтому он тоже не шелохнется. Тогда я ему *приказываю*, рычу на него, и он подчиняется. Я ему говорю: ты идешь со мной к автобусу, эти добрые женщины отвезут тебя на Восточный вокзал, а оттуда ты отправишься домой в Хоэншёнхаузен и будешь там ждать отца. Это приказ, товарищ. Он спрашивает, куда едет его мама и почему он не может

ехать с ней, и я отвечаю, что его мать ждет важная секретная работа в Дрездене и его долг как настоящего солдата, защищающего коммунизм, вернуться к отцу и продолжить борьбу. Что он и делает. [*Пятисекундная пауза.*] А что, блин, ему еще оставалось? Он вырос в партийной семье, папаша партийный босс, и ему шесть лет от роду, вынь да положь!

ДжО: А что Тюльпан?

АЛ: Сидит в гребаном «трабанте» и тупо пялится в ветровое стекло. Я сажусь за руль, проезжаю километр, останавливаюсь и вытаскиваю ее из машины. В небе жужжит вертолет. Кто знает, о чем себе думает этот хер. И где он взял вертушку, одолжил у русских? Слушайте, говорю я ей. Включите, блядь, мозги, потому что мы сейчас одно целое. То, что я отправил вашего отпрыска в Берлин, это еще полбеды. Главная только начинается. Через пару часов в Штази будут знать, что Дорис Квинц, урожденную Гамп, засекли неподалеку от Котбуса и что она едет на восток вместе со своим дружком. У них будет описание машины

и много чего еще. Тогда забудьте о том, чтобы на этой колымаге въехать в Чесло[22] по поддельным документам. С этой секунды каждое подразделение Штази и КГБ, каждый пропускной пункт от Калининграда до Одессы высматривает пегий пластиковый «трабант» с парочкой шпионов-фашистов. Надо отдать ей должное, она встречает мои слова с высоко поднятой головой. Больше никаких спектаклей. Просто спрашивает, какой у нас запасной вариант, на что я отвечаю: устаревшая карта контрабандистов, которую я прихватил в последнюю минуту, если повезет, глядишь, поможет нам пересечь границу пешочком. Она задумывается и затем спрашивает (для нее это как бой в клинче): «Если я с вами, когда я снова увижу моего сына?» Из чего я заключаю, что она всерьез подумывает о том, чтобы сдаться врагу и тем спасти жизнь мальчику. Тогда я хватаю ее за плечи и клянусь ей всеми святыми, что ее мальчишку обменяют на какого-

[22] Сноски: 22
Чехословакия.

нибудь гэдээровского агента, даже если мне придется сложить голову. Ну, мы-то с вами знаем, каковы шансы на такую… [*трехсекундная пауза*] твою мать!

* * *

Интересно, только ли из соображений экономии в дальнейшей расшифровке, которую сейчас читаю, я ушел от прямых показаний Алека и предпочел изложить их своими словами для большей… гм… объективности? После того как Алек передал мальчишку на попечение двум вендкам, он держался проселочных дорог, насколько позволял снежный покров. Он «слишком хорошо знал», какие опасности таит в себе эта местность. Она была напичкана военной разведкой и гэбэшными станциями перехвата, известными ему как свои пять пальцев. Он рассказывал, как они ехали по совершенно пустынным рокадным дорогам со снежным покровом в добрых шесть дюймов, ориентируясь исключительно по лесопосадкам. Он вздохнул с облегчением, когда они въехали в лес, но тут Тюльпан в ужасе вскрикнула. Она увидела бывший нацистский охотничий домик, куда местная элита привозит именитых иностранцев пострелять оленя и дико-

го кабана, а заодно хорошо поддать. Он в спешке двинулся в объезд, заблудился, но наконец разглядел вдалеке огонек фермы. Подъехав, Лимас постучал кулаком в дверь. Ему открыла испуганная крестьянка, сжимающая в руке нож. Узнав, как ехать дальше, он уговорил ее продать ему хлеба, колбасы и бутылку сливовицы. Возвращаясь в «трабант», он споткнулся о свисающий телефонный кабель, служащий, вероятно, для сообщения об угрозе пожара. На всякий случай перерезал его.

Вечер сгущался, снегопад усиливался, пегий «трабант» разваливался на глазах: «ручник, коробка передач, радиатор — все вот-вот накроется медным тазом, из-под капота отрыгиваются клубы дыма». Алек прикинул, что они находятся километрах в десяти от Бад-Шандау и в пятнадцати от пропускного пункта, если верить карте контрабандистов. Подтвердив местоположение с помощью компаса, он выбрал идущую на восток колею для лесовозов и ехал по ней, пока не уткнулся в снежный занос. Прижавшись друг к другу и коченея от холода, они ели хлеб с *Wurst*[23], пили сливовицу и провожали взгля-

[23] Сноски: 23
Колбаса *(нем.).*

дами оленя. Тюльпан, положив голову на плечо Алеку, в полусне томно описывала, как они с Густавом будут жить в Англии.

В Итон она его не отдаст. Она слышала, что английскими школами-пансионами руководят такие же педерасты, как его папаша. Она бы предпочла пролетарскую государственную школу со смешанным составом, мальчики и девочки, чтобы побольше спорта и без излишней строгости. Густав сразу по приезде начнет учить английский. Уж она проследит. На день рождения она ему купит английский велосипед. Она слышала, что в Шотландии очень красиво. Они будут там вдвоем кататься.

Она продолжала полусонно болтать в таком духе, когда Алек вдруг заметил, что «трабант» молча обступают четыре парня с калашниковыми. Они застыли, точно часовые. Приказав Тюльпан оставаться в машине, он открыл дверцу и медленно выбрался под их присмотром. На вид им всем не больше семнадцати, и они казались такими же оробевшими, как он. Перехватив инициативу, он напустился на них, дескать, какого черта они подкрались к влюбленной парочке? Сначала все молчали. Потом самый отважный объяснил, что они браконьеры, охотятся на дичь.

На что Алек заметил: вы молчите, и я молчу. В знак согласия все обменялись рукопожатиями, и парни тихо слиняли.

Рассвет был чистым, бесснежным. Вскоре взошло бледное солнце. Общими усилиями они столкнули пегий «трабант» со склона и присыпали ветками и снегом. Дальше пешком. Тюльпан в легких кожаных сапожках до колен, без протекторов. Рабочие башмаки Алека не намного лучше. Поскальзываясь и спотыкаясь, они подхватывали друг дружку. «Саксонская Швейцария», чудесный край волнистых снежных равнин и перелесков. На склонах холмов старые разрушенные дома, некоторые из которых превратили в летние сиротские приюты. Если верить карте, они двигались параллельно границе. Держась за руки, они взяли крутой склон, обогнули обледенелый пруд, и перед ними выросла горная деревня с деревянными домишками.

АЛ: Если карта не врала, мы были в Чесло — или уже покойники.

[*Звон стакана, звук наливаемой жидкости.*]

Но это лишь начало истории. А есть еще сопроводительные телеграммы, ходившие внутри

Цирка. И есть некая причина, почему, прослушав пленку, я сижу в таком напряжении на верхнем этаже Главного штаба Секретки в Мэрилебоне, далеко за полночь, в ожидании, что меня в любую минуту могут вызвать в Головной офис.

* * *

Салли Ормонд, супруга и заместитель главы пражского Центра Джерри, принадлежит к тому женскому типу — аристократичная, предприимчивая, — которым Цирк втайне восхищается. Частный женский колледж Челтенхем, отец во время Второй мировой служил в британской разведывательно-диверсионной службе, родные тетушки в Блетчли[24]. А еще заявляет о загадочных родственных связях, по мужу, с Джорджем Смайли, а он на это реагирует, я бы сказал, с благородной рисовкой.

Отчет Салли Ормонд, ЗГ/пражского Центра — Г/Секрет. [Смайли]. *Сугубо лично. Приоритет:* КРИЗИС

Приказ из Секретки предписывал нам

---

[24] Сноски: 24

Аристократический городок в графстве Бакингемшир в центре Англии. *(Прим. перев.)*

принять, поддержать и обеспечить безопасность переодетому офицеру Алеку Лимасу и совершившей побег женщине-агенту с документами гражданки ГДР, путешествующим на «трабанте» с восточногерманской регистрацией и ожидаемым в предрассветные часы.

Однако пражский Центр НЕ был предупрежден, что операция осуществляется вопреки инструкциям Лондонского управления. Мы могли только предполагать, что, после того как Лимас возьмет ситуацию под контроль, Головной офис согласится обеспечить оперативную поддержку.

Берлинский Центр (де Йонг) нас известил, что, оказавшись на чешской территории, Лимас доложит о благополучном прибытии: сделает анонимный звонок в визовый центр посольства и спросит, действует ли британская виза в Северной Ирландии. Автоответчик пражского Центра активирует записанное сообщение, что ему следует перезвонить в рабочие часы. Это станет подтверждением, что его сигнал получен.

После этого Лимас и Тюльпан любыми доступными способами доберутся до места между Прагой и аэропортом и припаркуются на подъездной дорожке, указанной на карте.

Согласно плану, подготовленному нашим Центром и одобренному Г/Секретки, пара покинет машину, а «шофер» из пражской сети ГОДИВА пригонит посольский микроавтобус (с дипломатическими номерами и затемненными боковыми стеклами), который регулярно возит посольский персонал в аэропорт и из аэропорта. Он и подберет их в условленном месте. На заднем сиденье будут лежать вечерние костюмы, приготовленные нашим Центром. Лимас и Тюльпан оденутся как официальные гости посла ее величества и под видом таковых проникнут в посольство, находящееся под круглосуточным наблюдением чешских охранников.

В 10.40 состоялось экстренное совещание в безопасном помещении посольства, на котором ее превосходительство посол [ЕП] любезно приняла этот план.

Однако в 16.00 по лондонскому времени, после консультаций с Министерством иностранных дел, она без извинений изменила свое решение на том основании, что беглая гражданка объявлена всеми средствами массовой информации ГДР государственной преступницей и что потенциальная угроза для дипотношений перевешивает предыдущие соображения.

В свете занятой ЕП позиции ни посольская машина, ни личный персонал не могли использоваться в плане побега. В результате я отключила голосовую запись на автоответчике визового центра, тем самым давая Лимасу понять, что рассчитывать на нашу помощь не приходится.

Я снимаю наушники. Мысленно я с Алеком, но не в уютном по-имперски британском посольстве в Праге, а на продуваемой обочине, где он замерзает вместе с Тюльпан, — ни поддержки, ни дипломатической машины, ни хера с хером, как любил выражаться Алек. Я вспоминаю его слова на протяжении всего нашего знакомства:

«Когда планируешь операцию, обмозгуй все варианты, как Служба может тебя подставить, и приди к тому единственному, о котором не подумал ты, зато подумала она». Я полагаю, что именно об этом он сейчас и размышляет.

> *АЛ* [*дословно, продолжение*]: Не дождавшись микроавтобуса и не услышав радостной реакции визового отдела, я подумал: вот он, Лондон, еб…сь он рогом, остается только уповать на себя. Пара несчастных восточных немцев стоит на обочине дороги, моя жена валится с ног. Ау, кто-нибудь! Я говорю Дорис, чтобы она для пущей жалости села на землю, и у нее это отлично получается. Через какое-то время останавливается грузовик с кирпичом, и водитель высовывает голову. Бог нас услышал: немец из Лейпцига интересуется, не приторговываю ли я сидящей на дороге красавицей. Нет, дружище, говорю, извините, но это моя больная жена. Ладно, говорит он, садитесь. И подбрасывает нас до госпиталя в центре города. В подкладку наплечной сумки у меня зашит на всякий пожарный

британский паспорт на имя Миллера. Я достаю его оттуда и сую в карман. Дорис, ты серьезно больна, говорю я ей. Ты беременна, и с каждой минутой тебе становится хуже. Так что сделай одолжение, выпяти живот и изобрази, насколько тебе худо. Чтобы они нас сразу впустили. Уж извини.

ДжО: А если поподробнее? [*Звук наливаемой жидкости.*]

АЛ: Господи. Хорошо. Мы идем по мощенной булыжником дорожке к воротам с красивым позолоченным гербом ее величества. У входа болтаются трое изнывающих от безделья чешских громил в серых костюмах. Возможно, вы их не заметили. Дорис разыгрывает перед ними спектакль, которому бы позавидовала Сара Бернар. Я машу перед их носом своим британским паспортом: скорей пустите нас! Эти пидоры требуют ее паспорт. Послушайте, говорю я им, включая свой лучший английский. Нажмите уже на блядскую кнопку звонка на стене и скажите им там, что у моей жены сейчас случится выкидыш, если

врач не примет ее немедленно. А если она разродится прямо на улице, это будет, черт подери, на вашей совести. У вас родные матери есть или нет? В общем, несу что-то в таком духе. И вдруг — абракадабра! — ворота открываются, и мы оказываемся во дворе британского посольства. Тюльпан держится за живот и благодарит святого покровителя за то, что уберег нас от зла. А в это время вы и ваша дорогая супружница вовсю извиняетесь за очередную грандиозную подставу от Головного офиса. Спасибо вам обоим за красивые расшаркивания, извинения принимаются. А теперь, с вашего позволения, я завалюсь спать.

Дальше продолжает Салли Ормонд.

Отрывок из рукописного послания Салли Ормонд, ЗГ/пражского Центра, лично Г/Секрет. [Смайли], *по внутренней почте. Приоритет: КРИЗИС*

И вот бедная Тюльпан с Алеком оказались на территории посольства, тут-то и началось самое интересное. Я всерьез

считаю, что посольство и Форин-офис были бы только рады, если бы ее передали в руки властей ГДР и дело было бы закрыто. Посольша с самого начала не собиралась ее пускать «к себе в дом», пусть это и не грозило никакими юридическими последствиями. Она специально переселила двух охранников в главное здание, чтобы запихнуть бедняжку Тюльпан в комнаты для прислуги, более надежные с точки зрения безопасности. Но *на самом деле* у нее были другие резоны, и она ясно дала нам это понять. В безопасном помещении нас было четверо: ее превосходительство, Артур Лансдаун, ее очень-очень личный секретарь, мой дорогой супруг и я. Алека ЕП категорически невзлюбила, о чем подробнее ниже, да и все равно он в это время утешал Тюльпан в служебке.

И в качестве P. S., Джордж, позвольте напеть вам в ухо.

Безопасное помещение в посольстве жутко душное и потенциально вредное для здоровья, о чем я без толку толкую администам ГО. Кондиционеру Микки-Мауса

окончательно пришел капут. Он работает на *вдох*, а не на *выдох*, но, если верить Баркеру (главный вредитель Админа), вот уже два года как нет запчастей. А поскольку никто в ФО не считает нужным прислать нам новое оборудование, все поджариваются и задыхаются. На той неделе бедняга Джерри в самом деле чуть не задохнулся, но разве он признается! Я уже миллион раз предлагала сделать безопасное помещение зоной ответственности Цирка, но кое-кто считает, что это стало бы нарушением *территориальных прав* нашего ФО!!!

Если вы сможете, не называя имен, повлиять на Админ (только НЕ на Баркера!), буду вам премного благодарна. Джерри присоединяется к моим изъявлениям любви и вассальной преданности, вам и отдельно Энн.

С

Срочная сверхсекретная телеграмма от британского посла в Праге, лично сэру Элвину Уизерсу, Г/Восточно-европейского департамента ФО, копия в Цирк, Лондонское управление). Протокол кризисного

совещания в безопасном помещении посольства, 21.00. *Присутствовали: ЕП посол (Маргарет Ренфорд), Артур Лансдаун, личный секретарь ЕП, Джерри Ормонд (Г/Центра), Салли Ормонд (ЗГ/Центра)*

Цель совещания: обеспечение и отправка временного резидента посольства. Приоритет: КРИЗИС

Дорогой Элвин,

в результате нашего утреннего телефонного разговора по безопасной линии мы пришли к общей договоренности о следующей процедуре касательно дальнейшего путешествия нашей незваной гостьи (ННГ):

1. ННГ отправится в пункт назначения, как нас заверили наши Друзья, по действующему небританскому паспорту. Это предвосхитит обвинения чешских властей, что наше посольство раздает паспорта случайным лицам любой национальности, желающим избежать правосудия в ГДР/ЧССР.

2. Во время отъезда ННГ не будет оказывать содействия и не будет сопровождать

или транспортировать никто из дипломатического и недипломатического персонала посольства. Для ее эксфильтрации не будет использовано транспортное средство с дипломатическими номерами. Ей не станут выдавать подложные британские документы.

3. Если ННГ в какой-то момент заявит, что она находится под защитой британского посольства, это будет немедленно и во всеуслышание опровергнуто как нами, так и Лондоном.

4. ННГ покинет посольство в течение трех рабочих дней либо будут рассмотрены другие шаги по ее вывозу, включая передачу чешским властям.

Мой телефон звонит, красная лампочка мигает. Тоби-Сука-Эстерхейзи, подручный Перси Аллелайна и Билла Хейдона, орет на меня со своим сильным венгерским акцентом, чтобы я пошустрей доставил в Головной офис свою сладкую задницу. Посоветовав ему не распускать язык, я вскакиваю на мотоцикл, стоящий наготове перед парадным входом.

Протокол чрезвычайного совещания

в безопасном помещении Лондонского управления на Кембридж-сёркус. Председательствует: Билл Хейдон (Г/ЛУ). Присутствуют: полковник Этьен Жаброш (военный атташе французского посольства в Лондоне, глава французского координационного отдела по вопросам разведки), Жюль Пюрди (французское направление ЛУ), Джим Придо (балканское направление ЛУ), Джордж Смайли (Г/Секрет.), Питер Гиллем (ЖАК).

Протокол ведет: Т. Эстерхейзи. Записано на магнитофон, выборочно расшифровано дословно. Копия немедленно доставлена Г/пражского Центра.

Пять утра. Вот меня и вызвали на ковер. Я приехал в Мэрилебон на мотоцикле. Джордж пришел прямиком из Казначейства. Он небрит и выглядит озабоченным больше обычного.

— Ты вправе сказать «нет» в любой момент, Питер, — заверил он меня дважды. Он уже описал операцию как «излишне усложненную», но главное, чем он озабочен, как ни старается это скрыть: план операции разработан совместными усилиями Лондонского управления. В безопас-

ном помещении за длинным фанерным столом нас сидит шестеро.

Жаброш: Билл, мой дорогой друг. Мое начальство в Париже требует заверений, что твой месье Жак способен без помощи продержаться на своей маленькой французской ферме.

Хейдон: Скажи ему, Жак.

Гиллем: Полковник, я бы на вашем месте не волновался.

Жаброш: Даже в присутствии экспертов?

Гиллем: Я вырос на ферме в Бретани.

Хейдон: Разве Бретань находится во Франции? Жак, ты мне открыл глаза.

[*Смех.*]

Жаброш: Билл, с твоего позволения.

Перейдя на французский, полковник Жаброш оживленно обсуждает с Гиллемом сельскохозяйственную индустрию в стране с особым упором на северо-западный регион Франции.

Жаброш: Билл, я удовлетворен. Он прошел экзамен. Он даже говорит как

бретонец, бедолага.

[*Опять смех*.]

Хейдон: Но сработает ли это, Этьен? Ты правда можешь взять его на борт?

Жаброш: На борт — да. А вот сойдут ли они на берег, будет зависеть от месье Жака и его спутницы. Времени у вас в обрез. Под списком французских делегатов уже подводили черту. Мы это дело приостановили на пару часов. Пускай месье Жак особенно не засвечивается на конференции. Мы включим его в список, он туда приедет по коллективной визе — и сразу заболеет, а появится уже в последний день. В толпе из трехсот иностранных делегатов он будет не слишком заметен. Вы говорите по-фински, месье Жак?

Гиллем: Слабовато, полковник.

Жаброш: Я думал, все бретонцы говорят по-фински. [*Смех*.] А наша дама по-французски?

Гиллем: Насколько нам известно, только немецкий и русский на школьном уровне.

Жаброш: Зато вы утверждаете, что она дама с размахом. Видная. Устремленная.

Хорошо одевается.

Смайли: Жак, ты же ее видел?

Я ее видел одетой и раздетой. Выбираю первый вариант.

Гиллем: У нас была только передача из рук в руки. Но она производит впечатление. Хорошо конспирируется, быстро соображает. Творческая натура. Смелая.

Хейдон: Господи. Кому нужна ее творческая натура? Женщина должна исполнять, что ей приказали, и помалкивать, не так ли? Так да или нет? Жак?

Гиллем: Если Джордж за, то и я за.

Хейдон: А что думает Джордж?

Смайли: Если Лондон и полковник обеспечивают необходимую поддержку в поле, то Секретка готова пойти на риск.

Хейдон: Что ж, звучит сладкоречиво, я бы сказал. Значит, вперед. Этьен, я правильно понимаю, что вы обеспечите месье Жака французским паспортом и дорожными документами. Или вы предпочитаете, чтобы это сделали мы?

Жаброш: Наши лучше. [*Смех.*] Имейте в виду, Билл, что если все пойдет вразнос,

мое правительство будет шокировано тем, что вероломная британская секретная служба поощряет своих агентов изображать из себя французских граждан.

Хейдон: Мы будем это категорически опровергать и принесем свои извинения. [*Обращается к Придо.*] А ты, Джим-бой, что скажешь? Ты что-то подозрительно молчишь. Чесло ведь твоя делянка. Ты рад, что мы ее хорошо потопчем?

Придо: Я не возражаю, если ты об этом.

Хейдон: Хочешь что-нибудь добавить или убавить?

Придо: Вот так, с ходу, нет.

Хейдон: О'кей, джентльмены. Всем спасибо. Операция состоится, так что за дело. Жак, мысленно мы с тобой. Этьен, задержитесь на пару слов?

Но Джордж от своих предубеждений так просто не отказывается, смотрите продолжение сериала. Время пошло. Через шесть часов я должен покинуть Прагу.

ПГ — Г/Секрет.

Джордж,

в личном разговоре ты меня попросил выложить мои наработки в качестве агента-полевика, временно перешедшего под командование Лондонского управления, в Хитроу, терминал № 3. На первый взгляд, ОРП[25] — обычный убогий аэропортовский кабинет в конце не подметаемого коридора. На застекленной двери написано «Стыковка грузоперевозок», звонить в интерком. Внутри гнетущая атмосфера: задроченные курьеры играют в карты, женщина ругается по-испански в телефонную трубку, сортировщица отрабатывает вторую смену, потому что ее сменщица заболела, клубы сигаретного дыма, переполненные пепельницы и только одна кабинка для переодевания, так как во второй еще не повесили новую занавеску.

То, что мне устроили прием, явилось для меня полной неожиданностью. Аллелайн, Бланд, Эстерхейзи. Для полного комплекта не хватало лишь Билла Х. Все

[25] Сноски: 25
Офис руководителя полетов.

якобы пришли меня проводить и пожелать удачи. Аллелайн, как всегда, в первых рядах, с помпой вручил мне французский паспорт и визитку участника конференции с подачи Жаброша. Эстерхейзи с не меньшей торжественностью преподнес мне дорожный чемодан со всем реквизитом: приобретенная в Ренне одежда, сельскохозяйственные справочники, история о том, как Франция построила Суэцкий канал (для легкого чтения) и т. п. Рой Бланд решил сыграть роль старшего брата и с хитрой улыбочкой спросил меня, кого следует известить, если моя командировка на несколько лет затянется.

Но истинная причина такого внимания была очевидна. Они желали побольше узнать о Тюльпан: откуда она родом, давно ли на нас работает, кто ее «ведет»? И совсем удивительное случилось, когда я, отбившись от их вопросов, переодевался в кабинке, и тут из-за занавески просунулась голова Тоби, который передал мне персональное обращение Билла: «Если устанешь от дяди Джорджа, ты можешь стать Главой парижского Центра». Мой ответ был уклончивым.

Питер

А теперь познакомьтесь с Джорджем в роли самого большого педанта оперативной службы, озабоченного тем, чтобы закрыть все мыслимые прорехи в заведомо неряшливом планировании Лондонского управления:

Оповещение от Г/Секрет. [Смайли] — *Г/пражского Центра* [Ормонду]

Совершенно секретно, Мэйфлауэру. *Приоритет:* КРИЗИС

1. Финский паспорт для передаточного источника Тюльпан прибудет завтра

нарочным на имя Вени Лессиф, родилась в Хельсинки, эксперт по питанию, замужем за Адрианом Лессифом. В паспорте проставлена чешская въездная виза, по датам совпадающая с коммунистической конференцией «Область мира», спонсируемой Францией.

2. Питер Гиллем прибывает в пражский аэропорт рейсом 412 «Эйр Франс» завтра утром в 10.40 по местному времени, гражданин Франции с паспортом на имя Адриана Лессифа, приглашенный лектор по аграрной экономике в Реннском университете. Его чешская въездная виза также совпадает по датам с конференцией, на которой он не появится под предлогом болезни. Оба Лессифа включены в список участников: активный участник (временно отсутствующий) и его супруга.

3. Тем же нарочным будут доставлены два авиабилета для Адриана и Вени Лессиф на рейс «Эйр Франс» Прага — Париж, Ле-Бурже, вылетающий в 6 утра 28 января. В базе данных «Эйр Франс» подтверждается, что супружеская чета

прилетела в Прагу порознь и в разные даты, а возвращается в Париж в составе академической группы.

4. Номер для профессора и мадам Лессиф забронирован в отеле «Балканы», где проведет ночь вся французская делегация перед ранним утренним рейсом в парижский Ле-Бурже.

В ответ Салли Ормонд не упустила случая выразить свои восторги:

Отрывок из второго персонального письма Салли Ормонд Джорджу Смайли, с пометкой «Строго лично и приватно, не для официального оглашения»

После получения вашего на редкость ясного сигнала, что и подтверждаю настоящим письмом, мы с Джерри решили, что я должна пойти и подготовить Тюльпан к отъезду из посольства и предстоящим испытаниям. Я пересекла двор и вошла в пристройку, а затем в комнату, где ее поселили: двойные портьеры на окне, выходящем на улицу, походная кровать непосредственно перед спальней и дополнительный охранник из канцеляр-

ского отделения в прихожей на случай непрошеных гостей.

Тюльпан сидела на кровати, а Алек обнимал ее за плечи, но, кажется, она его не замечала, а только тихо всхлипывала, как будто икала.

Я сразу взяла ситуацию под контроль и, как и планировалось, послала мальчиков (Алека и Джерри) прогуляться вдоль реки и подышать свежим воздухом. Поначалу, с учетом моего немецкого, застрявшего на базовом уровне, я никак не могла к ней подступиться, хотя, думаю, язык тут ни при чем: она почти не говорила и тем более не слушала. То и дело она шептала «Густав», и, прибегнув к языку жестов, я поняла, что это не ее *Mann*, а ее *Sohn*[26].

Наконец мне удалось ей втолковать, что завтра она покинет посольство, а дальше ей предстоит непрямой перелет в Англию, и что она включена во французскую туристическую группу, состоящую из ученых и агрономов. Ее первая, и вполне ожидаемая, реакция: но ведь

---

[26] Сноски: 26
Муж, сын *(нем.).*

я не знаю ни слова по-французски! Я сказала, что это не важно, поскольку она будет финка, а по-фински вообще никто не говорит, не так ли? А вторая реакция: вот в этом? Тут я распаковала блестящий гардероб, который парижский Центр прислал нам, словно на ковре-самолете: великолепный костюм ячменной расцветки от фирмы *Printemps*, чудные туфельки точно по ноге, соблазнительные ночнушка и нижнее белье, умопомрачительная косметика — сколько же они в это вбухали денег! — все то, о чем последние двадцать лет она могла только мечтать, сама того не осознавая, и отличные дорожные бирки из Тура для завершения иллюзии. А еще очаровательное обручальное кольцо, от какого я бы тоже не отказалась, и впечатляющее золотое свадебное колечко, не сравнить с ее пошлым оловянным. Конечно, все это после приземления подлежит возврату, но я посчитала, что сейчас говорить ей об этом не время!

И вот тут она *включилась*. В ней проснулась профессионалка. Она внимательно

изучила свой новый паспорт (на самом деле не такой уж новый) и вслух его одобрила. А когда я сказала, что ее будет сопровождать галантный француз под видом ее супруга, она нашла это разумным и поинтересовалась, как он выглядит.

Я, как было мне предписано, показала ей фотографию Питера Г., которую она разглядывала, я бы сказала, на удивление *бесстрастно*, притом что подставные мужья бывают гораздо хуже нашего ПГ. Наконец она поинтересовалась: «Он француз или англичанин?» На что я ответила: «В одном лице, так же как вы финка и француженка». И тут она, представляете, дико расхохоталась!

А вскоре мужчины вернулись с прогулки, и, так как лед тронулся, мы приступили к серьезному брифингу. Она слушала внимательно и спокойно.

К концу посиделок у меня сложилось ощущение, что вся эта затея ей нравится и в каком-то смысле даже забавляет. Опасность ее возбуждает, подумала я, и *в этом* она очень похожа на Алека!

Будьте здоровы, и, как всегда, мои самые теплые пожелания прекрасной Энн.

С

* * *

Не делай никаких резких или неуместных телодвижений. Держи руки и плечи в прежнем положении. Дыши ровно. Пепси снова воцарилась на троне и не сводит с тебя глаз, но влюбленностью это не назовешь.

* * *

Отчет Питера Гиллема о временном участии в операции Секретки по эксфильтрации передаточного источника ТЮЛЬПАН *из Праги в парижский Ле-Бурже с последующей доставкой самолетом-истребителем ВВС в Лондон, аэропорт Нортхолт,* 27 *января* 1960 *г.*

Я приземлился в аэропорту Праги в 11.25 по местному времени (рейс был задержан) как приглашенный лектор по вопросам аграрной экономики в Университете Ренна.

Как я понимаю, благодаря французскому каналу связи организаторы конференции были поставлены в известность о моем запоздалом приезде по причине болезни, и мое имя было включено в список участников в интересах чешских властей.

В подтверждение моих честных намерений я был встречен культурным атташе французского посольства, который воспользовался дипломатическими полномочиями для ускорения таможенной процедуры и выступил в качестве моего переводчика, так что все прошло сравнительно легко.

Затем он доставил меня на служебном автомобиле во французское посольство, где я расписался в книге посетителей, после чего на другой служебной машине меня отвезли на конференцию, а в зале за мной было зарезервировано место в заднем ряду.

Конференц-зал, весь в золоте, чем-то напоминал оперный зал, хотя был построен как Центральный дом железнодорожника и вмещает до четырехсот делегатов.

Охрана довольно условная. Посередине величественной парадной лестницы две замученные женщины, говорящие только по-чешски, сидя за столиком, отмечали в списках фамилии делегатов из полутора десятка стран. Сама конференция проходила в форме семинара: выступления экспертов на сцене и дирижируемые реплики из зала. От меня ничего не требовалось. Я был впечатлен тем, как французский канал связи в такой короткий срок успел возвысить меня в глазах чешской охраны и делегатов: по крайней мере двое из них очевидно были наслышаны о моем вкладе, ибо специально разыскали меня, чтобы пожать мне руку.

В 17.00 конференцию закрыли и всех французских делегатов отвезли на автобусе в «Балканы», маленькую старомодную гостиницу, целиком отданную в наше распоряжение. На стойке регистрации я получил ключ от восьмого номера, обозначенного как «семейный», — для меня и моей номинальной супруги. Я сел за центральный стол в баре рядом со сто-

ловой в ожидании приезда «жены».

Я представлял себе общую картину следующим образом: из британского посольства на подставной неотложке ее вывезут за город, в конспиративный дом, а уже оттуда каким-то другим транспортным средством доставят в гостиницу.

Вот почему я был впечатлен, когда она приехала в автомобиле с французскими дипломатическими номерами в сопровождении того самого культурного атташе, который встречал меня в пражском аэропорту. Хочу лишний раз подчеркнуть сообразительность и сноровку французского канала связи.

Тюльпан под именем Вени Лессиф фигурирует в списке как супруга делегата, прибывшая на конференцию *in absentia*[27]. Ее красота и модный вид вызвали в гостинице оживление среди французов, а два делегата, запросто поболтавшие со мной во время конференции, приветствовали ее и заключили в объятия, как старую подружку. Она при-

[27] Сноски: 27
В отсутствие, т. е. не в качестве участника *(лат.)*.

нимала их комплименты с достоинством, на ломаном немецком, который позже стал нашим языком общения, хотя мой немецкий оставляет желать лучшего.

После ужина в компании двух французских делегатов, идеально сыгравших свои роли, мы не стали засиживаться в баре, а поднялись к себе в номер, где по молчаливому уговору свели беседу к банальностям, согласующимся с нашим статусом, так как нельзя было исключить прослушки и даже скрытых камер в гостинице для иностранцев.

К счастью, номер был большой, с несколькими кроватями и двумя умывальниками. Полночи нам пришлось слушать доносившуюся снизу громкую болтовню делегатов, которые потом еще и запели.

Мне кажется, что ни я, ни Тюльпан так и не сомкнули глаз. В 4 утра все снова собрались вместе, и нас отвезли на автобусе в аэропорт, где чудесным образом, как это видится мне задним числом, нас всех скопом провели в транзитный зал, а оттуда в самолет «Эйр Франс» и пря-

миком в Ле-Бурже. Еще раз рассыпаюсь в благодарностях французскому каналу связи.

Как следующая запись попала в мой отчет, на секунду меня озадачило, но потом я заключил, что, видимо, вставил ее для отвлечения внимания.

Личное, конфиденциальное, написанное от руки письмо Джорджу Смайли от Джерри Ормонда, Г/пражского Центра. НЕ для регистрации

Дорогой Джордж,

что ж, птичка улетела, к общему вздоху облегчения, как вы можете себе представить, и к настоящему моменту обрела безопасный, если не счастливый, приют в Замке Тюльпан, где-то в Англии. Ее отлет, он же побег, прошел достаточно гладко, если не считать того, что Йона, сучок такой, в последний момент запросил $ 500 в качестве прибавки к зарплате за то, чтобы увезти Тюльпан из посольства в своей неотложке. Но я вам пишу не по поводу Тюльпан и уж тем более

Йоны. А по поводу Алека.

Вы часто говаривали в прошлом, что мы как профессионалы, связанные секретностью, должны проявлять бдительность в отношении друг друга. Что означает взаимную осмотрительность. И если один из нас под действием стресса начинает сдавать и этого не замечает, то наш долг защитить его от самого себя и тем самым защитить Службу.

Алек абсолютно лучший полевик из всех, кого мы с вами знаем. Смекалистый как черт, преданный делу, бывалый, умелый. Только что на моих глазах он ловко провернул рискованнейшую операцию, да еще за спиной Лондонского управления, нашего уважаемого посла и тетрархов из Уайтхолла. Поэтому когда он в один присест осушает три четверти бутылки виски, а потом устраивает разборку с охранником архива, который ему чем-то не приглянулся, мы делаем ему скидку, и еще парочку.

Но у нас с ним была двухчасовая прогулка вдоль реки, до замка и назад в посольство. На трезвую голову. И все это

время он не слезал с одной темы: в Цирке сидит «крот». И не какой-то там мелкий клерк с долгами по закладной, а на самой вершине Лондонского управления, где принимаются решения. И это не просто пчелка завелась у него в голове, это целый улей. Вся картина искажена, никаких фактов, настоящая паранойя, да еще помноженная на животную ненависть ко всему американскому. Мне было трудно, мягко говоря, поддерживать этот разговор, меня охватывала сильнейшая тревога за него. И вот, следуя законам нашей профессии, сформулированным не кем-нибудь, а вами, со всей нежностью и уважением я должным образом докладываю о своей озабоченности.

Всегда ваш,
Джерри

P. S. Передайте Энн, как всегда, мои неизменные восхищение и любовь.
Дж

Тут розетка от Лоры — знак, что надо остановиться.

* * *

— Приятное чтение?

— Я бы сказал, терпимое, Кролик.

— Да вы же сами это и написали, а? Что, тряхануло? Столько лет прошло!

Сегодня с ним пришел дружок — элегантный блондин с застывшей улыбкой, ничего живого.

— Питер, это Леонард, — торжественно представляет его Кролик, как будто я обязан знать, с кем имею дело. — Леонард выступит адвокатом Службы в суде, если наше мелкое дельце дойдет до суда, но мы все очень надеемся, что этого не случится. Он также выступит от нас на предварительных слушаниях всепартийной парламентской группы на следующей неделе. Где и вам, как вы знаете, предписано появиться. — Гаденькая ухмылка. — Знакомьтесь. Леонард. Питер.

Мы пожали друг другу руки. Ладонь у адвоката оказалась нежная, как у ребенка.

— Если Леонард представляет Службу, то что он делает в моей компании? — осведомляюсь я.

— Поглядите друг другу в глаза, — успокаивает меня Кролик. — Леонард у нас адвокат-черно-книжник. — Увидев мои полезшие вверх брови,

поясняет: — Он знает все правовые закорючки, даже те, которых вы не найдете ни в одном кодексе. Рядом с ним мы, рядовые юристы, бледная тень.

— Полно вам, — смущается Леонард.

— А если вам, Питер, интересно, почему сегодня отсутствует Лора, хотя почему-то вы не спрашиваете, то вот мой ответ. Мы с Леонардом решили, что для всех будет лучше, включая вас, если мы устроим мальчишник.

— Это как надо понимать?

— Такт в лучших старых традициях. Уважение к тайнам вашей личной жизни. Ну и надежда, что мы наконец услышим от вас правду. — Игривая улыбочка. — Что позволит Леонарду выработать правильную тактику. Я все правильно сказал, Леонард? Ничего лишнего?

— Все правильно.

— И, конечно, подробнее обсудим, не понадобится ли лично *вам* правовая защита, — продолжает Кролик. — Например, при неблагоприятном раскладе, если всепартийцы на цыпочках уйдут со сцены — что уже бывало, как мы знаем, — и оставят вас один на один со слепой Фемидой. И нас заодно.

— Как насчет черного пояса? — предлагаю я.

Моя острота проходит незамеченной. Или, возможно, ее отмечают про себя как свидетельство моей повышенной нервозности.

— На этот случай у Цирка есть короткий список достойных кандидатов — *приемлемых* кандидатов, я бы уточнил, — и Леонард, насколько я понимаю, готов сориентировать нашего Питера, если до этого дойдет дело, но мы очень надеемся и молимся, чтобы не дошло. — Тут он обменивается с Леонардом улыбкой из серии «мы-то с вами понимаем, о чем говорим».

— Истинно так, Кролик. Но беда в том, что мало кто из нас сейчас *свободен*. Мне кажется, Гарри отлично бы подошел, согласны? Он подал на мантию королевского адвоката, и судьи от него в восторге. Так что лично я — хотя выбор, естественно, за вами — порекомендовал бы Гарри. Он мужчина, а в суде любят, когда мужчину защищает мужчина. Даже если не отдают себе в этом отчета.

— Кто оплачивает его услуги? — спрашиваю я. — Или это она?

Леонард прячет улыбку в ладошки. За него отвечает Кролик:

— Я думаю, Питер, в конечном счете все будет зависеть от *направления* слушаний, ну и, скажем

так, вашего поведения и вашей лояльности к старой доброй Службе.

Леонард делает вид, что всего этого не слышит, продолжая улыбаться собственным ладошкам.

— Короче, Питер. — Кролик произносит это так, словно сейчас нам предстоит самое простое. — Да или нет. — Его глаза превращаются в щелки. — Между нами, мужчинами. Вы трахали Тюльпан?

— Нет.

— Категорически?

— Категорически.

— Бесповоротное «нет», здесь и сейчас, в присутствии пятизвездного свидетеля?

— Кролик, вы меня простите. — Леонард поднял руку, вроде как протестующе, но по-дружески. — Мне кажется, вы упустили из виду букву закона. С учетом судебного долга и моих обязательств перед клиентом в качестве его поверенного я никак не могу быть свидетелем.

— Хорошо. Еще раз, Питер, если позволите. *Я, Питер Гиллем, не трахал Тюльпан в пражской гостинице «Балканы» в ночь перед ее эксфильтрацией в Соединенное Королевство.* Правда или ложь?

— Правда.

— Для нас это большое облегчение, сами понимаете. Особенно если иметь в виду, что вы, кажется, перетрахали все, что движется.

— Огромное облегчение, — соглашается с ним Леонард.

— Тем *более* что первое правило Службы, у которой не так-то много правил, гласит, что действующий офицер никогда, ни при каких обстоятельствах не должен трахать собственных пехотинцев, как вы их называете, даже из вежливости. Чужих пехотинцев, в интересах оперативной задачи, да, в любое время года. Но не собственных. Вам это правило известно?

— Да.

— А в ту ночь оно было вам известно?

— Да.

— Вы согласны с утверждением, что если бы вы ее *трахнули*, чего вы не сделали, как мы знаем, то это было бы не только вызывающим нарушением дисциплины, но еще и очевидным примером ваших дурных наклонностей и отсутствия самоконтроля, а также игнорированием уязвимости беглой матери в чрезвычайных обстоятельствах, которую только что лишили ее единственного сына? Вы согласны с таким утверждением?

— Да, согласен.

— Леонард, у вас есть вопросы?

Тот пощипывает красивую нижнюю губу кончиками пальцев и хмурится, не морща лба.

— Знаете, Кролик, это может показаться ужасно грубым, но у меня, похоже, нет вопросов, — признается он с задумчивой, недоумевающей улыбкой. — После всего сказанного. Мне кажется, *pro tem*[28] мы продвинулись настолько, насколько это возможно. И даже дальше. — Тут он доверительно обращается ко мне. — Я вам пришлю этот краткий список, Питер. Только я вам про Гарри не говорил ни слова. Нет, пожалуй, я передам его Кролику. Тайный сговор, — пояснил он, наградив меня очередной ласковой улыбкой, и потянулся к черному дипломату, давая понять, что затяжное собеседование, которого я ждал, закончилось. — Я, правда, все равно считаю, что адвокат-мужчина предпочтительнее. — Эта реплика в сторону адресовалась Кролику. — Когда дело доходит до неприятных вопросов, у мужчины есть маленькое преимущество. Меньше пуританства. Увидимся на всепартийной гулян-

---

[28] Сноски: 28
На данный момент *(лат.)*.

ке, Питер. *Tschüss*[29].

* * *

Трахал ли я ее? Да нет же, черт бы их побрал. Мы любили друг друга, молча, страстно, в кромешной темноте, в течение шести часов, которые переворачивают жизнь, и это был взрыв накопившегося напряжения и вожделения двух тел, желавших друг друга со дня появления на свет и получивших на всё про всё одну-единственную ночь.

И я должен был им *открыться?* Я задаю себе этот вопрос в подсвеченных оранжевым бликом сумерках, лежа без сна на своей тюремной койке на Долфин-сквер.

Я, которого с пеленок учили отрицать, отрицать и снова отрицать — учила та самая Служба, которая теперь пытается вытянуть из меня признания?

* * *

— Ты хорошо спал, Пьер? Ты собой доволен? Произнес хорошую речь? Сегодня возвращаешься

---

[29] Сноски: 29
Пока *(нем.).*

домой?

Видимо, я ей сам позвонил.

— Как Изабель? — спрашиваю я.

— Красавица. Скучает по тебе.

— Он приходил опять? Мой невежливый приятель?

— Нет, Пьер, твой друг-террорист больше не приходил. Вы с ним смотрели футбол?

— Это в прошлом.

Глава 9

Я не обнаружил в досье ни слова — и, слава богу, ничего такого там не было — о днях и ночах, можно сказать, целой вечности, проведенной мной в Бретани, после того как туманным утром в Ле-Бурже, в 7.00, я передал Дорис из рук в руки Джо Хоксбери, главе парижского Центра. Когда наш самолет приземлился и по громкой связи объявили, что ожидают профессора Лессифа с супругой, я был готов воспарить от облегчения. А когда мы бок о бок спускались по трапу и я увидел черный «ровер» с дипломатическими номерами, где за рулем сидел Хоксбери, а сзади его молодая помощница из Центра, у меня радостно забилось сердце.

— А где мой Густав? — Дорис вцепилась в мою руку.

— Все будет хорошо. Это произойдет. — Я, как попугай, повторял пустые заверения Алека.

— Когда?

— Как только представится возможность. Они хорошие люди, сама увидишь. Я тебя люблю.

Помощница открыла перед ней заднюю дверь.

Услышала ли она меня? Это безумное признание, которое выкрикнул мой внутренний голос. Не важно, что по официальной версии она не говорила по-немецки. Каждому дураку знакомо *Ich liebe Dich*[30]. Я направил Дорис к машине. Она неохотно влезла на упругое сиденье. Женщина уселась рядом и захлопнула дверцу. Я устроился впереди рядом с Хоксбери.

— Хорошо долетели? — спросил он, устремляясь за джипом с включенным сигнальным маячком.

Мы заехали в ангар. В полумраке двухмоторный самолет ВВС медленно вращал пропеллерами. Помощница выскочила из машины. Дорис сидела, бормоча что-то непонятное по-немецки. Мои безумные слова, кажется, не произвели на нее никакого впечатления. Возможно, она их не услышала. Или я их не произнес вслух. Помощница попыталась ее развеселить, но безуспешно. Я сел рядом и взял ее за руку. Она вжалась головой в мое плечо. За всем этим Хоксбери наблюдал в зеркальце заднего вида.

— *Ich kann nicht*[31], — прошептала она.

---

[30] Сноски: 30
Я тебя люблю *(нем.).*

[31] Сноски: 31
Я не могу *(нем.).*

— *Du must.*[32] Все будет хорошо. *Ganz ehrlich*. Честное слово.

— *Du kommst nicht mit?*[33]

— Позже. После того как они с тобой поговорят.

Я вышел из машины и протянул ей руку. Она ее проигнорировала и сама выбралась наружу. Нет, она меня не услышала. Почти наверняка. К нам подходит дама в летной форме с бейджиком на груди. Дорис, зажатая между Хоксбери и дамой, позволяет себя увести к самолету. Подойдя к трапу, она останавливается, бросает взгляд наверх и, взяв себя в руки, начинает подниматься, держась обеими руками за поручни. Я все жду, что она обернется. Дверца в кабину пилота закрывается.

— Вот и всё, — бросает Хоксбери, не поворачивая голову в мою сторону. — Весточка от начальства: браво, вы сделали большое дело, теперь поезжайте домой в Бретань, отдыхайте и ждите вызова Самого. Вокзал Монпарнас вас устроит?

— Да, спасибо.

Может, братец Хоксбери, ты и любимчик Лон-

---

[32] Сноски: 32
Ты должна *(нем.).*

[33] Сноски: 33
Ты со мной не едешь? *(нем.)*

донского управления, но это не помешало Биллу Хейдону предложить мне твое место.

* * *

По сей день мне трудно описать бурю противоречивых эмоций, которые я испытал по возвращении на ферму, разбрасывал ли я с трактора навоз в поле или как-то еще демонстрировал, кто здесь хозяин. Не успевал я окунуться в ощущения той ночи, слишком мимолетные, чтобы их как-то определить, как тут же приходил в ужас от чудовищной безответственности моего маниакального, безрассудного поведения и от слов, которые я то ли произнес, то ли нет.

Вспоминая, как мы в тишине и мраке сжимали друг друга в объятиях, я пытался убедить себя, будто наша бурная любовь — всего лишь плод моего воображения, иллюзия, вызванная страхом, что в любую минуту чешская служба безопасности может выломать дверь в наш номер. Но достаточно было одного взгляда на характерные синяки, сохранившиеся на моем теле, чтобы понять, как я себя обманываю.

И никакое воображение не нарисовало бы мне картинку, когда, едва лишь забрезжил рассвет, а между нами так и не было произнесено ни сло-

ва, она постепенно от меня отлипла и встала передо мной, как такой голый часовой, повторив позу на болгарском пляже, а потом начала прикрывать наготу своими шикарными французскими тряпочками, так что вскоре глазу уже не на чем было задержаться, кроме приличной рабочей юбки и черного жакета, застегнутого на все пуговицы… вот только я желал ее пуще прежнего.

Пока она одевалась, триумф или желание, то, чем светилось ее лицо, куда-то ушло, и мы снова стали чужими, так она решила: сначала в автобусе, когда мы ехали в пражский аэропорт и она отказалась взять меня за руку, а потом во время рейса в Париж, когда по непонятным мне причинам мы оказались в разных рядах, но вот самолет приземлился, и в проходе наши руки снова нашли друг друга — чтобы через пару минут расстаться.

Во время утомительной тряски до Лорьяна — скоростных поездов в те дни еще не было — случился эпизод, который задним числом наполняет меня ощущением надвигающегося кошмара. Прошел какой-нибудь час с тех пор, как мы выехали из Парижа, когда поезд вдруг резко затормозил без всяких объяснений. Снаружи донеслись при-

глушенные голоса, а затем одиночный вскрик — мужской или женский, я так и не понял. Мы все ждали. Одни переглядывались. Другие решительно не отрывались от книжек и газет. Наконец в дверях появился охранник в форме, паренек лет двадцати. Помню, какая повисла тишина. Он сделал глубокий вдох и с похвальной выдержкой произнес заготовленную речь:

— Дамы и господа. С сожалением должен вам сообщить, что наш поезд вынужден был остановиться из-за человеческого фактора. Мы продолжим движение через несколько минут.

Сидевший рядом со мной солидный джентльмен с белым стоячим воротничком поднял голову и резко спросил:

— Человеческий фактор какого рода?

На что паренек покаянным голосом ответил:

— Самоубийство, месье.

— Кто жертва?

— Мужчина, сэр. Судя по всему, мужчина.

Через несколько часов после моего приезда в Ле-Дёз-Эглиз я отправился в бухточку — *мою* бухточку, мое место покоя. Сначала вниз по заросшему склону на границе моих владений, потом еще один уклон по тропинке, а там уже песчаный лоскуток с плоскими вытянутыми скалами по обе

стороны, напоминающими уснувших крокодилов. Здесь я все обдумывал в детстве. Сюда я годами приводил своих женщин — возлюбленных, полувозлюбленных, четверть-возлюбленных. Но единственной, кого я страстно желал, была Дорис. Я с насмешкой напоминал себе, что мы с ней ни разу не поговорили вне легенды. Но разве, пускай опосредованно, я не разделял с ней каждый час ее жизни, во сне и наяву, на протяжении этого треклятого года? Разве я не отвечал на каждый ее порыв, каждый ее позыв чистоты, вожделения, бунта и мести? Назовите мне другую женщину, которую я бы так долго и так коротко знал еще до того, как переспал с ней.

Она меня окрылила. Она сделала из меня мужчину, каким я раньше не был. Не одна женщина на протяжении многих лет говорила мне — кто мягко, кто в лоб, кто с нескрываемым разочарованием, — что в сексе я профан, что я не способен брать и отдавать самозабвенно, что я неумелый, зажатый, что мне не хватает настоящего огня на уровне инстинкта.

А Дорис все это *поняла* еще до того, как мы обнялись. Она это поняла, еще когда мы передавали из рук в руки микропленку, и когда, голая, приняла меня в объятия и все простила и по-

казала, как надо, а потом окуклила меня собой, после чего мы стали старыми друзьями, а затем внимательными любовниками и, наконец, бунтарями-победителями, освободившимися от всего, что контролировало наши жизни.

Ich liebe Dich. Я сказал правду. Это всегда будет правдой. И когда я вернусь в Англию, я повторю ей эти слова и во всем признаюсь Джорджу, а еще скажу ему, что я свое отслужил и даже больше, и если, для того чтобы жениться на Дорис и побороться за Густава, мне придется оставить Службу, то я готов. Я буду стоять на своем, и даже Джордж со своими бархатными аргументами не сможет меня переубедить.

Но не успел я принять это великое необратимое решение, как подробно задокументированный промискуитет Дорис накатил на меня тяжелой волной. Не это ли ее главный секрет? Что она без разбора, с одинаковой щедростью отдавалась всем, с кем имела профессиональный контакт? Я почти убедил себя в том, что Алек в этом смысле меня опередил: господи, они ведь провели вместе целых две ночи! Ладно, во время первой у нее был «хвост» в виде Густава. Но как насчет второй, в тесном «трабанте», один на один, в обнимку, чтобы согреться, — по его собственному призна-

нию, ее голова лежала у него на плече! — пока она обнажала перед ним свою душу — а что еще она обнажала? — тогда как слова, которые мы с ней сказали друг другу за все время знакомства, можно пересчитать по пальцам?

Но, рисуя спектр воображаемых измен, я понимал, что сам себя обманываю, и это делало мою низость еще более болезненной. Алек был не из таких. Если бы он, а не я, провел ночь с Дорис в отеле «Балканы», он бы спокойно покуривал себе в углу, как он делал в ту ночь в Котбусе, когда Дорис прижимала к себе Густава, а вовсе не его.

Вперившись в море, я лихорадочно и тщетно крутил в голове подобные мысли и вдруг осознал, что я не один. Погруженный в себя, я не заметил за собой «хвоста». К тому же это был самый неаппетитный член деревенской общины — Оноре, вонючий карлик, торговец навозом, старыми покрышками и всякой дрянью. Коренастый, широкоплечий, злобный, с широко расставленными ногами, в бретонском кепи и блузе, он стоял на утесе и поглядывал вниз, этакий зловещий гном.

Я его окликнул и спросил с некоторой пренебрежительностью, чем могу быть ему полезен. На самом деле я давал ему понять, чтобы он

проваливал и оставил меня в покое. Вместо этого он сбежал по тропке и, не глядя в мою сторону, уселся на камне неподалеку от воды. Постепенно темнело. На другом конце бухты стали зажигаться огни Лорьяна. В какой-то момент он повернул голову и уставился на меня вопросительно. Не получив ответа, он достал из потаенных глубин бутылочку, наполнил два бумажных стаканчика, извлеченные из другого кармана, и жестом позвал меня присоединиться, что я и сделал из вежливости.

— О смерти подумываешь? — спросил он с легкостью.

— Да нет вроде.

— Об очередной бабе?

Это я проигнорировал. Меня как-то озадачила его загадочная церемонность. Что-то новое? Или я раньше не замечал? Он приветственно поднял стаканчик; я ответил тем же. В Нормандии этот напиток называют кальвадосом, а у нас, бретонцев, ламбигом. По мнению Оноре, им хорошо протирать лошадиные копыта для пущей твердости.

— За твоего святого отца, — сказал он, обращаясь к морю. — Настоящий герой Сопротивления. Столько гуннов перебил.

— Так говорят, — подтвердил я осторожно.

— Столько медалей.

— Две.

— Они его пытали. А потом убили. Так что он дважды герой. Браво. — Он сделал второй глоток, глядя на море. — Мой отец тоже был героем, — продолжил он. — Большой герой. Большущий. Больше твоего на два метра.

— Что он сделал?

— Сотрудничал с гуннами. Они ему пообещали, что дадут Бретани независимость, когда победят. Этот придурок им поверил. Война кончилась, и герои Сопротивления повесили его на городской площади. На том, что от нее осталось. Набежала толпа. Все чуть не отбили ладоши. Слышно было по всему городу.

Может, он тоже слышал? Зажав уши и прячась в погребе у какой-нибудь доброй души. Это было похоже на правду.

— Так что ты лучше покупай навоз у кого другого, — добавил он. — А то, глядишь, и тебя повесят.

Он ждал, что я что-то скажу на это, но не дождался, снова наполнил наши стаканчики, и мы оба уставились на морскую гладь.

* * *

В те времена крестьяне еще играли в петанк на площади и в подпитии распевали бретонские песни. Чтобы меня считали нормальным, я пил с ними сидр и участвовал в Большом Гиньоле, который сводился к деревенским сплетням: супружеская пара, работающая на почте, заперлась в своем доме наверху и не выходит, после того как их сын покончил с собой; окружного сборщика налогов бросила жена, потому что его отец, страдающий умственным расстройством, в два часа ночи в полном обмундировании спускается к завтраку; молочный фермер из соседней деревни отправился в тюрьму за то, что спал с родными дочками. Слушая все это, я старательно кивал в положенных местах, но одолевавшие меня вопросы никуда не уходили, а только множились и усугублялись.

* * *

Вся операция прошла с завидной легкостью, черт бы ее побрал!

Почему, спрашивается, все сработало как часы, в отличие от всех других операций, в которых

я участвовал, когда ничто не проходило гладко, даже если удавалось со скрипом добраться до победного финиша?

Беглая сотрудница Штази свободно перемещается по территории соседнего полицейского государства, кишащего стукачами? И где чешская служба безопасности, известная своей безжалостностью и эффективностью? Почему, вместо того чтобы выследить, досмотреть, подвергнуть допросу, нас ласково отпустили на все четыре стороны?

И с каких, извините, пор французская разведка действует так дьявольски безупречно? Она раздираема внутренним соперничеством — вот что я про нее слышал. Некомпетентная, сверху донизу напичканная двойными агентами, знакомая картина — и вдруг такие виртуозы! Или нет?

С каждой минутой мои подозрения становились все оглушительнее, и что прикажете мне с ними делать? Донести их до Смайли, прежде чем выкинуть белое полотенце и написать заявление об уходе?

Вполне возможно, Дорис сейчас допрашивают в каком-нибудь тихом загончике. Рассказала ли она им о нашей бурной ночи? В делах сердечных самообладание не являлось ее сильной сторо-

ной.

А если у ее дознавателей, как и у меня, зародятся подозрения, что ее бегство через Восточную Германию и Чесло прошло на удивление гладко, к какому выводу придут они?

Что все это было хорошо разыгранным спектаклем? Что она «крот», двойной агент, часть хитрой игры с высокими ставками? И что Питер Гиллем, дурак дураком, переспал с вражиной? Именно к этому я начал склоняться, когда Оливер Мендель позвонил мне в пять утра и от имени Джорджа приказал срочным порядком приехать в Солсбери. Ни тебе «Как поживаешь, Питер?», ни «Извини, что разбудил ни свет ни заря». Коротко: «Джордж сказал, чтобы твоя задница метеором перенеслась в Лагерь № 4, сынок».

Лагерь № 4 — конспиративный дом Лондонского управления в Нью-Форесте.

* * *

Втиснувшись в последнее свободное кресло на маленьком самолете из Ле-Турке, я представляю себе скорый суд, который мне предстоит. Дорис созналась, что была двойным агентом. Она использует нашу страстную ночь как своего рода отвлекающий маневр.

Но тут вступает мой второй внутренний голос. Это та же Дорис, бог с тобой. Ты любишь ее. Ты сам ей об этом сказал, или тебе так кажется, что не меняет сути. Не спеши ее судить только потому, что собираются судить тебя самого!

К тому моменту, когда я приземлился в Лидде, вся моя логика рассыпалась. И к приходу поезда на станцию Солсбери собрать ее воедино так и не удалось. Но, по крайней мере, я успел обдумать, почему для допроса выбрали Лагерь № 4. По стандартам Цирка это было не лучшим конспиративным местом в архипелаге ему подобных, и не самым безопасным. На бумаге все было отлично: небольшое поместье в самом сердце Нью-Фореста, с дороги не просматривается, приземистое двухэтажное строение, обнесенный стеной сад, ручей, озерцо, десять акров, частично засаженных деревьями, и весь участок окружен двухметровым, заросшим бурьяном забором с арматурной сеткой.

Но для допроса ценного агента, совсем недавно вырванного из пасти Штази, где она работала? Как-то не очень чисто и слишком заметно — Джордж, в отличие от Лондонского, на это не пошел бы.

На станции шофер Цирка по имени Герберт,

известный мне со времен работы в отделе охотников за скальпами, встречал меня с табличкой «Пассажир к Барраклофу» — один из рабочих псевдонимов Джорджа. Но когда я попробовал завязать с ним светскую беседу, последовал ответ, что он не уполномочен со мной разговаривать.

Мы въехали на длинную ухабистую дорогу. «Посторонним вход запрещен». Свисающие ветки лимонника и клена прохаживались по крыше фургона. Из темноты неожиданно вынырнула фигура Фавна (имя неизвестно), бывшего инструктора по безоружному единоборству в Сарратте, который время от времени «играл мускулами» в Секретке. Но что он делает в Лагере № 4, гордящемся собственной охраной в лице знаменитой голубой пары, любимчиков всех стажеров, мистера Харпера и мистера Лоу? Но потом я вспомнил, что Смайли высоко ценил профессиональные качества Фавна и привлекал его к заданиям повышенной трудности.

Шофер притормозил. Фавн зафиксировал меня взглядом, без тени улыбки, и кивком дал добро. Дорога пошла в гору. Разъехались основательные деревянные ворота и снова сомкнулись за нами. Справа главное строение, особнячок в псевдотюдоровском стиле, построенный для пивовара.

Слева каретный сарай, два сборно-разборных барака и чудесный крытый соломой маленький амбар, получивший прозвище Горбунок. Во дворе припаркованы три «форда-зефира» и черный фордовский фургон, а перед ними маячит живое существо — Оливер Мендель, бывший инспектор полиции и давний помощник Джорджа, с прижатой к уху портативной рацией.

Я вылезаю из машины, достаю оттуда рюкзак. Кричу: «Привет, Оливер! Вот и я!» Ноль внимания, продолжает что-то тихо говорить в свою рацию, следя за моим приближением. Я уже собираюсь снова его поприветствовать, но потом передумываю. «Хорошо, Джордж», — с этими словами Оливер выключает рацию.

— Наш друг сейчас немного занят, Питер, — сообщает он мне значительно. — У нас тут произошел небольшой инцидент. Мы пока прогуляемся, если не возражаешь.

Ясно. Дорис выложила все, включая *Ich liebe Dich*. Занятость нашего друга Джорджа означает, что он уязвлен, расстроен, даже взбешен действиями своего избранного ученика, который его подвел. Сейчас он не в состоянии говорить со мной, поэтому поручил надежному, как скала, инспектору Оливеру Менделю устроить сосун-

ку Питеру головомойку, которую тот запомнит на всю жизнь, а то и вовсе дать ему пинка под зад. Но что здесь делает Фавн? И откуда ощущение, что все внезапно разбежались?

Мы поднялись по зеленому склону и теперь стоим на разной высоте, что наверняка входило в планы Менделя, и смотрим на что-то непонятное в отдалении: пара серебристых берез, старая голубятня.

— У меня для тебя печальная новость, Питер.

Вот оно.

— Мне очень жаль, но наш передаточный источник Тюльпан, дама, которую ты успешно вывез из Чесло, сегодня утром найдена мертвой.

* * *

Поскольку никто не знает, как реагировать в таких случаях, я не стану утверждать, что у меня вырвался крик, в котором были боль, ужас и отказ верить услышанному. Знаю только, что перед глазами все расплылось — и серебристые березы, и старая голубятня. Было непривычно солнечно и тепло для этого времени года. Мне захотелось стравить, но я человек зажатый и сдержался. Помню, что последовал за Менделем в заброшенный летний домик в самой южной

точке поместья. От особняка его отделяла густая дубовая рощица. Мы сели на шаткой веранде, откуда открывался вид на давно не стриженный газон для крокета; помню торчащие из травы ржавые воротца.

— Она повесилась, сынок, — так прозвучал в устах Менделя смертный приговор. — Сама. На нижней ветке дерева, за этим склоном. Возле пешеходного мостика. Точка 217 на карте. Наступление смерти запротоколировал в 8.00 доктор Эшли Медоус.

Эш Медоус, модный психотерапевт с кабинетом на Харли-стрит и загадочный друг Джорджа. Цирк иногда привлекает его в ситуациях с перебежчиками-неврастениками.

— Эш здесь?

— Сейчас с ней.

Я медленно переваривaю новость. Дорис мертва. А врач охраняет покойницу.

— Она оставила записку? Кому-то *говорила* о своем намерении?

— Просто повесилась, сынок. С помощью сращенной альпинистской веревки. Девять футов. Видимо, забыли в спортзале после тренировки. Чей-то недосмотр, я бы сказал.

— Алеку сообщили? — спрашиваю я, думая

о том, как ее голова покоилась на его плече.

Тут он снова включает «полицейский голос».

— Джордж сообщит твоему дружку Алеку Лимасу то, что ему следует знать, когда придет время, сынок. И Джордж сам решит, когда оно придет. Ясно?

Ясно: Алек до сих пор уверен, что переправил Тюльпан в безопасное место.

— Где он сейчас? Не Алек, Джордж? — задаю я глупый вопрос.

— В данную минуту, если тебе так интересно, Джордж беседует с неожиданным посетителем, швейцарцем. Угодил в капкан, бедняга. Я бы даже сказал, в западню, расставленную беспринципным браконьером, охотником за олениной, как можно предположить. Ржавая штуковина, спрятанная в высокой траве, как я слышал. Уж не знаю, сколько она там пролежала. Но пружина сработала. А эти драконьи зубы могли перекусить ногу. Так что ему еще повезло. — Я молчу, и он продолжает с той же непринужденностью. — Этот швейцарец, он орнитолог, как и я, в каком-то смысле, так что уважаю. Он наблюдал за птицами и не планировал вторгнуться в частные владения, но так уж получилось, о чем он сожалеет. Я бы на его месте тоже сожалел. Между

нами, я больше потрясен тем, что Харпер и Лоу ни разу за все свои дежурства не попали в эту западню. Вот уж кому повезло так повезло.

— Почему Джордж беседует с ним? — Мой вопрос подразумевал: *почему в такой неподходящий момент?*

— Со швейцарцем-то? Ну, он же как-никак живой свидетель, сынок, этот швейцарец. Как ни крути. Он оказался на месте происшествия — да, по ошибке, бродячий орнитолог вроде меня — и в самое неподходящее время, к несчастью для него. Естественно, Джордж желает знать, может, джентльмен видел или слышал нечто примечательное, что способно пролить свет. Может, несчастная Тюльпан обращалась к нему каким-то образом. Ситуация деликатная, если вдуматься. Мы находимся на территории повышенной секретности, и официально Тюльпан не приземлилась в Великобритании, так что швейцарец, можно сказать, наступил на тайное осиное гнездо. Приходится принимать это во внимание.

Я его слышал, но не слушал.

— Оливер, я должен ее увидеть, — сказал я.

На что он, не удивившись, ответил:

— Тогда оставайся здесь, сынок, пока я пере-

дам это по инстанции. Только не вздумай сойти с места.

С этими словами он отошел на заросший газон для крокета и там забормотал в свою рацию. Потом сделал мне знак, и я направился за ним к массивной двери амбара по прозвищу Горбунок. Он постучал и отошел на шаг. После некоторой паузы дверь со скрипом открылась, и перед нами возник Эш Медоус собственной персоной, пятидесятилетний бывший игрок в регби, в клетчатой фланелевой рубашке и красных подтяжках, с привычно дымящей трубкой во рту.

— Мне очень жаль, старина, — сказал он и отшагнул, давая мне дорогу. Я тоже сказал, что мне очень жаль.

В центре большого амбара на столе для пинг-понга возлежала статуя стройной женщины в застегнутом на молнию мешке. На спине, носки ног смотрят вверх.

— Бедняжка даже не знала, что ее называют Тюльпан, пока не попала сюда. — Эш, явно привыкший вести беседы в присутствии покойников, говорил беззаботным тоном. — А после того как узнала, попробовал бы кто-нибудь называть ее иначе. Вы уверены?

Имелось в виду: готов ли я к тому, чтобы он

открыл молнию. Я был готов.

Впервые на моей памяти ее лицо ничего не выражало. Рыжие волосы заплетены в косичку и перевязаны зеленой лентой. Глаза закрыты. Никогда не видел ее спящей. Вся шея в голубых и серых полосках.

— Ну, всё, старина?

Он закрыл молнию, не дожидаясь моего ответа.

* * *

Я выхожу следом за Менделем на свежий воздух. Впереди травянистый холм поднимается к каштановой роще. Сверху открывается красивый вид: хозяйский дом, сосновый лес, окаймляющий поля. Я собираюсь подняться по склону, но Мендель останавливает меня жестом.

— Останемся здесь, сынок, если не возражаешь. Высовываться нам ни к чему.

Вряд ли он удивился тому, что я не стал задавать по этому поводу вопросов.

Какое-то время — точнее не скажу — мы бесцельно прохаживаемся. Мендель рассказывает мне о своих ульях. О собаке-спасателе Поппи, золотистом лабрадоре, любимчике жены. Если я правильно запомнил, Поппи — кобель. Еще,

помнится, я удивился, что Оливер Мендель, оказывается, женат.

Постепенно я разговорился. На вопросы, как обстоят дела в Бретани, хорош ли урожай и сколько у нас коров, я даю обстоятельные и четкие ответы, чего, вероятно, он и добивается. Но вот мы доходим до гравийной дорожки, ведущей мимо Горбунка к каретному сараю, и тут он от меня отходит и произносит что-то отрывистое в рацию. А когда возвращается, это уже не приятный собеседник, а снова полицейский.

— Так, сынок. А теперь внимание. Сейчас ты узнаешь вторую половину этой истории. Что увидишь, то увидишь. Ты ни на что не реагируешь, ты помалкиваешь в тряпочку. Это тебе личный приказ Джорджа. Если, сынок, ты по-прежнему винишь себя в смерти этой бедняжки, то еще можешь развернуться и уйти. Ты меня понял? Это уже говорю тебе я. Ты по-швейцарски болтаешь?

Он улыбается, и, как ни странно, я улыбаюсь в ответ. Наша непринужденная прогулка меня немного отрезвила. Я даже на время забыл о швейцарце. Я решил, что Мендель по доброте душевной пытался меня развлечь. И тут орнитолог, по ошибке попавший в частные владения, обрушивается на меня со всей силой. В кон-

це дорожки стоит Фавн. За ним поднимаются каменные ступеньки к двери оливкового цвета, а на ней табличка «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ. НЕ ПОДХОДИТЬ».

Следом за Фавном мы поднимаемся по ступенькам. Это сеновал. Со старых крюков свисает затхлая конская сбруя. Мы проходим между стогов сена, превратившегося в труху, и оказываемся перед Подлодкой, специально построенной изолированной камерой для осваивания неблаговидного искусства выбивания показаний из жертвы. Никакой курс переподготовки не обходился без знакомства с этими мягко обитыми стенами при отсутствии окон, кандалами на руках и на ногах и звуковыми эффектами, от которых лопались барабанные перепонки. В стальной двери открывающийся глазок: ты видишь, тебя — нет.

Фавн держится на расстоянии. Мендель подходит к стальной двери, приоткрывает глазок, отступает назад и кивает мне: твоя очередь. И быстро проговаривает шепотом:

— Она, конечно, не сама повесилась, сынок. Наш друг-орнитолог ей помог.

В мое время Подлодка была лишена всякой мебели. Человек либо спал на каменном полу,

либо расхаживал в кромешной тьме, а из динамиков неслась такая вакханалия, что человек не выдерживал, или начальство решало, что с него достаточно. А этим необычным обитателям карцера предоставили карточный столик, покрытый грубым красным сукном, и два очень приличных стула.

На одном сидит Джордж Смайли с выражением лица, свойственным ему во время ведения допросов: немного сконфуженное, немного страдающее, словно жизнь не оставляет его в покое и сделать ее сносной способен разве что ты один.

А напротив него сидит могучий блондин моего возраста, со свежими синяками под глазами, одна голая нога забинтована и выставлена вперед, скованные руки лежат на столе ладонями вверх, словно он просит подаяния.

А когда он поворачивает голову, я вижу ожидаемый старый шрам через всю правую щеку, словно по ней когда-то полоснули саблей.

И хотя из-за синяков я не вижу его глаз, я знаю, что они у него синие, потому что это записано в криминальном досье, которое три года назад я выкрал для Джорджа Смайли, после того как его чуть не убил мужчина, сидящий сейчас напротив него.

Допрос или торг? Имя заключенного — разве забудешь? — Ганс-Дитер Мундт. Бывший работник восточногерманского сталелитейного представительства в Хайгейте, имевшего официальный, хотя и не дипломатический, статус.

Во время своего лондонского турне Мундт убил местного автодилера, который, как он считал, слишком много знал. Джорджа он пытался убить по тем же причинам.

И вот этот самый Мундт сидит в Подлодке, наемный убийца Штази, прошедший обучение в КГБ и выдающий себя за швейцарского орнитолога, случайно угодившего в капкан для оленей, а в это время Дорис, желавшая, чтобы ее называли Тюльпан, лежит мертвая в каких-то пятнадцати метрах от него. Мендель тянет меня за руку.

— Питер, нам еще предстоит небольшая поездка. Джордж к нам присоединится позже.

— А что с Харпером и Лоу? — спрашиваю я первое, что мне приходит в голову, когда мы садимся в машину.

— Медоус отправил Харпера в госпиталь, чтобы ему там наложили на лицо швы. А Лоу держит его за ручку. Наш друг-орнитолог повел себя, скажем так, не совсем безропотно, после того как

его высвободили из капкана. Ему, как ты скоро поймешь, потребовалась серьезная помощь.

* * *

— Питер, у меня для тебя два вещдока. — С этими словами Смайли протягивает мне первый.

Два часа ночи. Мы сидим вдвоем в гостиной стоящего на отшибе дома некоего полицейского где-то на границе Нью-Фореста. Хозяин, старый приятель Менделя, разжег огонь в камине и принес нам на подносе чай с печеньем, прежде чем уйти наверх к супруге. Мы не притронулись ни к чаю, ни к печенью. Первый вещдок — обычная почтовая открытка без марки. Слегка поцарапанная, как будто ее просунули в узкую щель, например под дверь. Без адресов получателя и отправителя. На оборотной стороне иссиня-черными чернилами, от руки, печатными заглавными буквами написано по-немецки:

> я ваш друг швейцарец который отвезет вас к густаву. встретимся в час дня возле пешеходного мостика. все организовано. мы добрые христиане. [Без подписи.]

— Зачем было ждать, пока она прилетит в Ан-

глию? — спрашиваю я Джорджа после долгого молчания. — Почему не убить ее в Германии?

— Чтобы прикрыть свой источник, само собой. — Смайли как будто выговаривает мне за мою несообразительность. — Подсказка пришла из московского Центра, который, естественно, настоял на повышенной бдительности. Никакой автомобильной аварии или еще чего-то подстроенного. Лучше самоубийство, которое вызовет невероятный шок в стане врага. По-моему, очень логично, нет? Или ты, Питер, так не считаешь?

В стальном контроле над привычно мягким тоном, в жесткости обычно живого лица чувствовался гнев. Гнев как следствие недовольства собой. Гнев на чудовищность того, что ему предстояло совершить, что противоречило всем приличиям.

— *Сопроводили*... Мундт несколько раз повторил это слово, — продолжает он, не дождавшись моего ответа, впрочем, и не интересуясь им. — «Мы *сопроводили* ее в Прагу, мы *сопроводили* ее в Англию, мы *сопроводили* ее в Лагерь № 4. А потом мы ее задушили и повесили». Он ни разу не употребил «я». Исключительно коллективное «мы». Я ему сказал, как я его презираю. Надеюсь,

до него дошло. — И, словно вдруг вспомнив: — Да, а второй вещдок адресован тебе. Он протянул мне сложенный листок почтовой бумаги, на которой, на этот раз мягким карандашом, было выведено крупными буквами: «Адриану». Почерк старательно аккуратный. Никаких завитушек. Простодушная немецкая школьница обращается у своему английскому другу по переписке.

Мой дорогой Адриан, мой Жан-Франсуа.
Ты мой единственный мужчина. Пусть
Бог любит тебя так же, как я.

Тюльпан

— Я тебя спросил, ты собираешься сохранить это на память или сжечь? — Смайли повторяет свой вопрос, так как я стал туговат на ухо, и в его голосе звучит все тот же холодный гнев. — Я предлагаю второй вариант. Милли Маккрейг наткнулась на эту записку возле маленького зеркальца.

Не выказывая никаких эмоций, он наблюдает за тем, как я, опустившись на колени перед камином, опускаю сложенное письмо на раскаленные угли — такое жертвоприношение. А в голове, среди разрывающих ее кошмаров, мелькает мысль, что нас с Джорджем Смайли роднит кое-что, о чем

мы предпочитаем не думать: мы оба неудачники в любви. Я скверно танцую. А Джордж, если верить его неверной жене, вообще отказывается танцевать. Все это время я молчу.

— В соглашении, которое мы только что заключили с герром Мундтом, есть несколько полезных условий, — продолжает он, как заведенная машина. — Взять хотя бы магнитофонную запись нашего разговора. Мы сошлись на том, что его начальники в Москве и в Берлине не пришли бы от нее в восторг. Еще мы сошлись на том, что его работа на нас, успешно поддержанная обеими сторонами, будет только способствовать его блестящей карьере в Штази. Он вернется к своим товарищам как герой. Большие шишки в директорате будут им довольны. Московский Центр будет им доволен. Место Эммануэля Раппа освободится. Пусть подает заявление. Он заверил меня, что так и сделает. Когда вырастет его вес в Берлине и Москве, а заодно и уровень доступа к секретным материалам, возможно, однажды он нам расскажет, кто предал Тюльпан и других наших агентов, встретивших преждевременную смерть. Нас с тобой ждет еще много интересного, не находишь?

Кажется, я по-прежнему ничего не отвечал,

и тогда Смайли под конец сказал едва ли не главное.

— Ты, я и еще несколько избранных, Питер, являемся обладателями этой исключительно конфиденциальной информации. Для Лондонского управления и Службы в целом — мы пожадничали, поспешив с вывозом Тюльпан, проигнорировали ее материнские чувства. И в результате она повесилась. Эту версию мы должны протрубить Головному офису и всем центрам на местах. Никаких исключений там, куда может дотянуться рука Лондона. Боюсь, что это неизбежно касается и нашего друга Алека Лимаса.

* * *

Мы кремировали ее под именем Тюльпан Браун, урожденная русская, глубоко верующая, бежала от коммунистического преследования и вела в Англии одинокий образ жизни. Фамилию Браун, как объяснили удалившемуся от дел православному священнику, которого отыскали дамы из Секретки (они же обеспечили тюльпаны на гроб), она взяла из опасений, что ее настигнет возмездие. Священник, в прошлом иногда сотрудничавший с Цирком, лишних вопросов не задавал. Нас было шестеро: Эш Медоус, Мил-

ли Маккрейг, Жанет Эйвон с Ингеборгой Лагг из Секретки, Алек Лимас и я. У Джорджа были какие-то дела. После службы женщины уехали, а мы, трое мужчин, отправились в паб.

— Какого хрена эта дура наложила на себя руки? — Алек обхватил голову руками. Мы пили скотч. — Все наши усилия насмарку. — И с тем же негодованием и издевкой: — Если бы она сразу мне сказала, что у нее на уме, я бы, блин, палец о палец не ударил.

— Я тоже, — поддержал я его и пошел к бару, чтобы заказать еще три стакана.

— Самоубийство — это такое решение, которое люди определенного склада принимают довольно рано, — витийствовал доктор Медоус, когда я вернулся. — Они могут не отдавать себе в этом отчета, но решение сидит у них в голове, Алек. И однажды что-то происходит, и срабатывает спусковой механизм. Это может быть сущая мелочь, вроде забытого в автобусе кошелька. Или что-то серьезное, вроде смерти близкого друга. Но *интенция* существовала давно. И результат один и тот же.

Мы еще выпили. На этот раз молчание прервал Алек.

— Может, все пехотинцы склонны к самоубий-

ству. Просто у некоторых не доходят руки. — И после паузы: — Ну и кто сообщит мальчику?

Мальчику? А, ну да. Это он о Густаве.

— Джордж решил предоставить это нашим противникам, — сказал я, на что Алек пробурчал:

— Господи, где мы живем, — и снова налег на виски.

Глава 10

Я надолго вперился в стену библиотеки. Нельсон, сменивший Пепси, выказывает недовольство моей рассеянностью. Я добросовестно возобновляю чтение отчета, мною же когда-то, в приступе горя и раскаяния, по приказу Смайли составленного, со всеми деталями, даже самыми, казалось бы, несущественными, в стремлении дать оценку страшной тайне, которой никто, кроме кучки избранных, никогда и ни с кем не поделится.

ПЕРЕДАТОЧНЫЙ ИСТОЧНИК ТЮЛЬПАН
ДОПРОС И УБИЙСТВО

Допрос вели Ингеборга Лагг (Секрет.) и Жанет Эйвон (Секрет.). Периодически подключался д-р медицины Эшли Медоус, привлеченный Секреткой со стороны.

Написано и сверено ПГ, одобрено Г/Секрет. в Мэрилебоне для представления в Надзорный комитет Казначейства.

Копия направлена Г/Лондонского управления для комментариев.

Эйвон и Лагг — лучшие дознаватели Секретки из Центральной Европы, женщины средних лет с большим опытом оперативной работы.

1. *Встреча* ТЮЛЬПАН *и ее транспортировка в Лагерь* № 4

По прибытии в Нортхолт на самолете ВВС Тюльпан не проходила таможенного и паспортного досмотра и, таким образом, официально не въехала на территорию Великобритании. В ВИП-зале транзитной зоны ее встретил д-р Медоус, который представился как «уполномоченный представитель Службы», сказал, что он «искренне ею гордится» и подарил букет английских роз. Она была настолько тронута, что всю дорогу прижимала их к лицу.

Ее доставили в закрытом фургоне прямиком в Лагерь № 4. Эйвон (рабочий псевдоним АННА), квалифицированная медсестра, умеющая расположить к себе пациента, сидела вместе с Тюльпан на заднем сиденье и развлекала ее, как могла. Лагг (рабочий псевдоним ЛУИЗА) и д-р Медоус (рабочий псевдоним ФРЭНК)

сидели впереди рядом с шофером. Посчитали, что Эйвон и Тюльпан скорее подружатся, если им не будут мешать. Все трое бегло говорят по-немецки.

В пути Тюльпан то засыпала, то возбужденно реагировала на пейзаж за окном со словами, что это понравится Густаву, когда он скоро приедет, в чем она не сомневалась. Еще она с энтузиазмом показывала пальцем на дорожки, по которым они с Густавом с удовольствием бы покатались на велосипедах. Она дважды поинтересовалась «Адрианом» и, услышав в ответ, что никакого Адриана мы не знаем, спросила по-другому: Жан-Франсуа. Д-р Медоус сообщил ей, что курьера Жана-Франсуа вызвали по неотложному делу, но он непременно появится при первой возможности.

Гостевые апартаменты в Лагере № 4 состоят из спальни, гостиной, небольшой кухни и солярия, представляющего собой застекленную террасу девятнадцатого века с видом на бассейн (без подогрева). Все помещения, включая солярий и бассейн, снабжены скрытыми микрофонами

и спецсредствами.

Прямо за бассейном находится роща хвойных деревьев с обрезанными (частично) нижними ветками. Здесь водятся лани, и они частенько резвятся в бассейне. Благодаря проволочному ограждению по всему периметру эти лани одомашнились, что придает Лагерю атмосферу цивилизованности и умиротворения.

Первым делом мы познакомили Тюльпан с Милли Маккрейг (ЭЛЛА), которую по распоряжению Г/Секретных операций ранее в этот день привезли сюда в качестве домоправительницы. По просьбе Г/Секрет. новые микрофоны были спрятаны в выступающих местах, а старые, от предыдущих операций, отсоединены.

Покои домоправительницы находятся непосредственно за гостевыми апартаментами, в конце небольшого коридора. Туда проведен внутренний телефон, позволяющий гостье обратиться за помощью даже ночью. По предложению Маккрейг Эйвон и Лагг заняли спальни в главном корпусе, таким образом обеспечив Тюль-

пан чисто женским окружением.

Харпер и Лоу, постоянные охранники Лагеря № 4, живут в каретном сарае. Оба заядлые садовники. Харпер, будучи опытным егерем, следит за популяцией диких животных. В каретном сарае есть также спальня, которую занял д-р Медоус.

2. *Допросы, первые* 5 *дней*

Допросы планировалось уложить в 2–3 недели, плюс доводка, как получится, но Тюльпан в известность не ставили. Нашей непосредственной задачей было ее поселить, заверить в том, что она находится среди друзей, конфиденциально обсудить ее будущее (с Густавом), и к концу первого дня мы со сдержанным удовлетворением заключили, что эти цели достигнуты. Ее проинформировали, что д-р Медоус (ФРЭНК) будет ей задавать специфические вопросы и во время этих сессий возможно появление и других интервьюеров. Ей также сказали, что *герр директор* (Г/Секрет.) отсутствует в связи со срочными делами, касающимися д-ра Римека (МЭЙФЛАУЭР) и других членов сети, но по возвращении он будет счастлив

пожать ей руку.

Придерживаясь общего правила, что проводить дебрифинг следует, пока человек «еще теплый», наша команда собралась в гостиной на следующее утро в 9.00. Сессия, с перерывами, продолжалась до 21.05. Магнитофонную запись вела из своей комнаты Милли Маккрейг, которая также воспользовалась ситуацией, чтобы тщательно осмотреть апартаменты Тюльпан и ее личные вещи. Согласно протоколу, вопросы задавала Лагг (ЛУИЗА). Когда же появлялась возможность проверить образ мыслей и мотивацию Тюльпан, в разговор вступали Эйвон (АННА) и д-р Медоус (ФРЭНК).

Несмотря на попытки завуалировать цель задаваемых Фрэнком внешне невинных вопросов, Тюльпан довольно быстро распознала их психологический подтекст и, узнав, что он по профессии врач, высмеяла его как ученика «этого главного лгуна и шарлатана Зигмунда Фрейда». Раскипятившись, она объявила, что у нее за всю жизнь был только один доктор, Карл Римек, что Фрэнк болван и что если

«вы [д-р Медоус] хотите быть мне полезны, привезите мне моего сына!». Не желая оказывать негативное воздействие, Фрэнк посчитал разумным вернуться в Лондон, откуда его всегда можно вызвать, ежели потребуются его услуги.

В последующие два дня, невзирая на периодические эмоциональные взрывы, допросы проходили эффективно, в атмосфере относительного спокойствия, и магнитофонные записи каждой сессии вечером отправлялись в Мэрилебон.

Прежде всего Г/Секрет. интересовал поток, пусть незначительный, советских разведданных в отношении британских мишеней, попадавший из Москвы в берлинский офис Раппа. Отмечая скудость таких данных в общей документации, которую Тюльпан удалось перефотографировать, мы ее спрашивали: может, были какие-то разговоры о московских подсадках в Соединенном Королевстве, о чем она забыла или посчитала не столь важным доложить? Может, в Берлине кто-то намекал либо хвастался, что у них в британском политическом или раз-

ведывательном истеблишменте есть осведомители на самом верху? Не удалось ли вскрыть британские секретные коды и шифры?

Мы задавали ей эти вопросы в разной форме, чем вызывали у нее все возрастающее раздражение, но положительного результата не добились. Тем не менее информанта Тюльпан мы оцениваем по шкале значимости «от высокой до очень высокой», учитывая, что ее донесения были серьезнейшим образом затруднены оперативными условиями. Она передавала сведения исключительно через Мэйфлауэра и никогда берлинскому Центру напрямую. В потенциально чувствительные темы ее не посвящали, исходя из того, что если она под давлением проколется, то Берлин обнаружит слабые места в нашей собственной разведывательной броне. Но сейчас все ограничения были сняты: задавались вопросы о надежности других наших потенциальных или уже действующих передаточных источников; об иностранных дипломатах и полити-

ках, находящихся под контролем Штази; о прояснении секретных денежных переводов, отраженных в документах, которые она сфотографировала на рабочем столе Раппа, но не имела с ними дела; о секретных передаточных устройствах, которые она проверяла вместе с Раппом, их расположении, процедуре доступа, размерах, внешнем виде, направлении антенн, а также о других устройствах, свидетельствующих о советском и, в целом, иностранном присутствии; и вообще о разведданных, до сих пор не попавших в наше поле зрения из-за ее слишком коротких *треффов* с Мэйфлауэром, спонтанности их разговоров и ограничений, связанных с агентурной коммуникацией.

Хотя Тюльпан нередко выходила из себя и разражалась бранью, ей, похоже, нравилось быть в центре внимания, и она даже шутливо заигрывала, когда ей это позволяли, с двумя нашими охранниками, особенно с молодым Харпером, которому она явно благоволила. Однако с наступлением вечера ею вдруг

овладевало чувство вины и отчаяние, в основном из-за Густава, но также из-за сестры Лотты, чью жизнь она якобы сломала своим бегством из страны.

Домоправительница Милли Маккрейг проводила с ней много времени по ночам. Выяснив, что обе христианки, они часто вместе молились. Главным святым Тюльпан был Николай Угодник, с чьей иконкой она не расставалась с момента эксфильтрации. Общее пристрастие к велосипедным прогулкам еще больше их сблизило. По ее просьбе Маккрейг (ЭЛЛА) раздобыла для нее каталог детских велосипедов. С радостью узнав, что Маккрейг шотландка, Тюльпан тут же потребовала карту Северо-Шотландского нагорья, чтобы обсудить маршруты совместных катаний. Уже на следующий день ей была доставлена из Головного офиса карта военно-геодезического управления Великобритании. И все же настроение у нее оставалось неровным, периодически случались вспышки раздражения. От успокоительных таблеток и снотворного, которые Маккрейг прино-

сила по ее просьбе, толку было мало.

В любой момент допроса Тюльпан вдруг спрашивала, когда именно обменяют Густава — или его уже обменяли? В ответ, как сказано в кратком отчете, ее заверяли, что вопрос обсуждает на высшем уровне сам герр директор и что за одну ночь такие дела не решаются.

3. *Рекреационные потребности* ТЮЛЬПАН

С момента прибытия Тюльпан в Великобританию она сразу дала понять, что не может без физических упражнений. Самолет ВВС был забит битком, в фургоне, который вез ее в Лагерь № 4, она чувствовала себя заключенной, любые ограничения для нее невыносимы и т. д. Поскольку дорожки в Лагере не приспособлены для велосипедной езды, она будет бегать. Узнав размер ее ноги, Харпер купил ей в Солсбери кеды, и следующие три утра Тюльпан и Эйвон (АННА), заядлая спортсменка, перед завтраком бегали трусцой по окружной дорожке. Тюльпан брала с собой легкую наплечную сумочку, которую называла по-русски

«моя счастливая кошелка»: вдруг увидит какое-нибудь ископаемое или редкий камешек для Густава? Небольшой гимнастический зал также помог ей хотя бы ненадолго снимать стресс, когда другие способы оказались неэффективными. Милли Маккрейг в любое время дня составляла ей компанию.

В 6.00 Тюльпан обычно уже стояла, по-спортивному одетая, перед остекленной дверью гостиной в ожидании Эйвон. Только не в то утро. Поэтому Эйвон вошла в апартаменты со стороны сада, позвала ее по имени, постучала в ванную — никого. Тогда она по внутреннему телефону связалась с Маккрейг и поинтересовалась, где Тюльпан, но та не знала. Не на шутку всполошившись, Эйвон побежала по окружной дорожке в надежде там ее увидеть. А тем временем Маккрейг известила Харпера и Лоу, что наша гостья «бродит непонятно где», и два охранника тут же стали прочесывать территорию.

4. *Обнаружение* ТЮЛЬПАН. *Показания Ж. Эйвон*

С восточной стороны окружная до-

рожка сначала делает крутой подъем на протяжении двадцати ярдов, а потом около четверти мили пролегает по ровной местности, прежде чем повернуть на север и спуститься в топкую лощину, через которую переброшен пешеходный мостик, а оттуда ведет к деревянной лестнице из девяти ступенек, причем верхние затенены раскидистым каштаном.

Начав спуск в лощину, я сразу увидела Тюльпан: она висела на нижней ветке каштана, глаза открыты, руки по швам. Насколько я помню, расстояние от ее подошв до ближайшей ступеньки не превышало двенадцати дюймов. Петля на шее была такая тонкая, что Тюльпан, казалось, парит в воздухе.

Мне 42 года. Я должна подчеркнуть, что записала свои впечатления так, как они мне запомнились. Я прошла в Службе специальный тренинг и имею оперативный опыт действий в чрезвычайных обстоятельствах. Поэтому мне стыдно признаться в том, что при виде висящей на дереве моим единственным желанием было броситься наутек и позвать

людей на помощь, вместо того чтобы попробовать разрезать веревку и сделать ей искусственное дыхание. Я очень сожалею о внезапной потере оперативной выдержки, хотя сейчас слышу твердые заверения в том, что на тот момент Тюльпан была уже шесть часов как мертва, а для меня это огромное облегчение. И еще важно, что у меня с собой не было ножа и я не могла дотянуться до веревки.

Дополнительный отчет Милли Макрейг, домоправительницы в Лагере № 4, штатного сотрудника 2-й ступени, об обслуживании и самоубийстве передаточного источника ТЮЛЬПАН. Копия Джорджу Смайли, Г/Секрет. (лично)

Милли, какой я ее тогда знал: обручена со Службой, благочестивая дочь священника свободной пресвитерианской церкви. Штурмует горы Кернгормс, охотится с собаками, забирается в опасные места. Потеряла брата из-за войны, отца — из-за рака и свое сердце, если верить слухам, из-за немолодого женатого мужчины, который доброе имя предпочел нежной страсти. Злые языки говорили, что этот женатый

мужчина не кто иной, как Джордж, хотя лично я не замечал в их отношениях ничего такого, что заставило бы меня в это поверить. Но избави бог кому-то из нас, молодых да горячих, тронуть ее пальцем — вот уж чего Милли не потерпела бы.

1. *Исчезновение* ТЮЛЬПАН

Узнав в 6.10 от Жанет Эйвон, что Тюльпан отправилась одна на утреннюю пробежку, я тут же попросила охрану (Харпера и Лоу) прочесать территорию, сконцентрировавшись на окружной дорожке, любимом маршруте Тюльпан, как я поняла со слов Эйвон. В качестве меры предосторожности я проинспектировала гостевые апартаменты и обнаружила ее спортивный костюм и кеды в шкафу. А вот французского костюма и нижнего белья, полученных ею в Праге, я не нашла. Не было и сумочки, в которой, как я ранее выяснила, при отсутствии удостоверяющих документов и денег она держала лишь обиходные вещи.

Поскольку ситуация вышла за рамки компетенции Секретки, а Г/Секрет. находился в Берлине по срочным делам,

я приняла решение позвонить дежурному офицеру Лондонского управления и попросила его проинформировать полицию, что сбежавшая душевнобольная (я описала внешность Тюльпан) скрывается где-то в окрестностях, что она не представляет угрозы, не говорит по-английски и что она проходит у нас курс психотерапии. Если ее найдут, то пусть вернут в наше лечебное заведение.

После этого я позвонила д-ру Медоусу в приемную на Харли-стрит и передала секретарше, что ему следует как можно скорее приехать в Лагерь № 4, на что мне было сказано, что с ним уже связались из ГО и что он уже выехал.

2. *В Лагере № 4 обнаружен незваный гость*

Только я успела связаться с охранниками, как мне перезвонил по бескоммутаторной связи Харпер и сообщил, что в процессе поисков Тюльпан он обнаружил в роще неподалеку от восточного периметра пострадавшего мужчину, явно постороннего, который, проходя через свежепроделанный лаз рядом с пе-

шеходным мостиком, угодил в старый, заросший травой капкан, давным-давно, еще до того, как новым владельцем имения стал Цирк, видимо, поставленный каким-то браконьером.

Нелегальный капкан, состоящий из ржавых драконьих зубов, сработал. По словам Харпера, механизм захватил левую ногу пришельца, который попытался ее выдрать, но только усугубил дело. Он говорил на неплохом английском, хотя и с иностранным акцентом, и утверждал, что воспользовался дыркой в заборе, чтобы справить нужду. Еще он сказал, что является страстным орнитологом.

Когда подошел Лоу, они вдвоем освободили незнакомца, и он тут же ударил Лоу кулаком в живот, а Харпера головой в лицо. После завязавшейся борьбы охранникам удалось нейтрализовать незваного гостя, и они доставили его в Горбунок неподалеку. Его поместили в карцер (Подлодку) и наложили временную повязку на больную ногу. В соответствии с установленной проце-

дурой Харпер доложил об инциденте, с подробным описанием пришельца, непосредственно внутренней службе безопасности Головного офиса и Г/Секретки, как раз возвращавшемуся из Берлина. На мой вопрос, обнаружил ли он или Лоу пропавшую Тюльпан, Харпер ответил, что незваный гость отвлек их от поисков, но сейчас они будут безотлагательно продолжены.

3. *Известие о смерти* ТЮЛЬПАН

Примерно в это же время к крыльцу дома прибежала в смятении Жанет Эйвон и сообщила, что нашла Тюльпан, повесившуюся на дереве и, скорее всего, мертвую, в точке 217 по карте. Я тотчас передала эту информацию Харперу и Лоу и, получив от них подтверждение, что незнакомец взят под контроль, приказала им бежать со всех ног в точку 217 и оказать необходимую помощь.

После этого я объявила красную тревогу, требующую, чтобы весь обслуживающий персонал безотлагательно собрался в доме. Сюда входят два повара, шофер, рабочий по техобслуживанию оборудо-

вания, два уборщика и два работника прачечной — см. Приложение А. Я проинформировала их, что на территории обнаружен труп и что они не должны покидать хозяйский дом до последующих распоряжений. Я не сочла нужным упоминать о том, что обнаружен неизвестный посетитель.

К счастью, в это время появился д-р Медоус, примчавшийся на своем «бентли». Мы с ним сразу отправились по восточной окружной дорожке к точке 217. Когда мы подошли, Тюльпан уже лежала на земле, мертвая, со странгуляционной бороздой на шее. Охранники несли дежурство. Харпер, у которого после удара кровоточило лицо, отказался обращаться в полицию, а Лоу — вызывать скорую. В любом случае, сказала я им, на все требуется разрешение Г/Секретки, который уже едет в Лагерь № 4. Того же мнения был д-р Медоус, проводивший предварительный осмотр тела.

Я велела Харперу и Лоу возвращаться в Горбунок, ни с кем не связываться, ждать дальнейших приказов и не вести

с заключенным никаких разговоров. После их ухода д-р Медоус сообщил мне, что Тюльпан уже была мертва за несколько часов до того, как ее обнаружили.

Пока он продолжал ее обследовать, я записала, во что она была одета: французский жакет, плиссированная юбка и туфли-лодочки. В карманах было пусто, если не считать двух использованных бумажных салфеток. В последнее время Тюльпан жаловалась на легкий насморк. Ее сумочка, которую она называла «моя счастливая кошелка», была набита запасным красивым нижним бельем.

Беспрерывно поступавшие инструкции из Головного офиса предписывали немедленно перенести ее в Горбунок. Я снова вызвала Харпера и Лоу с носилками. И они ее унесли, притом что у Харпера из рассеченного лица обильно текла кровь.

Вместе с д-ром Медоусом мы вернулись в хозяйский дом. К чести Эйвон, она сумела взять себя в руки, разносила чай с печеньем и развлекала всех, как могла. К полудню мы ждали кризисный комитет

во главе с Г/Секрет. Все, кроме Харпера и Лоу, оставались в доме, а д-р Медоус тем временем занимался ссадинами Харпера и больной ногой непрошеного гостя в Подлодке.

А в доме завязалась дискуссия. Жанет Эйвон настаивала на том, что это она виновата в самоубийстве Тюльпан, и мне пришлось вступить с ней в спор. Тюльпан находилась в состоянии клинической депрессии, ее чувство вины и тоска по Густаву были непереносимы, она испортила жизнь своей сестре Лотте. Возможно, она подумывала о самоубийстве еще в Праге и наверняка по приезде в Лагерь № 4. Она сделала свой выбор и заплатила высокую цену.

И тут появляется Джордж со своей дезинформацией.

4. *Приезд Г/Секрет.* [*Смайли*] *и инспектора Менделя*

Г/Секрет. [Смайли] приехал в 15.55 в сопровождении инспектора (бывш.) Оливера Менделя, прикомандированного к Секретке. Мы с д-ром Медоусом сразу

проводили их в Горбунок.

После этого я вернулась в дом, где Ингеборга Лагг и Жанет Эйвон вдвоем успокаивали возбужденную прислугу. Спустя два часа появился мистер Смайли в сопровождении инспектора Менделя. Он выразил прислуге свои персональные соболезнования и заверил всех в том, что передаточный источник Тюльпан сама виновата в своей смерти и ни у кого в Лагере № 4 нет повода винить в этом себя.

Наступил вечер. Во дворе уже стоял маршрутный автобус, и многие из прислуги спешили домой в Солсбери, поэтому Г/Секрет. задержал их всего на несколько минут, чтобы успокоить по поводу «загадочного пришельца», о котором они могли слышать. Пока стоящий рядом с ним Мендель с улыбкой кивал головой, он признался, что сейчас «выдаст им тайну», которой не стал бы делиться, однако в данных обстоятельствах решил, что они имеют право на полную осведомленность.

В загадочном пришельце, объяснил он, нет ничего загадочного. Это ценный пред-

ставитель элитного и малоизвестного отдела нашей партнерской службы МИ-5, получивший задание любым, законным или незаконным, способом преодолеть защитные редуты одного из наших самых чувствительных и засекреченных объектов. Как потом выяснилось, он также является напарником и личным другом стоящего перед вами инспектора Менделя. [*Смех*.] О таких импровизациях намеченный объект обычно не информируют, а тот факт, что она совпала с решением Тюльпан уйти из жизни, не более чем «игра зловещего Провидения», как выразился Смайли. То же Провидение поймало пришельца в капкан для оленей. [*Смех*.] Харпер и Лоу проявили себя с лучшей стороны. Обоим объяснили ситуацию, и они без особого энтузиазма приняли ее как данность, хотя справедливо заметили, что «наш друг несколько перестарался». [*Снова смех*.]

На этом дезинформация не закончилась.

Г/Секрет. поведал присутствующим, что пришелец, являющийся никаким

не иностранцем, а самым настоящим уроженцем Великобритании из Клафама, направлен в пункт скорой помощи в Солсбери, где ему сделают укол противостолбнячной сыворотки и обработают рану. Инспектор Мендель в ближайшее время навестит своего старого друга и передаст ему бутылку виски вместе с пожеланиями скорейшего выздоровления от Лагеря № 4. [*Аплодисменты.*]

* * *

Шоу снова переходит под контроль Кролика и Лоры. Леонард отсутствует. Диалог ведет Кролик. Лора скептически слушает.

— Итак, вы составили отчет. С утомительными подробностями, осмелюсь добавить. Вы собрали все свидетельства и кое-что в придачу. Сигнальный экземпляр вы послали в Лондонское управление. А позже *выкрали его* из архива Цирка. Я правильно изложил?

— Нет, неправильно.

— Тогда почему этот отчет находится здесь, в Конюшне, среди документов, которые вы точно *выкрали?*

— Потому что он так и не был представлен.

— Никому?

— Никому.

— Ни в каком виде? Даже сокращенном?

— Комитет Казначейства решили не собирать.

— Вы имеете в виду так называемый комитет Трех Волхвов? Которых якобы побаивался весь Цирк.

— Председательствовал у них Оливер Лейкон. После дотошного изучения он решил, что отчет, в любом виде, следует положить под сукно.

— На каком основании?

— Что расследование самоубийства женщины, которая не прибывала в Соединенное Королевство, будет пустой тратой денег налогоплательщиков.

— Это решение Лейкону подсказал Джордж Смайли?

— Откуда мне знать?

— Запросто, как по мне. Если Смайли прикрывал вашу задницу, в числе прочих, — такой чисто гипотетический вариант, — то можно предположить, что Тюльпан повесилась по вашей вине. Может, в отчете была какая-то деталь или эпизод, показавшийся Смайли слишком тревожным для нежных ушей Казначейства?

— Скорее уж тогда для нежных ушей Лон-

донского управления, которое к тому времени, с точки зрения Джорджа, слишком глубоко залезло в операцию Мэйфлауэра. Он мог опасаться, что расследование еще больше приоткроет дверь. И дал совет Лейкону. Но это только мои догадки.

— А вам случайно не кажется, что главной причиной свернутого расследования явилось то, что Тюльпан вовсе не была такой уж покладистой перебежчицей, какой ее рисовали — не в последнюю очередь *вы* в своем подобострастном отчете, — вот и заплатила высокую цену?

— Какую цену? Вы о чем?

— Она была женщиной решительной. Мы это знаем. А еще, в случае чего, становилась настоящей ведьмой. И она настаивала на возвращении ей ребенка. Я хочу сказать, что она отказывалась сотрудничать с допрашивавшей ее командой, пока не вернут ее сына, а им это не понравилось, и их отчет — *ваш* отчет — был состряпан по приказу Смайли. А Лагерь № 4, постепенно захиревший после этого инцидента, тогда, как мы знаем, гордился своей одиночкой для таких, как она. Подлодкой, где проводили «допросы с пристрастием», как мы их сегодня называем. Этим занималась парочка слегка больных на голову охранников, не отличавшихся особой деликат-

ностью. Я намекаю на то, что она могла стать жертвой их повышенного внимания. Вы в шоке. Больная тема?

Я не сразу включился.

— Тюльпан никто *не пытал*, вы о чем! Ей просто задавали вопросы, в мягкой форме, профессионалы, которые ей симпатизировали, были ей благодарны и относились с пониманием к ее вспышкам гнева!

— Не берите в голову, — посоветовал мне Кролик. — У нас есть еще одна досудебная претензия и еще один потенциальный истец, в случае если дело дойдет до суда. Некий Густав Квинц, сын Дорис, теперь один из тех, кто с подачи Кристофа Лимаса (предположительно, но не точно), твердо решил засудить нашу Службу к чертовой матери. Ведь это она, в основном по вашей милости, совратила его матушку, заставив с помощью шантажа шпионить на нас, а потом насильно вывезла из страны и истязала так, что она в результате повесилась на дереве. Так? Не так?

Я думал, что он закрыл эту тему, но нет.

— А поскольку эти обвинения, за прошедшие годы выросшие в цене, уже нельзя заткнуть с помощью драконовских законов, позволявших это делать еще не так давно в подобных случа-

ях, существует вероятность, что всепартийная комиссия и/или последующее судебное расследование сунут свой нос в особо деликатные для нас темы. Вам это кажется забавным?

Забавно. Пожалуй. Я подумал о Густаве. Молодец. Ты все-таки решил получить то, что тебе причитается, хотя и пришел не по тому адресу.

* * *

Я на сумасшедшей скорости пересек Францию и Германию на мотоцикле под проливным дождем. И вот я стою у могилы Алека. Такой же дождь поливает маленькое кладбище в Восточном Берлине. Я весь в коже, но из уважения к Алеку снял шлем, и вода заливает мне лицо, пока мы с ним молча обмениваемся банальностями. Пожилой смотритель, или кто он там, заводит меня в свою келью и показывает книгу соболезнований, где среди прочих фигурирует имя Кристофа.

Может, это и послужило своего рода *point d'appui*[34]: сначала для Кристофа, потом для рыжеволосого Густава с его улыбкой до ушей, спевшего мне на пляже патриотическую песню,

---

[34] Сноски: 34
Точка опоры *(фр.)*.

а там и для Алека. После гибели его матери этого мальчишку я тайно, и лишь формально, взял под свою защиту, представляя себе, как его сначала отправят в жуткий восточногерманский сиротский дом, а когда подрастет, вышвырнут в мир, которому до него нет дела.

Время от времени, опять же тайно, дерзко нарушая законы Цирка, я под каким-нибудь предлогом отыскивал его через наши архивы и давал себе клятву — или, скорее, фантазировал, — что в один прекрасный день, когда мир хоть на пару сантиметров повернется на своей оси, я его разыщу и из любви к Тюльпан как-то поддержу сообразно обстоятельствам.

Сопровождаемый все тем же ливнем, я оседлал мотоцикл и двинулся дальше, но уже не на запад, во Францию, а на юг, в Веймар. Последний имеющийся у меня адрес Густава был десятилетней давности: деревня западнее города, дом, записанный на отца, Лотара. Через пару часов я стоял перед жутковатым, в советском стиле многоквартирным панельным домом, построенным в непосредственной близости от деревенской церкви — такой акт советской агрессии. Панели уже расходились. Некоторые окна заклеены бумагой изнутри. Разваливающееся крыльцо

украшали нарисованные краскораспылителем свастики. Квинц жил в квартире 8Д. Я тщетно нажимал на звонок. Наконец дверь открылась, и пожилая женщина подозрительно оглядела меня с ног до головы.

— Квинц? — повторила она с брезгливостью. — *Der Lothar? Längst tot*[35]. Давно помер.

— А Густав? Его сын?

— Официант, что ли? — хмыкнула она.

Отель под названием «Слон» выходил фасадом на историческую городскую площадь. Он был не новый. Кстати, любимый отель Гитлера, о чем мне успела рассказать пожилая женщина. Но его радикально перестроили, и фасад сверкал, как маяк западного процветания, бросающий вызов своим соседям победнее. Девушка-администратор в новеньком черном костюме сначала не поняла моего вопроса: «Герр Квинц у нас не останавливался». Потом, покраснев, добавила: «Ах, вы имели в виду Густава», — и пояснила, что обслуживающему персоналу запрещено принимать гостей, так что мне придется подождать окончания рабочей смены.

И когда же она заканчивается? В шесть часов.

---

[35] Сноски: 35
Лотар? Давно помер. *(нем.).*

И где мне его ждать? У служебного входа, где ж еще.

Дождь не утихал, начало смеркаться. Я стоял у служебного входа, как было велено. Сухощавый неулыбчивый мужчина, выглядевший, кажется, старше своих лет, вышел из подвала, натягивая старый армейский плащ с капюшоном. К перилам был цепью прикован велосипед. Мужчина склонился над замком.

— Герр Квинц? — окликнул я. — Густав?

Он распрямился во весь рост под слабым светом уличного фонаря. Он уже сутулился. Некогда рыжая копна поредела и начала седеть.

— Что вам надо?

— Я был другом вашей матери. Может, вы меня даже вспомните. Мы встретились на болгарском пляже, это было давно. Вы спели мне песню. — Я напомнил ему свое рабочее имя, то самое, которое назвал на пляже, когда его мать стояла голая у него за спиной.

— Вы были другом моей матери? — повторил он, словно привыкая к этой мысли.

— Совершенно верно.

— Француз?

— Точно.

— Она умерла.

— Я знаю. Мне очень жаль. Я подумал, вдруг смогу что-то для вас сделать. У меня сохранился ваш адрес. Я был в Веймаре. И вот представился такой шанс. Может, пропустим по рюмочке? Поговорим?

Он меня разглядывал.

— Вы спали с моей матерью?

— Мы были друзьями.

— Значит, спали. — Это прозвучало как простая констатация факта, без всякого выражения. — Моя мать была шлюхой. Она предала родину. Революцию. Партию. Моего отца. Она продалась англичанам и потом повесилась. Она была врагом народа.

Он сел на велосипед и уехал.

Глава 11

— Мне кажется, первое, что мы должны сделать, сердце мое, — заговорила Табита, которая всегда как будто робела. — Вы не против, что я называю вас «сердце мое»? Я так обращаюсь ко всем своим клиентам. Напоминание, что у меня, как и у них, есть сердце, пусть даже оно по необходимости вынуждено себя сдерживать. Итак, первое, что мы делаем: составляем черный список гадостей, которые наговорили наши противники, и отметаем их одну за другой. Главное, чтобы вы чувствовали себя удобно. Вам удобно? Прекрасно. Вы меня хорошо слышите? Никогда не могу понять, есть ли прок от этого аппарата. Государственное здравоохранение?

— Французское.

Табита, насколько я помню с детства из книг Беатрис Поттер, была затурканной мамашей трех непослушных котят. Вот почему у меня вызывало кривую ухмылку то, что сидевшая напротив меня женщина с таким же именем напоминала, по крайней мере внешне, сказочного персонажа: такая мамаша сорока с чем-то лет, ласковое лицо,

полненькая, слегка задыхающаяся, героически превозмогающая усталость. А еще, как мне было сказано, мой адвокат. Леонард, выполнив свое обещание, принес Кролику список имен, которые у него вызвали настоящее восхищение — «Питер, они за вас всем перегрызут горло, как ротвейлеры», — но по поводу двух кандидатур он выразил *малюсенькие* сомнения — «не прошли необходимые дорожные испытания, только цитировать меня не надо… а одну, но это строго между нами, я бы не подпустил на пушечный выстрел: не знает, когда тормознуть, ни малейшего представления о том, как работают суды, и судьи ее терпеть не могут». Это и была Табита.

Я сказал: это то, что мне нужно, и попросил о встрече у нее в офисе. Ответ: ее офис не считается безопасным местом, поэтому лучше в его офисе в бастионе. Я сказал, что не считаю его офис безопасным местом. И вот мы с ней сидим все в той же библиотеке, где на нас со стен скалятся фотографии Ганса-Дитера Мундта и его главного соперника Йозефа Фидлера в полный рост.

* * *

В настоящем времени прошла всего одна бессонная ночь, с тех пор как мы кремировали

Тюльпан, а вот мир, с которым Табита вступила в борьбу, сделал большой шаг назад.

Вознеслась Берлинская стена.

Все агенты и субагенты из разведывательной сети Мэйфлауэра пропали без вести, были арестованы, убиты, если не всё в один присест.

Карл Римек, героический доктор из Кёпеника, случайный основатель этой сети и ее неизменный вдохновитель, был безжалостно застрелен при попытке бежать в Западный Берлин на велосипеде.

Для Табиты — история, а для нас, все это переживших, время отчаяния, растерянности и подавленности.

Агент Паданец — он теперь за нас или против нас? Сидя в нашем редуте под названием Конюшня, мы, горстка посвященных, издали с изумлением наблюдали за его стремительным карьерным взлетом — он стал в Штази главой отдела спецопераций.

Мы получили, обработали и распространили под общим грифом «Паданец» первоклассные разведданные по поводу самых разных экономических, политических и стратегических целей — к еле сдерживаемым крикам радости наших клиентов в Уайтхолле.

Но при всем своем могуществе — а может, оно как раз и связывало ему руки — Мундт был не в силах прекратить или хотя бы приостановить безжалостную охоту на наших агентов и субагентов, устроенную его соперником Йозефом Фидлером.

Вынужденный вести эту грязную борьбу за власть в Штази и милости московского Центра, Ганс-Дитер Мундт, он же Паданец, давал нам понять, что у него нет иного выхода, кроме как наперегонки с Фидлером демонстрировать рвение в деле зачистки страны-утопии под названием Германская Демократическая Республика от шпионов, саботажников и прочих лакеев буржуазного империализма.

По мере того как один агент за другим становились жертвами ожесточенного соперничества двух высокопоставленных чиновников, боевой дух команды, участвовавшей в операции «Паданец», падал ниже плинтуса.

И все это обрушивалось на голову Смайли, который допоздна просиживал, запершись в своем кабинете, а спонтанные визиты Хозяина лишь добавляли ему головной боли.

* * *

— Почему я не могу ознакомиться с исковым заявлением, или досудебным требованием, или как там оно называется? — спрашиваю я Табиту.

— Потому что ваша мудрая Служба из соображений национальной безопасности пометила всю документацию грифом секретности. А вы не имеете специального доступа. Через месяц они за это поплатятся, но пока временные ограничения тормозят нашу работу, чего они, собственно, и добиваются. Однако я кое-что для вас наковыряла. Начнем?

— Куда исчезли Кролик с Лорой?

— Боюсь, они считают, будто получили от вас все, что им было нужно. И Леонарда их доклад удовлетворил. Я первый раз заглянула в шкафчик нашего оппонента. Похоже, бедняжка Дорис Гамп запала на вас с самого начала и, к сожалению, все выболтала своей сестре Лотте, а та быстро раскололась на допросах в Штази. Так что им про вас все известно. Вы правда гуляли с ней нагишом по пляжу под болгарской луной?

— Нет.

— Отлично. И вы с ней провели чудесную ночь в пражском отеле, поддавшись естественным

чувствам?

— Не было такого.

— Отлично. Тогда перейдем к гибели двух «берлинцев». Алек Лимас и Элизабет Голд. Начнем с Элизабет. Ее дочь Карен обвиняет вас в том, что, связавшись с ней, то ли по собственной инициативе, то ли с подачи Джорджа Смайли или другого неназванного лица, вы лично *завлекли, соблазнили либо как-то еще вынудили* ее стать *пушечным мясом* — выражение истца, не мое — *в грандиозной, злонамеренной и неудавшейся попытке* (надо же так сформулировать!) дискредитировать руководство Штази. Было дело?

— Нет.

— Отлично. Картина проясняется? Вы, профессиональный донжуан, работавший на британскую секретную службу, заманивали доверчивых, ни о чем не подозревающих девушек в качестве сообщниц в безрассудных операциях, которые тут же лопались по всем швам. Так?

— Нет.

— Конечно, так. А еще вы подложили Элизабет Голд в постель своему коллеге Алеку Лимасу, да?

— Нет.

— Отлично. Еще, как водится, вы с ней переспали. Или разогрели ее для Алека. Верно?

— Нет.

— Я в этом ни секунды не сомневалась. И в результате ваших гнусных махинаций Элизабет Голд была застрелена возле Берлинской стены, а ее любовник Алек Лимас то ли попытался ее спасти, то ли решил погибнуть вместе с ней. В любом случае он тоже был застрелен за свои мучения, и вина лежит на вас. Чайку или бомбим дальше? Бомбим дальше. Теперь к обвинениям *Кристофа Лимаса*, а они будут пообстоятельнее, так как его отец Алек стал жертвой всего перечисленного. К моменту, когда вы его заманили, шантажировали, обвели вокруг пальца и так далее, чтобы сделать незадачливой игрушкой вашего болезненного интриганского воображения, Алек был конченым человеком, не способным самостоятельно перейти улицу, а не то что провести изощренную спецоперацию по введению противника в заблуждение: *изобразить* из себя перебежчика в Штази, а на самом деле остаться под вашим тлетворным контролем. Так?

— Нет.

— Ну еще бы. А теперь мое предложение: выпейте побольше водички и пробегитесь своими стеклянными глазками по документу, который мне удалось-таки под конец выпросить ненадол-

го из исторического архива вашей драгоценной Службы. Вопрос первый: этот эпизод стал отправной точкой заката карьеры вашего дружка Алека? И вопрос второй: если это так, то было ли его падение *настоящим* или *симулированным?* Другими словами, намеренно ли Алек становился невыносимым для своей родной Службы и чрезвычайно привлекательным для вербовщиков московского Центра и Штази?

* * *

Телеграмма Г/берлинского Центра [Макфадьена] — *Г/Лондонского управления, копии Г/Секретных операций и Г/отдела кадров, очень срочно,* 10 *июля* 1960 *г.*

Тема: немедленное увольнение Алека Лимаса из берлинского Центра по дисциплинарным соображениям

В 01.00 произошел следующий эпизод в ночном клубе «Альтес Фасс» в Западном Берлине между ЗГ/берлинского Центра Алеком Лимасом и ЗГ/берлинского Центра ЦРУ Саем Афлоном. Обе стороны эти факты не отрицают. Между ними существует давняя вражда, в которой, как

я уже писал ранее, следует целиком винить Лимаса.

Лимас пришел в ночной клуб один и сразу направился в «Даменгалери», бар для женщин, ищущих клиентов. До этого, по его собственному признанию, он выпил, но не был пьян.

Афлон сидел за столиком с двумя коллегами женского пола, смотрел кабаре и тихо прикладывался.

Увидев эту компанию, Лимас изменил маршрут, подошел к столику и, наклонившись вперед, обратился к Афлону на пониженных тонах со следующими словами:

Лимас: Еще раз попробуешь перекупить мой источник, сверну тебе шею.

Афлон: Алек, стоп. Стоп. Давай не в присутствии дам.

Лимас: Две тыщи баксов в месяц за первый слив, а уж потом пусть продает нам. Это что, война? Может, еще французский поцелуй от этих милых дамочек в придачу?

Афлон поднялся в ответ на это грубое оскорбление, и тогда Лимас ударил его

в лицо локтем, а когда тот упал, нанес ему удар ногой в пах. Кто-то вызвал местную полицию, а та запросила американскую военную полицию. Афлона увезли в американский военный госпиталь, где он сейчас восстанавливается. К счастью, обошлось без перелома или других тяжелых травм.

Я принес свои искренние извинения Афлону персонально и Г/Центра Мильтону Бергеру. Это лишь последний из целой череды печальных инцидентов, связанных с Лимасом.

Я признаю, что последние потери, понесенные разведывательной сетью Мэйфлауэра, тяжело сказались на Центре в целом и Лимасе в частности, однако это не оправдывает ущерба, который он нанес отношениям с нашим важнейшим союзником. Антиамериканизм Лимаса проявляется уже давно, но сейчас стал абсолютно неприемлемым. Кому-то придется уйти — ему или мне.

Ниже каракули Хозяина, сделанные зеленой ручкой, и лапидарный ответ Смайли: «Я уже

распорядился о возвращении Алека в Лондон».

* * *

— Ну так как, Питер? — снова вступает Табита. — Симуляция? Нет? Официальный закат его карьеры?

Весь в раздумьях, я медлю, и тогда она предлагает свой ответ:

— Так, по крайней мере, полагал Хозяин, — она показала пальцем на зеленые каракули в конце страницы. — Примечание для вашего доброго дядюшки Джорджа. *Многообещающее начало*, подпись «Х». Яснее не скажешь, особенно в вашем мутном мирке, а?

Да, Табита, яснее не скажешь. А что мирок мутный, это правда.

* * *

Похороны. Поминки. Воровская сходка на грани отчаяния, затемно, в этой самой комнате, где на нас мрачно взирают со стен Йозеф Фидлер и Ганс-Дитер Мундт. Шестеро «паданцев», как нас окрестила Конни Сакс, наш последний рекрут: Хозяин, Смайли, Джим Придо, Конни, ваш покорный слуга и Милли, наша молчаливая

соратница. Джим Придо только что вернулся из секретной командировки в Будапешт, где получил из рук в руки редкий материал от самого Паданца. Конни Сакс, молоденькая, но знающая все о разведке Советов и их союзников, совсем недавно, обидевшись на Лондонское управление, перешла в раскрытые объятия Джорджа. Шустрая пухленькая малышка, педантка, всегда на коне и кое-как терпит низшие умы вроде меня.

Величавая, отстраненная, с волосами черными как смоль, Милли Маккрейг ходит среди нас, точно медсестра в больнице, предлагая кофе и скотч. Хозяин берет свой противный зеленый чай и, сделав глоток, отставляет чашку в сторону. Джим Придо, как обычно, курит одну за другой вонючие русские сигареты.

А что Джордж? Он настолько отрешен и замкнут в себе, настолько недоступен, что тому, кто решился бы прервать его глубокие раздумья, потребовалась бы большая смелость.

Хозяин, заговорив, водит по губам пожелтевшими от табака кончиками пальцев, словно проверяя, нет ли у него каких-то болячек. Серебристо-седой, щеголеватый, не имеющий ни возраста, ни друзей. Где-то у него есть жена, которая, если верить слухам, считает, что ее

супруг является членом правления угольной компании. Когда он встает, человек непосвященный с удивлением замечает, что он сутулится. Кажется, вот сейчас он расправит плечи, но нет. Эту должность он занимает с незапамятных времен, но за все годы я с ним говорил всего два раза, и еще однажды он прочел лекцию нам, выпускникам школы в Сарратте. Его голос, как и он сам, режет тебя пополам — гнусавый, монотонный, раздражительный, точно у испорченного ребенка. И теплее, как можно было бы ожидать при ответах на вопросы — даже самому себе, — не становится.

— Мы по-прежнему верим или уже нет, что чертов герр Мундт передает нам достоверную информацию? — спрашивает он сквозь пальцы. — Или это объедки? Мелочевка? Дымовая завеса? Может, он просто морочит нам головы? Джордж?

В присутствии Хозяина никто не пользуется кодовыми кличками, таково правило. Ему они неинтересны. Слишком много чести. Лучше называть вещи своими именами.

— Продукция Мундта хуже не стала, Хозяин, — следует ответ Смайли.

— Жаль, что он не предупредил нас насчет чер-

товой Стены. Или просто забыл? Джим?

Неохотно расставшись с сигаретой, Джим Придо дает пояснение:

— Мундт утверждает, что Москва не поставила его в известность. Они сказали только Фидлеру. А тот делиться информацией не стал.

— Этот свин убил Римека, не так ли? Как-то не по-дружески. Почему он на это пошел?

— Он говорит, что приехал на место, опередив Фидлера всего на пару часов, — отвечает Придо своим монотонным хриплым голосом.

Мы ждем, что скажет Хозяин, а он, в свою очередь, заставляет подождать нас.

— Значит, мы не верим, что противник развернул Мундта против нас, — раздраженно бубнит Хозяин. — Он по-прежнему на нашей стороне. Это, черт подери, в его интересах. Мы в любой момент можем бросить его на съедение волкам. Он помешан на власти. Хочет быть золотым мальчиком Москвы. Пусть будет золотым мальчиком Москвы, говорим мы. И *нашим* золотым мальчиком при этом. Так что наши интересы совпадают. Но герр Йозеф, чертов Фидлер вставляет ему палки в колеса. И нам заодно. Фидлер подозревает, что Мундт работает на нас, и тут он не ошибается. Поэтому Фидлер мечтает вывести

его на чистую воду и снискать лавры. Все верно, Джордж?

— Похоже, что так, Хозяин.

— Похоже, что так. У нас все *похоже*. И ничего *так*. А мне казалось, что в нашей профессии мы имеем дело с фактами. Да или нет: герр Йозеф Фидлер, этот святой по стандартам Штази, как нас убеждают, истинный патриот и еврей к тому же, полагает, что его коллега Ганс-Дитер Мундт, убежденный нацист, на побегушках у британской разведки? И он не так уж ошибается?

Джордж кидает взгляд на Джима Придо, тот потирает скулу и опускает взгляд на вытертый ковер. А Хозяин продолжает:

— Так мы доверяем герру Мундту? Еще один вопрос. Или он мутит воду, как многие другие знакомые нам агенты? Не водит ли он тебя за нос, Джим? Вы, кураторы, часто проявляете мягкотелость, когда дело касается ваших пехотинцев. Даже такой отъявленный сукин сын, как Мундт, пользуется презумпцией невиновности.

Но уж кому-кому, а Хозяину-то известно, что Джим Придо мягкотелый, как кремень.

— У Мундта есть свои люди в лагере Фидлера. Он мне назвал их имена. Он их выслушивал. Он знает, что Фидлер под него копает. Тот практи-

чески сказал ему об этом в лицо. У Фидлера есть друзья в московском Центре. Мундт ожидает их действий в скором времени.

Мы опять ждем реакции Хозяина, но он решает сначала пригубить холодного зеленого чаю и дать нам на себя полюбоваться.

— Отсюда вопрос, Джордж, — говорит он брюзгливо и несколько устало. — Если убрать Йозефа Фидлера с дороги (*как* — это уже дискуссионный вопрос), не полюбит ли Москва Мундта сильнее? А если так случится, не позволит ли это нам узнать наконец, какой гад сливает наших агентов московскому Центру? — Ответа он так и не получил. — А ты, Гиллем, что скажешь? Что думает молодежь по этому поводу? По-родственному?

— Боюсь, что у меня нет ответа, сэр.

— Жаль. Мне кажется, мы с Джорджем нашли ответ, вот только ему этот ответ не по нутру. В отличие от меня. Я уже назначил на завтра встречу с вашим другом Алеком Лимасом. Проверим температуру воды. Поглядим, что он обо всем этом думает, после того как его агентурная сеть перешла под контроль Мундта — Фидлера и их охотничьего клуба. В его положении грех не воспользоваться шансом, чтобы закончить карьеру на высокой ноте. Вы со мной согласны?

* * *

Табита меня провоцирует и, скорее всего, сознательно.

— В чем, шпионы, ваша проблема: никто из вас толком ничего не знает. Что сильно осложняет вашу защиту. Я, конечно, приложу все усилия, как обычно. — Получив благосклонную улыбку вместо ответа, она продолжает: — Элизабет Голд вела дневник, вот в чем проблема. А Дорис Гамп все рассказывала своей сестре Лотте. Женщины так устроены: сплетничают, ведут дневник, пишут глупые письма. А люди вроде Кролика на этом греют руки. Сравнивают вас с тайными осведомителями полиции сегодня, которые соблазняют своих доверчивых жертв и заделывают им детей. Я сравнила даты, не от вас ли Элизабет родила Карен, но тут вы чисты, к моему облегчению, признаюсь. А уж Густав, слава богу, слишком взрослый, чтобы вы о нем могли даже мечтать.

* * *

Душистым осенним днем спустя неделю после объявления Хозяина о том, что они с Алеком проверят температуру воды, мы с Джорджем

Смайли сидим за садовым столиком в его доме в Хемпстедской пустоши. Рабочий день, вокруг ни одной живой души. Мы могли с таким же успехом встретиться в Конюшне, но Джордж намекнул: разговор настолько приватный, что лучше на свежем воздухе. Панама затеняет его глаза, и в результате мне открывается не только часть секретов, но и Джорджа только часть.

Светская беседа осталась позади — или мне так кажется. Работой доволен? Да, спасибо. Переживания по поводу Тюльпан остались в прошлом? Спасибо, да. Хорошо, что Оливер Лейкон похоронил черновик твоего отчета, а то бы Лондон мог кое-что узнать про загадочного швейцарца, проникшего в Лагерь № 4. Да, конечно, соглашаюсь я, проливший из-за этой истории немало пота и слез.

— Я хочу, чтобы ты для меня подружился с одной девушкой, Питер. — Для большей задушевности он морщит бровь. Тут до него доходит, что я могу неверно истолковать его просьбу. — О господи. Это я не для себя прошу, смею уверить! Исключительно в оперативных интересах. Готов? В принципе? Ради общего дела? Завоевать ее доверие?

— Речь идет о «Паданце», — осторожно уточ-

няю я.

— Да. Естественно, и ни о чем больше. Ради успешного завершения операции. Ради ее спасения. В качестве необходимого и срочного дополнения. — Мы попиваем яблочный сок и наблюдаем за проходящими людьми, освещенными ярким солнцем. — А также, добавлю, по особой просьбе Хозяина, — добавляет он то ли в качестве дополнительного аргумента, то ли чтобы снять с себя всякую ответственность. — Именно он произнес твое имя: *этот молодой парень, Гиллем*. Выделил тебя.

Комплимент или завуалированное предупреждение? Подозреваю, что Джордж недолюбливает Хозяина, а Хозяин вообще никого не любит.

— Пересечься с ней не проблема, — продолжает он жизнеутверждающе. — Она член местного отделения коммунистической партии. По выходным продает в киоске «Дейли уоркер». Но я с трудом себе представляю, как ты покупаешь эту газету, а ты?

— Если ты имеешь в виду, стоит ли мне подойти к ней в качестве постоянного читателя «Дейли уоркер», то, пожалуй, не стоит.

— Нет-нет, и не вздумай. Ни в коем случае не стоит выдавать себя за человека, на которого

ты не похож. Оставайся самим собой: доброжелательным представителем среднего класса. Она бегает, — внезапно добавил он.

— *Бегает?*

— По утрам. По-моему, очень мило. А ты как считаешь? Для поддержания спортивной формы. Для общего самочувствия. Нарезает круги на местном стадионе. В одиночку. Потом на работу в книжном магазине. Не *лавке*, а магазине. Отправляет книжки оптовикам пачками. Нам может показаться скучным делом, а она в этом видит миссию. Все должны быть обеспечены книгами, особенно забитые массы. А еще она марширует.

— Тоже для здоровья?

— Марши Мира, Питер. Мира с большой буквы. От Олдермастона до Трафальгарской площади, а потом продолжение в Гайд-парке. Мир — штука непростая.

Он хочет вызвать у меня улыбку? Я пытаюсь ее изобразить.

— Но я и не предлагаю, чтобы ты помогал ей нести знамя, нет, конечно. Ты настоящий буржуа, человек состоявшийся, тип ей неизвестный, а потому особенно привлекательный. Продемонстрируй ей хорошие кроссовки и свою плутовскую

улыбку, и вы быстро станете друзьями. А когда придет время, французское гражданство поможет тебе деликатно исчезнуть. Было и быльем поросло. Ты забудешь о ней, а она о тебе. Вот и всё.

— На всякий случай не мешало бы узнать ее имя.

Он задумывается и морщится, как будто столкнулся с настоящей проблемой.

— Ну, что сказать… они иммигранты. Ее семья. Родители в первом поколении, она во втором. И после некоторых раздумий они остановились на фамилии *Голд*. — Он говорит так, будто я вытянул из него это признание клещами. — А звать ее *Элизабет*. Для друзей Лиз.

Я тоже не тороплюсь. Попиваю яблочный сок на солнышке в компании с тучным джентльменом в панаме. Никто никуда не спешит.

— А когда я завоюю ее доверие, как ты выразился, что потом?

— Придешь ко мне и расскажешь, — следует хлесткий ответ. Вальяжную задумчивость неожиданно сменило раздражение.

* * *

Я, французский коммивояжер Марсель Лафонтен, что подтверждают мои документы,

остановился в индийском пансионе в Хакни, районе Восточного Лондона. Пошел пятый день. Каждое утро, на рассвете, я добираюсь автобусом до мемориального парка и там бегаю. Обычно нас там шесть-семь человек. Набегавшись, мы отдуваемся, стоя на ступеньках спортивного клуба, отслеживаем время забега, сравниваем результаты. Перебрасываемся короткими фразами. Потом разбредаемся по душевым кабинкам, а перед расставанием говорим друг другу пару слов на прощание. Всех забавляет мое французское имя, но немного разочаровывает, что у меня нет французского акцента. Я им объясняю, что моя мать, ныне покойная, была англичанкой.

В легенде, чтобы она не провалилась, заранее отсекаются все торчащие ниточки.

Из трех женщин-бегуний Лиз (фамилии опускаются) самая высокая и уж точно не самая резвая. Ее вообще не назовешь бегуньей от природы. Сюда ее привели воля, самодисциплина и чувство освобождения. Она сдержанна и, похоже, не отдает себе отчета в том, что она хороша собой, красива такой мальчишеской красотой. Длинные ноги, темные коротко стриженные волосы, широкий разлет бровей и беззащитный взгляд больших карих глаз. Вчера мы впервые

обменялись улыбками.

— Впереди тяжелый день? — спросил я.

— Мы проводим забастовку, — сказала она, переводя дух. — В восемь уже должна стоять у ворот.

— У каких ворот?

— Возле моей работы. Начальство пытается уволить нашего профсоюзного организатора. Все это может протянуться не одну неделю.

А дальше — пока, пока, до завтра.

А завтра суббота, шопинг, не до пикетов. Мы пьем с ней кофе в кафе, и она спрашивает, чем я занимаюсь. Я отвечаю, что как коммивояжер продаю местным больницам и практикующим врачам медикаменты французской фармацевтической компании. Это должно быть интересно, замечает она. Да не особенно, говорю, я-то хотел бы изучать медицину, но мой отец против, потому что это наша семейная компания и он хочет, чтобы я прошел весь путь и со временем ее возглавил. Я протягиваю ей свою визитку, на которой указано название фирмы по фамилии моего вымышленного папаши. Она изучает ее, то озабоченно хмурясь, то улыбаясь. Побеждает озабоченность.

— Вы считаете это правильным? В социальном

смысле? Что сын становится главой фирмы только потому, что он сын?

Я отвечаю, что нет, не считаю это правильным, меня это всерьез беспокоит. Как и мою невесту. Вот почему я мечтаю стать врачом, как она. Я ее не только люблю, но и восхищаюсь ею как профессионалом, ведь она спасает человечество.

Почему я придумал себе невесту? Хотя Лиз кружит мне голову, я не желаю, пока жив, повторения истории с Тюльпан. Благодаря моей мифической невесте мы с Лиз спокойно прогуливаемся вдоль канала и откровенно делимся своими мечтами. Теперь она знает, что я по уши влюблен и восхищаюсь женщиной-врачом, живущей во Франции.

Поделившись мечтами и надеждами, мы заговариваем о родителях и о том, что значит быть полукровкой. Она спрашивает, не еврей ли я; отвечаю отрицательно.

За кувшином красного вина в греческом кафе она интересуется, не коммунист ли я, и, вместо того чтобы снова сказать «нет», я выбираю более свободное направление и признаюсь, что никак не могу сделать выбор между большевиками и меньшевиками, как насчет подсказки?

Мы становимся серьезными, она так уж точно,

и начинаем обсуждать Берлинскую стену, которая так засела в моем мозгу, что можно только удивляться — оказывается, не только в моем.

— Мой отец считает ее барьером, чтобы не пускать фашистов, — говорит она.

— Что ж, — говорю, — и такая точка зрения имеет право на жизнь.

Мои слова ее раздосадовали.

— А что это, *по-вашему?* — спрашивает она.

— Мне не кажется, что Стена построена, чтобы кого-то не пускать, — говорю я. — Мне кажется, ее построили, чтобы людей не *выпускать*.

После серьезной паузы она делает заявление, на которое мне нечего ответить:

— Мой отец думает иначе, Марсель. Фашисты убили его семью. Этим все сказано.

* * *

— Дневник бедной Лиз *переполнен* записями о вас, Питер. — Табита одаривает меня доброй жалостливой улыбкой. — Такой галантный. А как прекрасно говорит по-английски! Даже забываешь, что он француз. Как жаль, что в мире мало подобных мужчин. Конечно, с партией вам не по пути, но вы гуманист, вы знаете толк в настоящей любви, и, если с вами немного по-

работать, не исключено, что когда-нибудь вы увидите свет в конце туннеля. Она не пишет, что хотела бы подсыпать мышьяку в кофе вашей невесты, но и без того все ясно. Если вы забыли, она вас сфотографировала. Вот. Она специально одолжила у отца «Полароид».

Я в кроссовках стою, опираясь на перила. Это она так меня поставила и предупредила, чтобы я держался естественно и не улыбался.

— Боюсь, что им она тоже доступна. Так сказать, улика номер один. Коварный Ромео, который похитил сердце бедной девушки и стал виновником ее смерти. Считайте, что про вас сложили песню.

* * *

— Мы подружились, — объявляю я Джорджу уже не в Хемпстеде солнечным днем за яблочным соком, а снова в Конюшне под фоновое звучание шифровальной машины над нашими головами и перестук пишущих машинок.

Я рассказываю ему подробности оперативной разработки. Она живет с родителями. Ни братьев, ни сестер. Вечером никуда не ходит. Родители постоянно ссорятся. Отец застрял между сионизмом и коммунизмом. Исправно ходит в синагогу и не пропускает собраний с товарищами-партий-

цами. Мать сугубо светская. Папаша видит Лиз продавщицей одежды. Мамаша видит ее учительницей. У меня складывается впечатление, что Джорджу все это уже известно, не зря же он остановил на ней свой выбор.

— Но чего желает *сама* Элизабет, вот вопрос? — размышляет он вслух.

— Она желает вырваться из дома, Джордж, — отвечаю я с излишней горячностью.

— Вырваться *куда-то* или просто вырваться?

Предпочтительнее всего в библиотеку, говорю. Например, марксистскую. Есть такая в Хайгейте, она им даже написала, но они не ответили. А пока работает волонтером в публичной библиотеке по соседству. Читает английские книжки детям иммигрантов, учащим язык. Зачем я говорю все это Джорджу? Он наверняка и так знает.

— Так давай поможем ей, а? Побудь еще немного с ней рядом, прежде чем отбыть к французским берегам. Тебе как, комфортно?

— Не очень.

Сдается мне, что ему тоже.

* * *

Спустя пять дней и две прогулки вдоль канала. Вечером мы снова сидим в Конюшне.

— Посмотрим, понравится ли ей это. — Джордж передает мне страничку, вырванную из еженедельника «Паранормальные явления». — Ты случайно наткнулся на объявление, пока ждал в приемной врача, к которому пришел со своими фармацевтическими препаратами. Зарплата жалкая, но, подозреваю, для нее это не так важно.

«Бейсуотерской библиотеке психических исследований требуется помощник библиотекаря. Запрос вместе с фотографией и краткой автобиографией, написанной от руки, посылайте на имя мисс Элеоноры Крейл».

* * *

— Марсель! Я получила это место, Марсель! — Плача и смеясь, Лиз размахивает письмом в кафе спортивного клуба. — Получила, получила! Папа меня стыдит, называет это заведение буржуазным предрассудком с антисемитским душком. А мама говорит: «Хватайся за такую возможность, это первая ступенька». И я схватилась. С понедельника следующего месяца приступаю!

Положив письмо, она вскакивает и заключает меня в объятия со словами, что я ее лучший друг. А я уже не первый раз сожалею о том, что выду-

мал свою французскую невесту. И, мне кажется, она тоже об этом сожалеет.

* * *

Как быстро выяснила Табита, вывести меня из себя совсем не сложно.

— Вы пустили ей пыль в глаза, а потом исчезли с горизонта, сообщив своему дружку Алеку, какую чудесную девушку-коммунистку вы ему нашли. Осталось только устроиться в ту же дурацкую библиотеку, и они скоро окажутся в одной постели. Такая была конструкция?

— Ничего я Алеку не сообщал. С Лиз Голд я встретился в рамках операции «Паданец», к которой у Алека на тот момент не было допуска. Если между ними в библиотеке что-то и произошло, то я к этому не имел никакого отношения, и меня никто не поставил в известность.

— И какие же Смайли давал вам указания по поводу Лимаса, когда тот как бы ушел в запой, сопровождавшийся «распадом личности» и «предательствами»?

— Оставаться его другом и действовать сообразно будущим событиям. Имея в виду, что по мере развития операции я стану таким же объектом пристального внимания противника,

как и Алек.

— А тем временем инструкции, которые Хозяин отдавал Лимасу, звучали примерно так (поправьте меня, если я ошибаюсь): «Мы знаем, что ты, Алек, ненавидишь американцев, продолжай их ненавидеть. Мы знаем, что ты пьешь как лошадь, можешь удвоить дозу. Мы знаем, что ты любишь подраться, когда выпьешь, не надо себя сдерживать. И вообще, делай все, что тебе заблагорассудится». Похоже на правду?

— Алек, чуть что, лез в драку. Так он мне говорил.

— В смысле, так вам говорил *Хозяин*?

Куда она клонит? В чьих интересах? Казалось бы, вот сейчас попадет в самую точку, и тут же уходит в сторону, словно боясь ошпариться.

— Так мне говорил Смайли.

* * *

Мы с Алеком во время обеденного перерыва выпиваем в пабе неподалеку от Цирка. Хозяин дал ему последний шанс привести себя в порядок и отправил в банковский отдел на первом этаже с установкой прикарманивать все, что попадется под руку, хотя он мне в этом не признался

и вряд ли знает, что я все знаю. Уже полтретьего, мы тридцать минут пересидели, а если ты работаешь на первом этаже, то на обед тебе отводится час, и никаких отмазок.

После двух пинт пива он переходит на скотч, а весь его обед состоит из пакетика чипсов с соусом табаско. Он громко разоряется по поводу того, из каких придурков состоит нынешний Цирк, и куда подевались настоящие ветераны войны, и что все интересы начальства на верхнем этаже сводятся к тому, чтобы лобызать американскую задницу.

Я на это почти ничего не отвечаю, ибо мне не до конца понятно, где говорит настоящий Алек, а где он играет роль, в чем я тоже не уверен, так уж меня настроили. Когда мы выходим из кабака, он вдруг хватает меня за руку. В моей голове проносится мысль, что сейчас он мне врежет. Но вместо этого он меня облапил, как ирландский пьяница, которого он из себя изображает, а по небритым щекам текут слезы.

— Я тебя люблю, Пьеро, слышишь?

— Я тоже тебя люблю, Алек, — откликаюсь с готовностью.

Прежде чем выпустить меня из объятий, он задает вопрос:

— Кто такой этот сраный Паданец? Просвети меня, дурака.

— Да так, один из источников Секретки. А что?

— Вчера этот сутенер Хейдон в подпитии мне говорит, мол, у Секретки появился классный источник, а Лондонское почему-то оказалась не при делах. Знаешь, что я ему на это сказал?

— Что ты ему сказал?

— Если бы Секретку возглавлял я, говорю, и кто-то из лондонцев подошел ко мне и спросил: «Кто ваш главный источник?», я бы дал ему по яйцам.

— И что тебе на это сказал Билл?

— Послал меня на три буквы. Знаешь, что еще я ему сказал?

— Пока нет.

— Держи свои пухлые ручки подальше от жены Джорджа.

* * *

В Конюшне поздний вечер. Обычная история. В этом доме живут в темное время суток и непредсказуемыми вспышками. Еще минуту назад мы все умирали от скуки и ожидания, вдруг какая-то суета у входа, раздается крик: «Несет!», — и вваливается Джим Придо с последними «драгоценностями короны» в виде

микрофильмов или фотокопий от Паданца. Одни ждали Джима в заброшенном почтовом ящике на чужой территории; другие были мимоходом переданы ему из рук в руки в каком-то пражском переулке. И вот я уже ношусь по разным этажам с телеграммами и дозваниваюсь по зеленому телефону до наших клиентов в Уайтхолле, и где-то рядом надрываются пишущие машинки, а над нашими головами подает голос криптографическая машина. В ближайшие двенадцать часов мы будем обрабатывать сырой материал Мундта: здесь и там фиктивные источники — где-то сработала радиотехническая разведка, кто-то перехватил телефонный разговор — и лишь изредка, для оживления этого информационного массива, высокопоставленный и надежный информатор, — все это освящено магическим именем Паданца и предназначено исключительно для посвященных читателей. Сегодня затишье между бурями. Джордж один в своем кабинете — редкий случай.

— Пару дней назад я столкнулся с Алеком, — начинаю я.

— Питер, кажется, мы договорились, что ты возьмешь паузу.

— Я не все понимаю в операции «Паданец»,

а хотелось бы понять.

— *Хотелось бы?* На каком основании? Питер, ты меня удивляешь!

— Это простой вопрос, Джордж.

— Оказывается, мы занимаемся простыми вопросами.

— Какой у Алека мандат? Больше я ни о чем не спрашиваю.

— А то ты не знаешь. Заниматься тем, чем он занимается. Превращаться в злобствующего лузера, отвергнутого Службой. Обиженного, закусившего удила, на всё готового.

— Но зачем, Джордж? С какой целью?

Он уже с трудом сдерживается. Начинает отвечать, затем делает глубокий вдох и начинает заново.

— Твой друг Алек Лимас получил приказ в открытую демонстрировать весь набор своих давно известных изъянов. Это должно попасть в поле зрения наблюдателей из стана противника — не без помощи «предателей» в нашей среде, — чтобы потом предложить рынку немалый массив разведданных, которыми он располагает, а мы от себя добавим несколько ложных ниточек.

— То есть стандартная деза в отношении двойного агента.

— С рюшечками и оборочками. Да, стандартная операция.

— А он уверен, что его миссия состоит в том, чтобы ликвидировать Мундта.

— И он прав, не так ли? — следует мгновенный ответ, и даже интонация не меняется.

Он гневно разглядывает меня сквозь круглые очки. Могли бы хоть присесть, но мы продолжаем стоять, и я заметно возвышаюсь над Джорджем. Его сухой тон напомнил мне о нашей встрече в полицейском участке спустя несколько часов после заключения его дьявольского пакта с Мундтом.

— Алек Лимас такой же профессионал, как ты, Питер, или я. Если Хозяин не предложил ему прочитать текст, набранный петитом, где уточняется его миссия, то тем лучше для Алека и для нас. Он не сделает ложного шага и не совершит предательства. Если его миссия завершится успешно, пусть даже в неожиданном для него контексте, он не будет чувствовать себя обманутым. Он будет считать, что выполнил свой долг.

— Но Мундт *наш* человек, Джордж! Паданец — это наш пехотинец!

— Спасибо, что напомнил. Да, Ганс-Дитер Мундт наш агент. И мы будем всячески защищать

нашего агента от тех, кто не без оснований подозревает его в том, чем он занимается, и мечтает поставить Мундта к стенке и занять его место.

— А как же Лиз?

— Элизабет Голд? — уточняет он, как будто забыл ее имя или я его неправильно произнес. — Элизабет Голд попросят сделать то, в чем она сильна от природы: говорить правду, и ничего кроме правды. Ты получил всю необходимую информацию?

— Нет.

— Тебе можно только позавидовать.

Глава 12

Серое утро, над Долфин-сквер, когда я сажусь в автобус, накрапывает мелкий дождик. Я приезжаю в Конюшню раньше положенного, но Табита меня уже ждет. Она очень довольна собой: в ее распоряжении оказалась отчеты наружки из Спецотдела разведки, и, по ее словам, она обнаружила эту пачку у себя под дверью. Хотя она не уверена в подлинности документов, как и в том, можно ли будет ими оперировать в суде, я ни в коем случае не должен проговориться кому бы то ни было, что она ими располагает. Из всего этого я делаю вывод, что в Спецотделе у нее есть свой человек и что документы подлинные.

— Итак, посмотрим, что положило начало заварухе. Кто отдал приказ Спецотделу спустить на Алека сторожевых псов. Приказ поступил из Бокса — в те дни так на полицейском жаргоне называли Цирк. Правильно?

— Да.

— Есть предположение, кто в Боксе отдал такой приказ?

— Вероятно, Лондонское управление.

— А конкретнее?

— Да кто угодно. Бланд, Аллелайн, Эстерхейзи. Или даже Хейдон. Хотя, скорее всего, поручил это кому-то из подчиненных, чтобы самому не замочить ноги.

— А то, что не вашим друзьям-приятелям из Службы безопасности, а Спецотделу поручили вести наружное наблюдение, это как, нормально?

— Абсолютно.

— Почему?

— Потому что эти две службы друг друга недолюбливали.

— А наша замечательная полиция?

— Недолюбливала Службу безопасности за то, что та совала свой нос куда не надо, и Цирк за то, что эта банда самодовольных педерастов избрала своей главной миссией нарушение закона.

Она обдумывала сказанное, внимательно изучая меня своими печальными голубыми глазами.

— Иногда вы производите впечатление очень уверенного человека. Со стороны может показаться, что вы обладали особой информацией. За этим нам не мешает последить. Мы исходим из того, что вы были младшим сотрудником,

попавшим в водоворот исторических событий. А не человеком, которому есть что скрывать.

* * *

Командир Спецотдела — Боксу. Сверхсекретно

Тема: ОПЕРАЦИЯ «ГАЛАКТИКА»

Прежде чем занять свои наблюдательные посты, мои подчиненные осторожно разведали, чем занимается данная пара: их поведение на работе, образ жизни и личные отношения.

Оба отрабатывают полный рабочий день в Бейсуотерской библиотеке психических исследований, спонсируемой частным лицом, а руководит ею мисс Элеонора Крейл, незамужняя женщина пятидесяти восьми лет, с эксцентричными манерами, до сих пор не имевшая дела с полицией. Не подозревая, что разговаривает с моим подчиненным, мисс Крейл свободно поделилась следующей информацией о данной паре.

ВЕНЕРА, которую она называет своей «дорогой Лиззи», проработала полгода

в качестве помощника библиотекаря, и, по мнению мисс Крейл, ее не в чем упрекнуть: пунктуальная, почтительная, умная, опрятная, быстро и сознательно все осваивает, отличный почерк и «хорошо говорит, с учетом ее социального положения». Ее коммунистические взгляды, которых она не скрывает, мисс Крейл не беспокоят, «лишь бы их не высказывала в моей библиотеке».

МАРС, в ее устах «мерзкий мистер Л», был временно взят в библиотеку в качестве второго помощника в связи с внутренним переустройством, и она не считает его работу «мало-мальски удовлетворительной». Она уже дважды жаловалась на его поведение в Бейсуотерскую биржу труда, но безрезультатно. Она описывает его как неряшливого, непочтительного, пересиживающего за обедом, и от него нередко «попахивает алкоголем». Ей не нравится, что, когда его ругаешь, он начинает говорить с сильным ирландским акцентом. В общем, она бы его уже через неделю выгнала, если бы за него не вступалась ее

дорогая Лиззи (Венера). Между ними возникло «нездоровое» взаимное влечение, несмотря на разницу в возрасте и расходящиеся взгляды, которое, по мнению мисс Крейл, уже могло перерасти в настоящую близость. Не прошло и двух недель их знакомства, а они уже одновременно приезжают утром на работу, и она не раз замечала, как их руки соединяются, и вовсе не когда передают друг другу книги.

Когда мой подопечный вскользь поинтересовался, чем он занимался раньше, она ответила, что согласно данным биржи труда он был «мелким банковским служащим». Стоит ли после этого удивляться, сказала она, что наши банки так работают.

Наблюдение

Пара покинула библиотеку в 17.30, по дороге зашла в кафе «Квинз армз» на Бейсуотер-стрит, где Марс выпил большую порцию виски, а Венера — грушевый сидр, и в 19.12 прибыла в «Оддфеллоуз-Холл», рассчитанный на 508 человек, но в этот вечер там собралось 130 участников разного цвета кожи и социального

положения. Тема вечера «Мир какой ценой?». Марс с Венерой сели вместе в заднем ряду, ближе к выходу. Венеру, пользующуюся популярностью среди товарищей, встречали улыбками и кивками.

После короткой приветственной речи Пальме Датта, коммунистического активиста и журналиста, тут же покинувшего мероприятие, выступили спикеры калибром поменьше, и последним стал Берт Артур Лоунс, владелец «Народной лавки Лоунса», убежденный троцкист, хорошо знакомый полиции из-за подстрекательств к насилию, дракам и другим актам нарушения общественного спокойствия.

Пока Лоунс не вышел к микрофону, Марс был мрачен, скучал, позевывал, даже отключался и периодически прикладывался к фляжке с неизвестным содержимым. Воинственная манера Лоунса вывела его из спячки, как выразился мой агент, и он неожиданно потянул вверх руку, обращая на себя внимание председателя собрания, казначея отделения

банка на Голдхоук-роуд Билли Флинта, который предложил ему назвать свое имя и потом задать вопрос спикеру, как этого требуют правила. Отчеты моих агентов о том, что произошло на собрании и после его окончания, полностью совпадают и выглядят следующим образом:

Марс [*с ирландским акцентом, назвав свое имя*]: Библиотекарь. У меня к вам вопрос, товарищ. Вы говорите, что нам не надо вооружаться до зубов из-за советской угрозы, потому что Совы нам не угрожают. Я правильно понял? Выйти из гонки вооружений и потратить деньги на пиво?

[*Смех*.]

Лоунс: Вы сильно упрощаете, товарищ. Но если вам угодно так сформулировать, то пусть будет так. Да.

Марс: Главным же врагом, по-вашему, является Америка. Американский империализм. Американский капитализм. Американская агрессия. Или я снова упрощаю?

Лоунс: В чем состоит ваш вопрос, товарищ?

Марс: Мой вопрос состоит в следующем, товарищ. Не следует ли нам тогда вооружиться до зубов из-за *американской угрозы?*

Ответ Лоунса тонет в общем смехе, недовольных выкриках и редких аплодисментах. Марс и Венера выходят из зала через заднюю дверь. На улице они начинают бурно выяснять отношения, но быстро успокаиваются и, взявшись за руки, направляются к автобусной остановке, а по дороге останавливаются, чтобы обняться.

Дополнение

Оба моих агента в своих записях отметили присутствие хорошо одетого тридцатилетнего мужчины среднего роста, с волнистыми волосами, женоподобной наружности. Он покинул зал следом за парой, проследовал за ними до остановки и сел в тот же двухэтажный автобус, только внизу, а пара наверху, где Марс мог курить. Когда пара вышла, мужчина тоже вышел, сопроводил их до многоквартирного дома и подождал, пока

зажжется свет на третьем этаже, после чего направился в телефонную будку. Поскольку моим агентам не было дано указаний выслеживать другие объекты, они не стали выяснять, кто этот мужчина, или сопровождать его до места проживания.

* * *

— Короче, большой план сработал. Дикие звери принялись обнюхивать вашего привязанного козла. Зверей представлял хорошо одетый тридцатилетний мужчина женоподобной наружности. Так?

— Козел был не мой, а Хозяина.

— Не Смайли?

— В операции по внедрению Алека Смайли играл вторую скрипку.

— И его это устраивало?

— Вероятно.

Мне открывается новая Табита. Или истинная Табита, показывающая коготки.

— Вы раньше видели этот отчет?

— Только слышал. Самую суть.

— В этом доме? Вместе с коллегами, имевшими допуск к операции «Паданец»?

— Да.

— Общее ликование. Ура, они заглотнули наживку.

— Вроде того.

— Звучит не слишком уверенно. Вас не подташнивало от этой операции? Может, вы хотели соскочить, только не знали как?

— Операция шла по плану. Мы двигались заданным курсом. Почему меня должно было подташнивать?

Она, кажется, хотела поставить мои слова под сомнение, но потом передумала.

— Вот *этот* мне особенно нравится, — сказала она, протягивая мне другой отчет.

* * *

Начальник Спецотдела — Боксу. Сверхсекретно

Тема: ОПЕРАЦИЯ «ГАЛАКТИКА». *Отчет №* 6

Неспровоцированное нападение на Берта Артура ЛОУНСА, владельца «Народной лавки Лоунса», кооперативного предприятия на Бейсуотер-роуд, 21 *апреля* 1962 *г.* 17.45

Следующие показания были взяты неофициально у свидетелей, которые в суд не вызывались, так как возражений от ответчика по этому делу не поступало.

В течение недели, предшествовавшей инциденту, Марс в разное время приходил в магазин Лоунса в нетрезвом виде, якобы за покупками на сберегательный счет Венеры, к которому у него был доступ, а на самом деле чтобы провоцировать Лоунса на разборки, и все это громко, с выраженным ирландским акцентом. В означенный день, по наблюдениям моего агента, Марс набрал полную корзинку съестного и еще виски, на сумму примерно 45 фунтов. На вопрос, будет ли он расплачиваться наличными или карточкой Венеры, Марс ответил, я цитирую: «В кредит, бля, а ты как думал, козел?», и еще что он как представитель голодающих масс имеет законное право на часть мировых богатств. Игнорируя сообщение Лоунса, что банковский счет Венеры ушел в минус, поэтому больше никаких кредитов, Марс направился к выходу с тяжелой корзинкой неоплаченных продуктов.

Лоунс вышел из-за прилавка и твердым голосом потребовал, чтобы Марс вернул корзинку и покинул магазин. Вместо этого, ни слова не говоря, Марс нанес ему серию ударов в живот и в паховую область, а под конец удар локтем в лицо.

Посетители подняли крик, миссис Лоунс набрала 999, а Марс, не пытаясь убежать и не выражая никакого раскаяния, продолжал осыпать оскорблениями свою незадачливую жертву.

Как впоследствии сказал один из моих молодых агентов, он был очень рад тому, что не присутствовал при этом, в противном случае ему бы пришлось отбросить свое прикрытие и вмешаться. К тому же он честно признался, что не уверен, удалось ли бы ему в одиночку справиться с нападавшим.

Вскоре появилась полиция и арестовала хулигана, который не оказал сопротивления.

* * *

— Итак, мой вопрос: вы лично знали заранее, что Алек изобьет несчастного мистера Лоунса?

— В принципе, да.

— Это что значит?

— Они хотели, чтобы Алек сжег за собой последние мосты. Он выйдет из тюрьмы без гроша в кармане. Пути назад нет.

— «Они» — это Хозяин и Смайли?

— Да.

— Но не вы. Это была не ваша блестящая идея, доведенная до сведения старших товарищей?

— Нет.

— Меня беспокоит, что вы лично раскрутили Алека. Или на этом будут настаивать истцы. Подтолкнули вашего сломленного несчастного друга к еще более глубокой пропасти. Но вы этого не делали. Большое облегчение. Такая же история с деньгами, которые Алек украл из банковского отдела Цирка. К этому его подтолкнули шесть человек, но только не вы?

— Я думаю, Хозяин.

— Отлично. Значит, Алек лез в драки ради своих начальников, а вы были его близким другом, но никак не его злым гением. И он это знал. Так?

— Полагаю, что так. Да.

— А он знал, что вы имеете доступ к операции «Паданец»?

— Конечно нет, черт побери! Откуда? Он *вообще*

ничего не знал о «Паданце»!

— Я ждала от вас такой реакции. Если не возражаете, пойду еще поработаю над домашним заданием, а вы пока почитайте эту жуть. Английский перевод ужасный. Но и оригинал, как мне сказали, не лучше. Поневоле позавидуешь умению Спецотдела так волшебно обращаться со словами.

> ОТРЫВКИ ИЗ ЗАКРЫТЫХ ДЕЛ ШТАЗИ С ПОМЕТКОЙ «ОТКРЫТЬ НЕ РАНЕЕ 2050». ОТРЫВКИ СОСТАВЛЕНЫ И ПЕРЕВЕДЕНЫ В КОМПАНИИ
> «ЗАРА Н. ПОТТЕР И ПАРТНЕРЫ». УСТНЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ
> ПЕРЕВОДЧИКИ С ОДОБРЕНИЯ СУДА НАЗНАЧЕНЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНТОРОЙ «СЕГРОУВ, ЛАВ И БАРНАБАС», ЛОНДОН

Когда дверь за ней закрылась, меня охватил иррациональный гнев. Куда это она, черт бы ее побрал, направилась? Бросив меня одного! Пошла взахлеб пересказывать все своим дружкам в бастионе? Это она со мной такую игру затеяла? Они вручают ей пачку отчетов из архива Спецотдела со словами: «Ну-ка, проверь его реакцию». Так, что ли, у них все устроено? Нет, конечно, не так.

Табита — добрый ангел любого ответчика. А ее нежные печальные глаза видят гораздо дальше, чем глаза того же Кролика или Лоры. Это я тоже понимал.

* * *

Алек, прижавшись к грязному стеклу, выглядывает в окно. Я сижу в кресле, единственном в номере. Он расположен на верхнем этаже коммерческого отеля в Паддингтоне, где номера сдаются на час. Утром он позвонил мне в Мэрилебон на незарегистрированный номер, предназначенный для пехотинцев: «Встретимся в «Герцогине» в шесть». Отель «Герцогиня Олбани» на Прэд-стрит, одно из его старых прибежищ. Алек осунулся, глаза красные, дергаются. Стакан в руке дрожит. Он выдает недовольство короткими порциями, с паузами.

— Эта девушка. Чертова коммунистка. Я ее не виню. Из такой семьи. И вообще, в наши дни кто кого вправе винить?

Молчи. Ничего не говори. Он сам скажет, зачем позвал.

— Я сказал Хозяину. Не впутывайте вы ее. Не доверяю я этому старому псу. Никогда не знаешь, что у него на уме. Может, он и сам не знает. —

Долго разглядывает улицу внизу. Я сочувственно продолжаю молчать. — Куда, черт подери, подевался Джордж? — Развернувшись, он глядит на меня с обвинительным укором. — Вчера у меня был *трефф* с Хозяином на Байуотер-стрит, а Джордж даже не появился.

— Джордж завяз в Берлине, — вру я на голубом глазу и снова жду продолжения.

Алек решил изобразить высокомерное блеянье Хозяина:

— *Я хочу, Алек, чтобы ты избавил меня от Мундта. Сделал мир немного лучше. Ты готов, старина?* Еще бы не готов. Этот гад прикончил Римека. А заодно половину моей агентурной сети. Год или два назад чуть не прикончил Джорджа. Мы больше не можем с этим мириться, да, Пьеро?

— Не можем, — чистосердечно соглашаюсь я.

Не уловил ли он в моем голосе фальшивой ноты? Он делает глоток скотча и снова вытаращивается на меня.

— Ты с ней случайно не встречался, Пьеро?

— С кем?

— С моей девушкой. Ты отлично понял, о ком я.

— Алек, как я мог с ней встретиться? Ты о чем,

старина?

Наконец он отводит взгляд.

— С кем-то она встречалась. С мужчиной. По описанию похож на тебя. Ничего личного.

Я озадаченно пожимаю плечами и улыбаюсь. А он снова погружается в раздумья, разглядывая в окно прохожих под дождем.

> ТЕМА: ОГУЛЬНЫЕ ОБВИНЕНИЯ ПРОТИВ ТОВАРИЩА ГАНСА-ДИТЕРА МУНДТА СО СТОРОНЫ ФАШИСТОВ-АГЕНТОВ БРИТАНСКОЙ РАЗВЕДКИ. ПОЛНОЕ И БЕЗОГОВОРОЧНОЕ ОПРАВДАНИЕ МУНДТА НАРОДНЫМ ТРИБУНАЛОМ. ЛИКВИДАЦИЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ШПИОНОВ, ПОПЫТАВШИХСЯ БЕЖАТЬ. ПРЕДСТАВЛЕНО ПРЕЗИДИУМУ СЕПГ. *28* ОКТЯБРЯ *1962* Г.

Если Звездная палата[36], рассматривавшая дело Ганса-Дитера Мундта, была пародией на суд, то ее официальный вердикт выглядел и вовсе анекдотом. Пролог к этой комедии мог запросто написать сам Мундт.

---

[36] Сноски: 36

Ироническое сравнение с высшим королевским судом в Англии, упраздненным в 1641 году. *(Прим. перев.)*

Одиозный и коррумпированный контрреволюционер и агитатор Лимас был известен как разложившаяся личность, спившийся буржуазный оппортунист, лжец, бабник и хулиган, алчный до денег и ненавидящий прогресс.

Преданные оперативники Штази, купившиеся на фальшивые свидетельства этого мерзкого иуды, действовали добросовестно и не виноваты в том, что впустили гадюку в самое сердце страны, где лучшие люди сражаются с фашизмом и империализмом.

Этот трибунал стал триумфом социалистического правосудия и призывом к еще большей бдительности в отношении интриг капиталистических шпионов и провокаторов.

Женщина по имени Элизабет Голд — политическая простушка, симпатизирующая Израилю, британская секретная служба промыла ей мозги, и, ослепленная любовью к старому ловеласу, она простодушно позволила заманить себя в сети западных интриг.

Даже после того как самозванец Лимас полностью раскаялся в совершенных преступлениях, эта Голд предательски совершила побег вместе с ним и заплатила сполна за свое двуличие.

А в конце отчета прозвучала осанна бесстраш-

ному защитнику демократии и социализма, который без колебаний застрелил ее во время побега.

* * *

— Ну что, Питер? Бросим взгляд на шутовской суд, который иначе не назовешь? Вы готовы?

— Как скажете.

Голос ее звучит отрывисто, она полна решимости и вся подалась ко мне через стол, широко расставив руки, — ни дать ни взять народный комиссар.

— Алек появляется в Звездной палате как ценный свидетель Фидлера с хорошо продуманным планом вывалить всю грязь на Мундта. Так? Фидлер рассказывает суду про цепочку фальшивых купюр, ведущую непосредственно к Мундту. Так? Он не жалеет слов, вспоминая, как Мундт работал «дипломатом» в Англии, когда его, по утверждению Фидлера, и завербовали реакционные империалистические силы, называющие себя Цирком. Далее следует список страшных государственных секретов, которые Мундт якобы продал своим западным боссам за тридцать сребреников. И все это проходит на ура у трибунала. До *какого* момента?

От сладенькой улыбки не осталось и следа.

— До появления Лиз, — отвечаю я неохотно.

— До появления Лиз, совершенно верно. Появляется бедняжка Лиз и, ничего толком не зная, переворачивает с ног на голову все, что ее ненаглядный Алек пять минут назад наговорил судьям. Вы знали, что так произойдет?

— Конечно нет! Откуда?

— В самом деле, откуда? А вы случайно не обратили внимания: что́ погубило Лиз, ну и Алека заодно? Она упомянула имя Джорджа Смайли. Невинно призналась в том, что некто *Джордж Смайли*, которого сопровождал какой-то молодой человек, заглянул к ней вскоре после таинственного исчезновения Алека и поведал ей, что Алек делает отличную работу — незаметную, но, главное, для своей страны — и что все будет тип-топ. Джордж оставил ей свою визитную карточку, чтобы она про него не забыла. *Смайли*, фамилия, которую и так легко запомнить и которая хорошо известна в Штази. Не правда ли, довольно глупо для такого хитрого лиса, как Джордж?

Я ответил, что даже Джордж иногда совершал ошибки.

— А вы случайно не были тем самым молодым человеком, сопровождавшим Джорджа?

— Нет, конечно! Каким образом? Я тогда был *Марселем*, вы забыли?

— И кто же это был?

— Вероятно, Джим. Джим Придо. Пересек дорогу.

— То есть?

— Из Лондонского управления в Секретку.

— Он имел допуск к операции «Паданец»?

— Полагаю, что да.

— Только полагаете?

— Да, имел.

— Тогда скажите мне, если можете. Когда Алек Лимас отправился с миссией убрать Мундта любой ценой, кто, по его мнению, был тем *анонимным источником*, который передавал Цирку расчудесный материал о «Паданце».

— Понятия не имею. Мы с ним это никогда не обсуждали. Может, Хозяин обсуждал. Не знаю.

— Тогда перефразирую попроще. Справедливо ли будет утверждать — чисто умозрительно, методом исключения, основываясь на разных обмолвках, — что, отправляясь на свое роковое задание, Алек Лимас забил в свою затуманенную алкоголем голову мысль, будто он прикрывает важнейший источник, Йозефа Фидлера, и потому одиозный Ганс-Дитер Мундт должен быть

устранен?

Я выхожу из себя и ничего не могу с собой поделать:

— Как, черт подери, я могу знать, о чем он думал или не думал?! Алек был *полевик!* Если ты полевик, ты не думаешь о всяких тонкостях. Идет холодная война. Тебе поставили задачу, ты ее выполняешь!

О ком это я? Об Алеке или о себе?

— Тогда помогите мне распутать маленький клубок. Вы, Питер Гиллем, имели доступ к операции «Паданец», так? Один из очень, очень немногих. Мне продолжать? Продолжаю. У Алека даже близко *не было* такого допуска. Он знал о существовании восточногерманского супериточника… или нескольких источников… под общим кодовым названием «Паданец». Он знал, что его курирует Секретка… или ее, или их всех. Но он ничего не знал о месте, где мы сейчас с вами сидим, и о реальной цели плана, так?

— Полагаю, что да.

— И его *недопуск* был принципиально важен — рефрен, который вы повторяете с самого начала.

— И что? — спрашиваю я убитым, выхолощенным голосом.

— Если вы имели допуск, а Алек Лимас не имел,

что вы такое знали, чего *не должен* был знать Алек? Решили воспользоваться правом хранить молчание? Я бы вам не советовала. Ни перед всепартийной комиссией, жаждущей сделать из вас отбивную, ни перед ручным жюри присяжных.

* * *

Алек, я думаю, оказался в ситуации, когда он защищал безнадежное дело, разваливавшееся у него в руках, и оставалось уповать только на то, что смерть придет от старости. Я держусь из последних сил за ложь, которая обречена и которую я поклялся отстаивать до конца, но она не выдерживает под тяжестью моего тела. А Табита безжалостна:

— Тогда давайте о наших *чувствах*. Поговорим, для разнообразия, об этом? Они нам открывают глаза получше, чем факты, я всегда так считала. Какие чувства вы испытывали, когда Лиз своей речью в суде похоронила всю с таким трудом выстроенную концепцию Алека? И заодно бедного Фидлера.

— Я ничего *не слышал*.

— Простите?

— Никто не снял трубку и не сказал: «Слышал, что произошло в зале суда?» Сначала из ГДР при-

шла новость: «Разоблачение предателя». Разоблачили Фидлера. А другого высокопоставленного чиновника в структуре безопасности полностью оправдали. Мундт вышел чистеньким. Потом мы узнали о драматическом побеге заключенных и общенациональной охоте на них. А потом…

— Расстрелы у Стены?

— Джордж был там. Он все видел своими глазами. Меня там не было.

— Ну а ваши *чувства?* Вы сидите в этой самой комнате или по ней расхаживаете, и вот приходят, обрывочно, такие ужасные новости. Одна за одной.

— И что же я, по-вашему, делал? Открыл шампанское? — Я беру себя в руки. — Господи, думал я, бедная девочка. Из иммигрантской семьи. Попала как кур в ощип. Втюрилась в Алека. Никому не желала зла. Пойти на такое, какой кошмар.

— *Пойти на такое?* Вы хотите сказать, что она *сознательно* выступила перед трибуналом? Что она *сознательно* спасала нациста и добивала еврея? Но это совсем не похоже на Лиз. Кто мог ее на такое толкнуть?

— Никто ее на это не толкал!

— Бедняжка даже не понимала, почему оказалась в суде. Ее пригласили в солнечную ГДР

на веселую пирушку товарищей, и вдруг она дает показания против своего любовника в каком-то судебном спектакле. Что вы почувствовали, узнав об этом? Вы лично? И потом, когда пришла весть, что их расстреляли перед Стеной? Якобы во время побега. Не иначе как тоску. Острую тоску, да?

— Еще бы.

— Вы все.

— Конечно.

— И Хозяин?

— Боюсь, что его чувства для меня загадка.

Я снова вижу эту печальную улыбку.

— А ваш дядя Джордж?

— Что именно?

— Как он это воспринял?

— Не знаю.

— Почему? — Вдруг перешла на резкий тон.

— Он исчез. Уехал в Корнуолл один.

— Почему?

— Погулять, наверное. Он периодически туда отправлялся.

— Надолго?

— На несколько дней. Может, на неделю.

— А когда вернулся? Он сильно изменился?

— Джордж не меняется. Просто берет себя в руки.

— И как, взял?

— Об этом он со мной не разговаривал.

Она задумалась, но решила не бросать тему.

— И никаких проблесков триумфа? — наконец продолжила она. — На *другом* фронте? Оперативном? Никаких рассуждений в духе: да, побочные потери, что, конечно, трагично и ужасно, зато миссия успешно выполнена? Ничего в таком духе, а?

Ничего не изменилось. Тот же мягкий голос, та же сладкая улыбка. Она кажется даже участливее, чем прежде.

— Мой вопрос сводится к следующему: когда вы поняли, что триумфальное возмездие Мундта было не *провалом*, как это подавалось, а блестящей, прекрасно завуалированной акцией нашей разведки? И что Лиз Голд стала ее главным катализатором? Я забочусь о вашей защите, как вы понимаете. Ваши намерения, ваше предвидение, ваше участие в заговоре. Все эти обвинения могут либо оказаться несостоятельными, либо вас погубить.

Наступает мертвая тишина, которую прерывает непринужденный вопрос.

— Знаете, о чем я подумала вчера вечером?

— Откуда мне знать?

— Я добросовестно копала, перечитывая этот длиннющий проект отчета, написанного вами по указанию Смайли, — отчета, которому потом не дали хода. И тут я задумалась об этом странном швейцарском орнитологе, оказавшемся тайным агентом Службы безопасности. И я задала себе вопрос: почему Смайли не захотел распространять ваш отчет? Тогда я еще немного покопала и сунула свой нос туда, куда мне было позволено его совать, и, к моему великому удивлению, ни единого упоминания о проверках системы безопасности Лагеря № 4. И ни слова о рьяном тайном агенте, отметелившем двух охранников. Так что не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы соединить концы. Не было заключения о смерти Тюльпан. Хотя мы знаем, что официально бедняжка не прибывала на нашу территорию, немного найдется врачей, готовых поставить свою подпись под подложным свидетельством, даже если они сотрудничают с Цирком.

Я уставился в даль с таким видом, будто не принимаю всерьез весь этот бред.

— И вот к чему я пришла: Мундта послали убить Тюльпан. Что он и сделал, но господь оказался не на его стороне, и он был задержан.

Джордж поставил его перед выбором: ты на нас работаешь или пеняй на себя. Он согласился. Неожиданно под угрозой оказались все разведданные, настоящий рог изобилия. Фидлер сел ему на хвост. Тут появился Хозяин со своим паскудным планом. Возможно, Джорджу он не пришелся по душе, но чувство долга, как всегда, возобладало. Никто не предполагал, что Лиз с Алеком погибнут. Это наверняка была идея Мундта: прикончи гонца и спи спокойно. Даже Хозяин не разглядел такой развязки на горизонте. В результате Джордж сразу отправился на пенсию, дав слово больше никогда не заниматься шпионажем. Чем еще больше заслужил нашу любовь, хотя долго он не продержался. Ему еще предстояло вернуться и вывести на чистую воду Билла Хейдона, с чем он, слава богу, блестяще справился. А вы все это время были его верным оруженосцем, можно только поаплодировать.

В голову ничего не приходило, поэтому я помалкивал.

— Если же продолжить ковыряться в и без того глубокой ране, то не успела Звездная палата сделать свое дело, как Ганса-Дитера вызвали в Москву на совещание силовой верхушки, после которого его уже никто не видел. И с ним

растаяли последние надежды, что он поймает какую-нибудь шифровочку из Центра и выдаст нам главного предателя в Цирке. Возможно, Билл Хейдон его опередил. Теперь поговорим немножко о *вашей* роли?

Остановить ее я не мог, нечего и пытаться.

— Если мне удастся доказать, что «Паданец» был не вселенским бардаком, а дьявольски хитрой операцией, которая позволяла получать высококлассные разведданные и сорвалась лишь в последнюю минуту, я уверена, что всепартийная комиссия переметнется на нашу сторону и поднимет лапки кверху. Лиз и Алек? Трагично, да, но в данных обстоятельствах приемлемые потери во имя высшего блага. Победа? Еще нет. Пока это всего лишь предложение. Просто я не вижу другого способа защиты. Точнее, я уверена, что его не существует.

Она начинает собирать вещи: очки, вязаный жакет, салфетки, отчеты Спецотдела, доклады Штази.

— Вы что-то сказали, сердце мое?

Я что-то сказал? Мы оба в сомнении. Она даже перестала упаковывать вещи. Раскрытый дипломат лежит у нее на коленях и ждет моих слов. Обручальное кольцо на безымянном пальце.

Странно, что я раньше его не замечал. Интересно, кто ее муж. Может, уже на том свете.

— Послушайте.

— Слушаю, сердце мое.

— Если на минуту согласиться с вашей абсурдной гипотезой…

— Что дьявольски хитрая операция сработала.

— Если, *чисто теоретически*, с этим согласиться, хотя я не согласен… вы всерьез утверждаете… притом что выплывут документальные доказательства, что кажется невероятным…

— Не должны, конечно, но если все же выплывут, это будут железобетонные доказательства…

— Так вы всерьез утверждаете, что даже при таком невероятном раскладе… все эти обвинения, судебная тяжба, масштабный поход на меня, Джорджа, если его, конечно, найдут, Службу как таковую… все это удастся отвести?

— От вас фактура, от меня судья. Стервятники уже слетелись. Если вы не придете на слушания, всепартийная комиссия заподозрит самое худшее и примет меры. Я спросила Кролика про ваш паспорт. Наглец не желает с ним расставаться. Зато готов продлить ваше пребывание на Долфин-сквер на тех же нищенских условиях. Все обсуждается. Завтра утром в то же время?

— А в десять можно?

— Буду ровно в десять, — сказала она, и я ответил, что буду тоже.

Глава 13

Когда вся правда выходит наружу, не строй из себя героя, делай ноги. Но я постарался размеренно дойти до Долфин-сквер и подняться в конспиративную квартиру, в которой больше не заночую. Задерни занавески, повздыхай перед телевизором, закрой дверь в спальню. Достань французский паспорт из почтового ящика, устроенного за табличкой с предупреждением о мерах пожарной безопасности. У побега есть свой умиротворяющий ритуал. Надень все чистое. Сунь бритву в карман дождевика, а все остальное оставь на месте. Я спускаюсь в гриль-бар, заказываю легкий ужин и утыкаюсь носом в скучную книжку, как человек, которому предстоит долгий одинокий вечер. Заговариваю с венгерской официанткой на случай, если она должна куда-то докладывать. Вообще-то, говорю, я живу во Франции, а сюда приехал потолковать о бизнесе с английскими юристами, что может быть ужаснее, ха-ха-ха. Оплачиваю счет. Выхожу во дворик, где пожилые дамы в белых шляпках и юбках для крокета сидят парочками на садовых

скамейках и наслаждаются неожиданно пригревшим солнышком. Я уже готов выскользнуть на набережную и пропасть с концами.

Однако я не делаю ни того, ни другого, так как неожиданно обнаруживаю Кристофа, сына Алека, в неизменном долгополом черном пальто и фетровой шляпе. Он сидит в двадцати шагах от меня на скамейке, вытянув левую руку вдоль ее спинки и небрежно закинув ногу на ногу, а правая рука демонстративно опущена в карман пальто. При этом он смотрит прямо на меня и улыбается, чего прежде не делал — ни когда подростком следил на стадионе за футбольным матчем, ни когда уже мужчиной поедал стейк с чипсами. Кажется, для него эта улыбка тоже в диковинку: словно в придачу к особой белизне лица, подчеркнутой черной шляпой, она напоминает неисправный фитиль электрической лампочки, которая может в любой момент перегореть.

Мы оба выглядим растерянными. Меня охватывает усталость, хотя, скорее всего, это страх. Проигнорировать его? Или весело помахать рукой и продолжить задуманный побег? Он последует за мной. Еще поднимет крик. У него наверняка свой план, вот только какой?

Болезненно-бледный фитилек улыбки продол-

жает помигивать. Нижняя челюсть шевелится от раздражения, которое он, похоже, не в силах контролировать. Уж не сломал ли он правую руку? Не потому ли она так неловко торчит в кармане? Поскольку он и не думает вставать, я сам к нему направляюсь, провожаемый взглядами старушек в белых шляпках. Во дворе нас, мужчин, всего двое, и Кристоф, этакий эксцентричный Гаргантюа, приковывает к себе всеобщее внимание. «Что этого пожилого мужчину с ним связывает?» — вероятно, спрашивают себя старушки. Вот и я о том же. Я останавливаюсь в шаге от него. Он даже не пошевелился. Может, это бронзовая статуя вроде сидящих в парках Черчиллей и Рузвельтов? Такое же влажноватое лицо, такая же неубедительная улыбка.

Но эта статуя, в отличие от других, медленно оживает. Он скидывает ногу и, задрав правое плечо, не вынимая руки из кармана, сдвигает свое огромное тело, освобождая на скамейке слева от себя пространство для меня. Лицо у него болезненно бледное, нижняя челюсть возбужденно трясется, он то улыбается, то гримасничает, в глазах лихорадочный блеск.

— Кто вам сказал, где меня найти, Кристоф? — спрашиваю я как можно непринужденнее,

а в голове уже засело смутное подозрение, что это Кролик, или Лора, или даже Табита подослали его с целью заключения какой-то иной, подпольной сделки между Службой и истцами.

— Я просто вспомнил. — Его губы растягиваются в мечтательной улыбке. — Я гений по части памяти, о'кей? Мозг всея, блядь, Германии. Мы с вами славно обедали, пока вы не послали меня на три буквы. Ладно, вы меня не посылали. Я сам ушел. Посидели с друзьями, покурили, нюхнули малость. И я кое-кого услышал. Кто это был? Догадаетесь?

Я мотаю головой. И тоже улыбаюсь.

— Моего папашу. Я услышал голос моего папаши. Мы с ним гуляли по тюремному дворику. Я отбывал срок, а он пытался наверстать упущенное, изображал из себя настоящего отца, которым никогда не был. И вот он мне рассказывает о себе, о годах, когда мы жили врозь. Вроде как и не разлучались. О том, что значит быть шпионом. Какие вы все были особенные, преданные делу. Какие шалуны. И знаете что? Он заговорил о Воровском доме. Доме для ворья, в котором ваш Цирк держал конспиративные хаты. Ваша любимая шуточка. Мы все воры, вот нас и поселяют в таком доме. — Его улыбка превращается

в злобный оскал. — Вы знаете, что ваша поганая Служба зарегистрировала вас здесь под вашей настоящей фамилией? П. Гиллем, мать вашу! Конспирация, называется. Вы это знали?

Нет, я этого не знал. Я даже не задумывался — а зря, между прочим, — что за пятьдесят с лишним лет в нашей Службе ничего не поменялось.

— Может, расскажете, зачем пожаловали? — спрашиваю я, чувствуя себя не в своей тарелке от этой не сходящей с лица улыбки.

— Чтобы вас убить, Пьеро, — объясняет он, не меняя тона. — Прострелить вам голову. Чпок — и вас нет.

— Прямо здесь? Сейчас? У всех на виду?

С помощью самозарядного тридцать восьмого «вальтера», который он вытаскивает из кармана пальто и, помахав им передо мной, дабы я мог насладиться в полной мере, прячет обратно в лучших традициях гангстерских фильмов — так что дуло направлено на меня через плотную ткань. Какой вывод из увиденного сделали дамы в белых шляпках, если вообще сделали, я никогда не узнаю. Может, решили, что снимается кино. Или что мы великовозрастные дурачки, забавляющиеся с игрушечным пистолетом.

— Боже милостивый, — вырываются у меня слова, которых я в жизни не употреблял. — Где вы это раздобыли?

Мой вопрос вызвал у него раздражение и погасил улыбку.

— Думаете, я не знаю отморозков в этом долбаном городе, которые бы мне одолжили хорошую пушку? — С помощью большого и указательного пальца свободной руки он «стреляет» мне в лицо.

Зацепившись за слово «одолжили», я инстинктивно озираюсь в поисках настоящего владельца, так как вряд ли кто-то одолжил ему оружие на длительный срок. Тут-то я и замечаю пестрый седан «вольво», стоящий на двойной желтой линии прямо напротив арки перед набережной. Лысый водитель положил обе руки на руль и напряженно смотрит в лобовое стекло.

— У вас есть особый повод, чтобы меня убить, Кристоф? — спрашиваю я, стараясь поддерживать непринужденный тон. — Я передал властям ваше предложение, если вы этим озабочены, — вру напропалую. — Они его обдумывают. Баблосчетчики. Ее величество не каждый день отсчитывает по миллиону евро.

— Я лучшее, что было в его паршивой жизни.

Так он мне говорил.

Он произносит это тихо, сквозь зубы.

— Он вас *любил*, — говорю я. — В этом у меня не было сомнений.

— Вы его убили. Вы врали моему отцу, а потом вы его убили. Убили своего близкого друга, моего отца.

— Кристоф, это неправда. Вашего отца и Лиз Голд убил не я и не Цирк. Их убил Ганс-Дитер Мундт из Штази.

— Вы, шпики, все больные на голову. Вы не спасение, вы сама болезнь. Артисты-онанисты, мать вашу. Играете в свои вонючие игры, считая, что умнее вас нет никого на свете, бля. А вы никто, понятно? Вы прячетесь по темным углам, потому что боитесь высунуться на свет. Он тоже боялся, сам мне сказал.

— Он вам так сказал? Где?

— В тюрьме, где еще, по-вашему? Моя первая ходка. Тюрьма для несовершеннолетних. Извращенцы, кокаинисты и я. *К тебе пришли, Кристоф. Говорит, что он твой лучший друг.* Надели на меня наручники и повели. А это мой папаша. «Послушай, — говорит он мне. — Ты отрезанный ломоть. Или ты их, или они тебя. Главное, бля, помни: Алек Лимас любит тебя». Вы

что-то сказали?

— Нет.

— Вставайте и вперед! Через арку. Вместе со всеми. Что-нибудь учудите — убью.

Я встаю. Иду к арке. Он идет за мной, рука в кармане, пистолет нацелен мне в спину. В таких ситуациях ты должен быстро развернуться и врезать ему локтем, прежде чем он успеет выстрелить. Мы это отрабатывали в сарраттской школе с помощью водяного пистолета, и чаще всего струя воды пролетала мимо и падала на маты. Вот только это не водяной пистолет и не Сарратт. Нас разделяет больше метра, расстояние, на котором держится опытный стрелок.

Мы проходим через арку. Лысый водитель в цветастой «вольво» по-прежнему держит обе руки на руле, и, хотя мы идем прямо на него, он, не обращая на нас внимания, продолжает смотреть вперед. Не иначе как Кристоф собирается меня прокатить, как это водится в подобных случаях, прежде чем оборвать мою грешную жизнь? Если так, то мне выпадет шанс, когда он будет сажать меня в машину. Однажды я этим уже воспользовался: захлопнул дверь и сломал руку человеку, пытавшемуся усадить меня на заднее сиденье.

Перед нами проносятся автомобили в обоих направлениях, и пока мы ждем момента, чтобы пересечь дорогу, я обдумываю, удастся ли мне взять его на абордаж или, в крайнем случае, толкнуть под колеса. Мы уже на другой стороне, а я все обдумываю план. Мы миновали «вольво», и Кристоф не обменялся ни словом, ни жестом с лысым водителем, так что, вполне возможно, я ошибся, они друг с другом никак не связаны, а человек, одолживший ему «вальтер», сейчас сидит где-нибудь в районе Хакни и режется в карты с такими же умниками.

Мы стоим на набережной, передо мной полутораметровый кирпичный парапет, за ним течет река, по которой плывут довольно большие суда, от реки веет легкий бриз, а на противоположном берегу уже горят огни Ламбета, потому что наступают сумерки. Я положил обе руки на парапет, подставив спину моему преследователю, и остается только надеяться, что он приблизится, чтобы я смог проверить на нем трюк с водяным пистолетом, но понять, какое между нами расстояние, невозможно, так как он хранит молчание.

Расставив руки пошире для наглядности, я осторожно поворачиваю голову: он стоит в двух метрах за мной, рука по-прежнему в кармане.

Его крупное бледное лицо увлажнено и светится в полутьме, а дышит он неровно. Мимо проходят люди, но только не между нами. Что-то подсказывает им, что лучше от нас держаться подальше. А может, их настораживает высоченный Кристоф в долгополом пальто и фетровой шляпе. Интересно, пистолет по-прежнему в кармане или он им размахивает в позе гангстера? На закате дня мне приходит в голову мысль, что так одевается человек, желающий, чтобы его боялись, а такой человек сам боится, и эта мысль придает мне смелость взять его на понт.

— Давай, Кристоф, ну же, — подстегиваю я его, пока мимо проходит пожилая пара. — Раз уж пришел за этим — стреляй! Что для мужчины в моем возрасте еще один год? Легкая смерть — да в любое время. Стреляй. А остаток жизни будешь себя поздравлять, загибаясь в камере. Ты же видел, как старики умирают в тюрьме. Станешь еще одним.

У меня задергались мышцы спины, в ушах шум, и я не понимаю, это у меня шумит в голове или грохочет проплывающая мимо баржа. Во рту пересохло от всех этих разговоров, а глаза застилает туман, и поэтому до меня не сразу доходит, что Кристоф, прижавшись к парапету рядом со мной,

рыдает и весь трясется от боли и гнева.

Я приобнимаю его за спину и осторожно вытаскиваю его правую руку из кармана. Не увидев в ней пистолета, я запускаю руку в карман, достаю пушку и забрасываю в реку подальше. Никакой реакции. Он уткнулся лицом в руки, лежащие на парапете. На всякий случай я пошарил в другом кармане — вдруг для пущей храбрости прихватил запасную обойму? — и точно! Не успел я отправить ее следом за пушкой, как подошел лысый водитель цветастой «вольво», крошечный в сравнении с Кристофом и какой-то недокормленный, схватил несчастного за талию и тщетно попытался оттащить его от парапета.

Мы сделали это сообща и вдвоем повели его к машине. Тут он завыл. Я собирался открыть пассажирскую дверцу, но мой помощник уже распахнул заднюю. Общими усилиями мы запихнули его на сиденье и захлопнули дверцу. Завывания стали глуше, но не утихли. «Вольво» отъехала. Я остался один на мостовой. Постепенно возвращался уличный шум. Живой! Я остановил такси и попросил отвезти меня в Британский музей.

* * *

Вымощенная булыжником подъездная дорожка. Частная парковка, попахивающая гниющими отбросами. Шесть узких калиток: наша последняя справа. Завывания Кристофа еще звучали у меня в голове, но я отказывался к ним прислушиваться. Задвижка на калитке заскрипела. Это я точно слышал. С ней это происходило каждый раз, сколько бы мы ее ни смазывали. Если ожидался приезд Хозяина, мы оставляли калитку открытой, не то будет ворчать, что его встречают звоном цимбал. Йоркская плитка, которую уложили мы с Менделем. Из зазоров торчит выкошенная трава. А вот наш скворечник. Птиц мы не прогоняли. Три ступеньки, ведущие к черному ходу. И вот уже из кухонного окна на меня глядит застывшая тень Милли Маккрейг с поднятой рукой. Не входить.

Мы с ней стоим в саду под импровизированным навесом, пристроенным к стене, чтобы было где поставить мусорные баки и останки дамского велосипеда, изгнанного из дома Лорой. Колеса сняты из соображений безопасности, а рама прикрыта брезентом. Разговариваем шепотом. Подозреваю, что у нас это давно вошло в обычай.

Из окна кухни за нами наблюдает агентурный кот.

— Я не знаю, Питер, где чего они там навтыкали, — признается она. — Телефону я не доверяю. Никогда не доверяла. Стенам тоже. Кто знает, что они в последнее время напридумывали и куда это втыкают.

— Про компромат, о котором говорит Табита, слышали?

— Кое-что слышала. Мне хватило.

— Вы сохранили все, что мы вам передавали? Оригиналы решений, корреспонденция? Все, что Джордж просил вас припрятать?

— Я сделала с них микрофильмы и все спрятала.

— Где?

— В саду. В скворечнике. В кассетах. В тонкой клеенке. В этом… — она показала на останки велосипеда. — Нынешние не умеют искать, Питер. Их толком никто не учит, — с негодованием добавляет она.

— А разговор Джорджа с Паданцем в Лагере № 4? Вербовка? Сделка?

— Все есть. В моей коллекции граммофонных пластинок. От Оливера Менделя. Время от времени я их переслушиваю. Из-за голоса Джорджа.

До сих пор вспоминаю. Вы женаты, Питер?

— С меня хватает фермы и домашних животных. А у вас кто-то есть, Милли?

— Мои воспоминания. Мой Создатель. Мне было сказано, чтобы к понедельнику я выметалась. Я не заставлю их долго ждать.

— И куда вы пойдете?

— Отдам Богу душу. Как и вы. У меня есть сестра в Абердине. Материалы я вам не отдам, Питер, если вы за ними пришли.

— Даже ради высокой цели?

— Высокую цель определяет Джордж. Пока он ее не объявлял.

— Где он?

— Я не знаю. И даже если б знала, не сказала бы. Точно живой. На день рождения и Рождество я получаю от него открытки. Никогда не забывает. Приходят на адрес сестры, не сюда. Меры безопасности. Всё как всегда.

— Если мне надо будет его найти, к кому я должен обратиться? Есть ведь кто-то, Милли, и вы его знаете.

— Может быть, Джим. Если он вам скажет.

— Я могу ему позвонить? Какой у него номер?

— Джим никогда не любил телефон. А сейчас и подавно.

— А живет он там же?

— Насколько я знаю, да.

Она вцепляется в мои плечи когтистыми лапками и, не размыкая губ, запечатлевает суровый поцелуй на прощание.

* * *

В этот вечер я добрался лишь до Рединга и нашел рядом с вокзалом хостел, где твои паспортные данные никого не интересуют. Если до сих пор на Долфин-сквер не обеспокоились моим отсутствием, то первым человеком, кто завтра обратит на это внимание, будет Табита — но не в девять утра, а только в десять. Раньше полудня суматоха вряд ли поднимется. Я не спеша позавтракал и купил билет до Эксетера. Вагон был переполнен, так что до самого Тонтона пришлось постоять в коридоре. Я прошел через автостоянку и двинулся в сторону городской окраины, а там стал дожидаться сумерек.

С Джимом Придо я не виделся с тех пор, как Хозяин послал его в Чесло с провальной миссией, которая стоила ему пули в спину, а после — бессонных ночей с пытками, устроенными местными ребятами. По рождению мы оба были полукровки: Джим наполовину чех, наполовину

нормандец, а я наполовину бретонец. Но на этом параллели заканчивались. В Джиме крепко засели славянские корни. Еще юношей он поработал рассыльным и перерезал не одну немецкую глотку от имени чешского Сопротивления. Если Кембридж его и образовал, то уж точно не приручил. Когда он поступил в Цирк, даже инструкторы в Сарратте, проводившие занятия по боевым искусствам, его побаивались.

Такси выбросило меня возле главных ворот. Грязная зеленая табличка гласила: «ОТКРЫЛСЯ ПРИЕМ ДЛЯ ДЕВОЧЕК». Ухабистая дорожка, петляя, вела к когда-то величественному, а ныне обшарпанному особняку в окружении низких сборных строений. Обходя колдобины, я миновал игровую площадку, полуразвалившийся павильон для крокета, пару рабочих коттеджей и пасущихся в загоне косматых пони. Со мной поравнялись два мальчика-велосипедиста — у одного за спиной висела скрипка, у другого детская виолончель. Я жестом попросил их тормознуть.

— Я ищу мистера Придо, — сказал я. Мальчики недоуменно переглянулись. — Мне сказали, что он у вас преподает. Языки. Или преподавал.

Мальчик постарше помотал головой и поехал

дальше.

— Вы не про Джима спрашиваете? — уточнил второй. — Хромой старик. Он живет в автоприцепе на Укосине. Преподает французский как дополнительный и еще регби в младших классах.

— Укосина — это где?

— Держитесь левее, пройдете мимо школы и в конце дорожки увидите старый «алвис». Вообще-то мы опаздываем.

Я держусь левее. За высокими окнами видны мальчики и девочки, склонившиеся над партами под светящимися неоновыми лампами. За школой обнаружилась череда учебных корпусов-времянок. Дорожка спустилась к сосновой рощице. Перед ней, накрытый брезентом, стоял ретро-автомобиль, а рядом я увидел автоприцеп. Из-за занавески пробивался свет. Доносилась музыка Малера. Когда я постучал в дверь, грубый мужской голос в бешенстве на меня напустился:

— Проваливай, пацан! *Fous-moi la paix!*[37] Иди ты знаешь куда.

Я обошел автоприцеп и, достав из кармана ручку, отстучал в окно кодовую морзянку, после

---

[37] Сноски: 37
Оставь меня в покое *(фр.)*.

чего дал ему время убрать оружие, если оно было у него в руках. От Джима можно ожидать чего угодно.

* * *

На столе бутылка сливовицы, наполовину уже опорожненная. Джим достал второй стакан и выключил проигрыватель. При свете парафиновой лампы видно, что его морщинистое лицо перекорежено от боли и старости. Кривая спина привалилась к худосочной обивке. Прошедшие пытки — особенные люди. Если еще как-то можно — с трудом — представить, через что они прошли, то вопрос, какими они вернулись, остается без ответа.

— Школа накрылась медным тазом, — рычит он, сопровождая это лихорадочным хохотком. — Тэрсгуд, директор… хорошая жена, двое детей… а оказался-то голубеньким. — Он изобразил презрение. — Попорхал под луной вместе с шеф-поваром. И свалил в Новую Зеландию или куда-то там. Прихватив казенные денежки. Нам уже неделю не платят. Да уж, удивил. Ну… — он со смешком поднимает вверх стакан, — а что нам остается? Не бросать же ребят посреди учебного года. Экзамены на носу. Спортивные

соревнования. Школьные призы. Я получал пенсию с надбавочкой за полученный физический ущерб. Кое-что подбрасывали родители. И знакомый банкир Джорджа. А теперь что, меня отсюда попрут? — Он пьет, поглядывая на меня поверх стакана. — Уж не хочешь ли ты отправить меня в Чесло с очередной сумасбродной затеей? Только они сейчас снова потянулись к Москве.

— Мне надо поговорить с Джорджем.

Какое-то время ничего не происходит. В темноте за окном шуршат деревья, да где-то промычала корова. Скособоченное тело Джима упирается в стену автофургона, а славянские глаза посверкивают из-под густых черных бровей.

— Все эти годы старина Джордж меня не забывает. Посадил на вэлфер битого пехотинца, не каждый на такое способен. Не уверен, что ты ему сейчас нужен. Должен его спросить.

— И как ты его спросишь?

— В шпионских играх Джордж стоит особняком. Не знаю, как он встрял в это дело. Все принял на свои плечи. В нашем мире такое не проходит. Нельзя воспринимать чужую боль как свою. Если хочешь удержаться. Его женушка, я считаю, должна была бы ответить по заслугам. О чем она себе думала? — Он снова умолк, гримасничая

и как бы предлагая мне ответить на вопрос.

К женщинам Джим всегда был равнодушен, и в моем ответе неизбежно прозвучало бы имя его заклятого врага и бывшего любовника Билла Хейдона, который его рекрутировал в Цирк, а позже сдал с потрохами, а попутно спал с женой Смайли для отвода глаз.

— Он весь извелся, представь, из-за мерзавца *Карлы*, — продолжил он переживать за друга Джорджа. — Этот сукин сын из московского Центра столько крови нам попортил с помощью своих пехотинцев.

Главным из которых, мог бы добавить, был как раз Билл Хейдон, но Джим не в состоянии произнести вслух имя человека, которому он лично, как поговаривали, свернул шею голыми руками, когда тот отдыхал в Сарратте в ожидании, что его отправят в Москву в обмен на такого же высокопоставленного агента.

— Старина Джордж уговорил Карлу перебраться на Запад. Нащупал его слабые места, поддавливал, выслушивал отчеты — все сам. Дал ему кодовое имя и работенку в Южной Америке. Преподавать русский язык латиносам. Помог обосноваться. Все шло как по маслу. А через год парень застрелился. Джордж был безутешен.

С чего бы это? Я ему говорю: «Что вы дергаетесь? Ну, покончил с собой. Счастливого пути». Вечная проблема Джорджа: рассматривать с одной стороны, с другой. Пока все нервы себе не вымотает.

Крякнув то ли от боли, то ли затыкая себе рот, он разливает нам еще.

— Ты, часом, не в бегах?

— Да, — отвечаю.

— Во Францию?

— Да.

— С каким паспортом?

— Британским.

— Офис уже объявил тебя в розыск?

— Не знаю. Предположительно еще нет.

— Твой шанс — Саутгемптон. Переполненный дневной паром. Главное, не светись.

— Спасибо. Я так и планирую.

— Это, часом, не из-за *Тюльпан?* Уж не ее ли вытащили наружу? — Он затыкает себе рот кулаком, словно загоняя внутрь невыносимые воспоминания.

— Всю операцию «Паданец», — отвечаю я. — Парламентская комиссия королевских масштабов пытается всадить нож Цирку в самое сердце. В отсутствие Джорджа главным злодеем выбрали меня.

Не успеваю я закончить последнюю фразу, как он обрушивает кулак на стол с такой силой, что стаканы со звоном подскакивают.

— Какого хрена они ополчились на Джорджа! Ее прикончил Мундт, гаденыш! Он всех прикончил! Алека, его девчонку!

— Все это еще надо доказать в суде, Джим. Они вывалили на меня такую кучу! Могут и на тебя, если накопают в архивах. Вот почему мне очень нужен Джордж. — И, не дождавшись ответа: — Так как мне на него выйти?

— Ты не сможешь.

— А ты как выходишь?

После глухого молчания:

— Телефонные будки, если тебе это так интересно. Только не местные, избави бог. Каждый раз новая. Заранее уславливаемся о следующей.

— Ты звонишь ему? Он тебе?

— И так, и так.

— Его номер при этом не меняется?

— Возможно.

— Линия проводной связи?

— Возможно.

— Значит, ты знаешь, как его найти?

Он хватает из стопки школьную тетрадь и вырывает из нее чистый лист. Я протягиваю ему

карандаш.

— *Kollegiengebäude, drei*[38], — говорит он вслух, пока пишет. — Библиотека. Женщину зовут Фрида. Ну что, доволен?

Отдав мне листок, он откидывается назад и закрывает глаза, давая мне понять, чтобы я оставил его в покое.

* * *

Я соврал, что собираюсь ехать на переполненном дневном пароме из Саутгемптона. Я соврал, что путешествую по британскому паспорту. Не хотелось его обманывать, но с Джимом приходится держать ухо востро.

Ранний утренний рейс из Бристоля доставил меня в аэропорт Ле-Бурже. Когда я спускался по трапу, на меня нахлынули воспоминания, связанные с Тюльпан: *здесь я в последний раз видел тебя живой; здесь я тебе пообещал, что скоро ты увидишь своего Густава; здесь я молился, чтобы ты обернулась, но ты этого не сделала.*

Из Парижа я отправился поездом в Базель. К тому времени, когда я сошел во Фрайбурге, весь гнев, все страдания, которые я так подавлял

---

[38] Сноски: 38
Университетское здание, 3 *(нем.).*

во время своей инквизиции, вырвались наружу. Кого мне винить за целую жизнь, прожитую в осознанном вранье, если не Джорджа Смайли? Кто предложил мне подружиться с Лиз Голд? Разве это была *моя* идея вешать лапшу на уши Алеку, нашему козлу отпущения, как назвала его Табита, а потом смотреть, как он идет в смертельную ловушку, которую Джордж приготовил для Мундта?

Наконец-то мы поквитаемся. Пришло время прямых ответов. Ты, Джордж, сознательно подавлял во мне всякую человечность или я тоже был, так сказать, сопутствующим ущербом? И как насчет твоей собственной человечности? Почему она постоянно играла вторую скрипку, уступая высшим абстрактным целям, которые я сегодня затрудняюсь определить, да и прежде не очень-то получалось?

Или так: сколько, по-твоему, человеческих чувств должны мы отдать во имя свободы, чтобы в какой-то момент осознать, что в нас больше не осталось ничего человеческого и свободного? Или мы просто страдали от неизлечимой английской болезни — потребности и дальше играть в мировую игру, уже не будучи мировым игроком?

Любезная Фрида у стойки регистрации объяснила мне с некоторым нажимом, что библиотека *Kollegiengebäude, drei* находится напротив, через двор, надо пройти через большие двери и повернуть направо. Там нет таблички «БИБЛИОТЕКА», потому что, в сущности, это не библиотека, а тихий читальный зал для заезжих ученых.

А посему я должен неукоснительно соблюдать тишину.

* * *

Уж не знаю, предупредил ли Джим старину Джорджа о моем приезде или тот поймал какие-то флюиды. Он сидел в эркере, спиной ко мне, за столом, заваленным бумагами, под углом, дававшим достаточно света для чтения, а при желании он мог насладиться видом окрестных холмов и перелесков. В читальном зале, похоже, мы были одни. В деревянных альковах стояли пустые столы и удобные стулья. Я зашел сбоку, чтобы он меня увидел. Джордж всегда казался старше своих лет, но тут, к счастью, меня не ждал неприятный сюрприз: все тот же постаревший Джордж, вот только в красном пуловере и ярко-желтых вельветовых штанах, что меня сильно поразило, так как до сих пор я видел его

исключительно в скверном костюме. Если его лицо в спокойном состоянии сохраняло этакую совиную печаль, то в его приветствии не было ничего печального. Он энергично вскочил на ноги и сжал мою ладонь обеими руками.

— Что ты тут читаешь? — интересуюсь я невпопад полушепотом, помня о правилах поведения в читальном зале.

— Мой дорогой, не спрашивай. Старый шпион, впав в детство, ищет вечную истину. Ты выглядишь неприлично молодо, Питер. По-прежнему предаешься своим веселым забавам?

Он собирает бумаги и книги и убирает их в шкафчик. Я ему помогаю по старой привычке.

Поскольку для задуманной конфронтации это место явно не подходит, я спрашиваю его про Энн.

— Она в порядке, Питер. Да. Даже очень, с учетом… — Он запирает шкафчик и кладет ключ в карман. — Она сюда иногда приезжает. Мы с ней гуляем в Черном лесу. С былыми марафонами, конечно, не сравнить, но все-таки.

Наша негромкая беседа обрывается с появлением пожилой дамы, которая с некоторым усилием снимает с плеча сумку, выкладывает на стол

бумаги, водружает на нос очки и с громким вздохом усаживается в алькове. Мне кажется, именно этот вздох окончательно подорвал всю мою решимость.

* * *

Мы сидим в спартанской холостяцкой квартирке на холме с видом на город. Джордж умеет слушать, как никто другой. Его компактное тело словно пребывает в зимней спячке. Длинные ресницы полусомкнуты. Ни хмурого взгляда, ни одобрительного кивка, ни вздернутых бровей, пока твое повествование не подошло к концу. И даже когда это случилось — в чем он должен убедиться, попросив тебя прояснить кое-что, то ли тобой пропущенное, то ли небрежно поданное, — по-прежнему никакой эмоциональной реакции: ни удивления, ни одобрения, ни осуждения. Тем поразительнее, что по окончании моего длинного рассказа — уже сгустились сумерки, и город под нами исчез в покровах вечернего тумана, сквозь который пробивались огни, — он раздраженно задернул шторы и дал выход неудержимой ярости, чего за ним никогда не наблюдалось.

— *Трусы*. Дальше ехать некуда. Питер, это

позор. Говоришь, ее зовут Карен? Я ее разыщу немедленно. Надеюсь, она не будет против, чтобы я приехал и мы поговорили. Еще лучше, если она прилетит сюда, я это организую. Если Кристоф желает со мной поговорить, ради бога. — После несколько нервной паузы он добавляет: — И, конечно, Густав тоже. Говоришь, назначена дата слушаний? Я дам показания под присягой.

— Я про это ничего не знал, — продолжает он, все так же негодуя. — Ничего. Никто со мной не связывался, никто меня не информировал. Меня легко найти, даже в укрытии, — утверждает он без объяснений, от кого он укрывается. — *Конюшня?* — восклицает он, не скрывая своего возмущения. — Я был уверен, что она давно закрыта. Оставляя Цирк, я передал все полномочия юристам. Что происходило потом, мне неведомо. Судя по всему, ничего. Парламентское расследование? Исковые заявления? Ни слова, ни намека. Почему? А я тебе скажу. Они не хотели, чтобы я об этом знал. Я слишком высоко забрался для их клевков. Вижу их насквозь. Бывший глава Секретки дает показания? Признает, что он принес в жертву ценного агента и невинную женщину в операции, про которую мир мало что помнит? И все это было лично спланировано

и одобрено шефом внешней разведки? Это не понравилось бы нынешним начальникам. Нельзя марать нимб нашей священной Службы. Господи, я немедленно прикажу Милли Маккрейг предоставить им все доверенные ей документы, даже не сомневайся, — продолжает он уже спокойно. — «Паданец», как призрак, преследует меня по сей день. И будет вечно преследовать. Во всем я виню себя. Рассчитывая на жестокосердие Мундта, я его недооценил. Он был не в силах побороть искушение устранять свидетелей.

— Послушай, Джордж, — запротестовал я. — Операцией «Паданец» руководил Хозяин. Ты лишь плыл по течению.

— Это и есть самый большой грех. Не хочешь у меня переночевать, Питер?

— Я забронировал номер в Базеле. Всего-то одна ночь. Утром у меня поезд до Парижа.

Это была ложь, и, кажется, он догадался.

— Последний поезд в десять минут двенадцатого. Как насчет ужина?

По тайным причинам, которым я был не в силах противиться, я умолчал о несостоявшейся попытке Кристофа меня убить и тем более о тираде его отца Алека против Службы, хоть он и питал к ней нежные чувства. Но последующие

слова Джорджа прозвучали как ответ на выпады Кристофа.

— Мы не проявляли жестокости, Питер. *Никогда*. Скорее милосердие. Наверное, не всегда по адресу. И без толку. Сейчас-то понятно. Но тогда мы этого не понимали.

Впервые, сколько я помню, он положил руку мне на плечо, но тут же отдернул, словно обжегшись.

— Ты-то, Питер, понимал! Ну разумеется. С твоим отзывчивым сердцем. Иначе разве стал бы ты разыскивать Густава? Я это оценил. Верность Густаву, как и его несчастной матери. Она для тебя стала огромной потерей, не сомневаюсь.

Я не подозревал, что он знал о моих робких попытках протянуть Густаву руку помощи, но не скажу, что он меня сильно удивил. В этом был весь Джордж: знающий все про слабости окружающих и стоически отказывающийся признавать собственные.

— У твоей Катрин все хорошо?

— Да, все отлично, спасибо.

— А как ее сын?

— У нее дочь. Все хорошо.

Он забыл, что Изабель девочка? Или все еще думал о Густаве?

* * *

Старинное подворье рядом с кафедральным собором. Охотничьи трофеи на черной стене. Это заведение либо стоит здесь с незапамятных времен, либо его снесли до основания, а потом восстановили по старым чертежам. Сегодня фирменное блюдо — тушеная оленина. Джордж рекомендует запивать ее баденским вином. Да, мой дом по-прежнему Франция, подтверждаю я. Джордж доволен моим ответом. А ты, спрашиваю, совсем обосновался во Фрайбурге? Он отвечает не сразу. Временно, Питер. А на сколько это «временно» растянется, будет видно. И тут он высказывает мысль, словно сейчас пришедшую ему в голову, хотя она наверняка засела там с момента моего появления.

— Ты приехал, Питер, чтобы меня в чем-то обвинить. Я прав? — Пришел мой черед смешаться, а он продолжает: — Обвинить в том, чем мы занимались? Или почему мы этим занимались? — Голос его звучит в высшей степени участливо. — Или, скорее, почему *я* этим занимался? Ты был верным солдатом. А солдат не спрашивает, почему каждое утро восходит солнце.

Я мог бы с этим поспорить, но решил не прерывать ход его рассуждений.

— Уж не ради ли мира на земле (вот только понять бы, в чем заключается его смысл)? Ну да, ну да: «Войны не будет, зато будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется», как любят говорить наши русские друзья. — Он умолк, а затем продолжил уже с напором: — Ради торжества капитализма? Я сильно сомневаюсь. Ради христианской идеи? Избави бог.

Он отпивает вино, на губах блуждает озадаченная улыбка, скорее обращенная не ко мне, а к себе.

— Значит, ради Англии? — продолжает он. — Возможно, когда-то. Но *чьей* Англии? *Какой* Англии? Обособленной Англии, где ты непонятно чего гражданин? Я, Питер, европеец. Если у меня была миссия, — бодания с противником не в счет, — то связанная с Европой. Если я бывал бессердечен, то из-за нее. Если у меня была недостижимая мечта, то лишь о том, как вывести Европу к свету разума. И эта мечта еще во мне жива.

Повисает затяжное молчание, какого не случалось на моей памяти даже в самые тяжелые времена. Подвижное лицо вдруг застыло, брови

полезли вперед, веки смежились. Указательный палец нашел дужку очков — проверил, на месте ли. Наконец он встряхивает головой и, словно избавившись от дурного сна, позволяет себе улыбнуться.

— Извини, Питер. Что-то я стал проповедовать. До станции десять минут пешком. Не возражаешь, если я тебя провожу?

Глава 14

Я пишу это за столом на своей ферме в Ле-Дёз-Эглиз. Описанные мной события произошли давно, но они для меня так же реальны, как горшок с бегонией на подоконнике или отцовские боевые медали, посверкивающие в шкатулке из красного дерева. Катрин купила компьютер и, по ее словам, делает большие успехи. Прошлой ночью мы занимались любовью, но в моих объятиях была Тюльпан.

Я по-прежнему совершаю прогулки в бухту, вооружившись тростью. Дается мне это нелегко, но пока справляюсь. Иногда меня опережает Оноре. Вот он присел на свой камень и поставил между ног бутыль с сидром. Весной мы с ним съездили автобусом в Лорьян и по его настоянию прошлись по берегу, откуда когда-то мы с матерью наблюдали за тем, как огромные корабли отплывают в восточные страны. Нынче берег изуродован немецкими бетонными бастионами, за которыми прятались их военные морские суда. Никакие бомбардировки союзников не смогли эти бастионы разрушить, зато город они пре-

вратили в руины. Так и стоят, высотой в шесть этажей, вечные, как египетские пирамиды.

Я не понял, зачем Оноре привел меня сюда, пока он вдруг не остановился и возмущенно не показал на них пальцем.

— Эта сволочь продавала им цемент, — произносит он с забавным бретонским акцентом.

Эта сволочь? До меня не сразу доходит, что он говорит о своем покойном папаше, который позже был повешен за сотрудничество с немцами. Он ждал, что я буду шокирован, и благодарен мне за то, что не дождался.

В воскресенье выпал первый снег. Домашний скот пребывает в унынии, оттого что заперт в загоне. Изабель подросла. Вчера, когда я с ней заговорил, она мне улыбнулась. Мы очень надеемся, что однажды она заговорит. А вот по петляющей дороге взбирается на холм желтый фургон месье Генерала. Вдруг он привез письмецо из Англии…

Благодарности

Моя искренняя признательность Тео и Мари Поль Гийю за прекрасные познавательные экскурсии по Южной Бретани; Анке Эртнер — за неустанные исследования жизни Восточного и Западного Берлина в шестидесятые и за драгоценные фрагменты из личных воспоминаний; необыкновенному скауту Юргену Швеммле — за то, что проложил маршрут, которым Алек Лимас и Тюльпан бежали из Восточного Берлина в Прагу, и проводил по нему меня; и нашему безупречному водитель Дарину Дамьянову, превратившему дорогу через снега в двойное удовольствие. Кроме того, хочу поблагодарить Йорга Дризельманна, Джона Стира и Штеффена Ляйде из Музея Штази в Берлине за то, что познакомили меня со своими мрачными владениями и подарили персональную печать. И наконец, отдельное спасибо Филиппу Сэндсу, равно компетентному в юриспруденции и литературе: он сориентировал меня в дебрях парламентских комитетов и судебных процессов. Мудрые вещи подсказаны им; ошибки же, если они есть, — на моей совести.

Джон Ле Карре